

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

173

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙорК — МОСКВА

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Николай Озолин, С. Аверинцев,
А. Богословский, В. Бибихин, Ю. Кублановский,
игумен Игнатий Крещин, о. Иларион Алфеев, Д. Поспеловский,
Б. Любимов, К. Сягов, В. Бойков, Н. Струве.

Ответственный редактор: Н.А. Струве

ВЕСТНИК Р. Х. Д.

Н.В. : в 1996 году выйдет 3 выпуска

Условия подписки на 3 номера (с пересылкой) :

Франция 270 фр.

4001551

пересылка)

GER »

(Paris)

ия
A-Press»

CER,
се

RESS,
F.

K/X

LE MESSAGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

173

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
‘РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ’

Н. РАДИЩЕВСКАЯ, 2
4001551

ПАРИЖ – НЬЮ-ЙОРК – МОСКВА

От Редакции

Не в первый раз «Вестник» возвращается к проблеме экуменизма, хотя, казалось бы, на эту тему столько уже было сказано, столько разъяснено! И тем не менее одно уже слово «экуменизм» продолжает вызывать у слишком многих отталкивание, осуждение, у иных даже непонятную злобу.

Мы не устанем повторять, что экуменизм не есть доктрина, по крайней мере у православных, и потому ни в коем случае он не может быть назван «ересью», а уж тем более «сверхересью», как это делает, например, сербский епископ Артемий (Косово). Ни один сколько-нибудь ответственный православный богослов, из тех, что участвовал или ныне участвует в экуменическом движении, не исповедует так называемую branch theory, согласно которой все ветви христианства равны. В заявлении, подписанном всеми православными делегатами на основополагающей конференции в Эдинбурге (1937) было четко сказано: «Православие учит, что, по самому своему существу, Церковь земная является видимой и что только одна истинная церковь видимая может существовать на земле».

Еще менее правомерно сводить экуменизм к Всемирному Совету Церквей, основанному в 1948 году. Экуменизм и старше и шире его. Сколько было еще в XIX веке плодотворных встреч между русской церковью и англиканами или старокатоликами! Став учреждением, Всемирный Совет Церквей потерял изначальную динамику и свободу экуменического движения, но тем не менее все православные церкви без исключения приняли решение в нем состоять, видя в этом возможность деятельного сотрудничества в вопросах просвещения и братотворения, а также мировую трибуну для свидетельства о Православии.

Те, кто со страстью ополчаются на экуменизм, вероятно не ощущают разделение христиан как трагедию. Подстрекательное и не вероисповедными причинами, разделение поразило *самой Церковь*, части которой остаются в разной степени, но тем не менее существенно близки друг к другу. Пусть нам скажут, в чём состоит на сегодняшний день отклонение от Истины в дохалкидонских церквах, называющих и считающих себя православными? И в чем, если отклонение когда-то и было, оно проявляется сегодня в их строе, вере, жизни? Первый экуменический долг православных восстановить «экумену», т.е. вселенскость, (в границах бывшей Византийской империи) с этими древними церквами Ближнего Востока, Египта, Абиссинии, Армении. Как расширится тогда кругозор православных,

Отпечатано в Христианском издательстве
117192 Москва, Мичуринский проспект, 1

Copyright © Le Messenger. Paris 1996

COMMISSION PARITAIRE
N° d'inscription 620 16

Игумен ИГНАТИЙ (Крекшин)

О ХРИСТИАНСКОМ ЕДИНСТВЕ

Верую во единого Бога Отца, и Сына, и Святого Духа — каждый день повторяем мы эти слова Символа веры, исповедуем нашу веру в единого Бога. Сколько в этих словах *вселенской молитвы* радости подлинного Богообщения, какая реальность Богоприсутствия в творении выражена в них! Но как часто эти вдохновенные слова оказываются далекими от действительности *этого* мира, раздираемого ненавистью и страстями, мира, разделенного *нашей* гордыней, мира, *от* Бога отделенного.

В самом начале творения Бог, создавший Адама, сказал: «не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему, ... и будут *одна* плоть» (Быт. 2:18, 24). Это единство первых людей было свидетельством их союза с единым Богом, по образу и подобию которого человек был сотворен (Быт. 1:26). Одновременно Бог заповедал человеку: «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Быт. 1:28) — и в этом умножении единого человечества, в этом его естественном расширении было заложено начало расселения человека по разным концам мира. В этом было начало закономерного разделения людей по разным странам, языкам и народам — помните? — «когда Всевышний давал уделы народам и расселял сынов человеческих» (Втор. 32:8). И в этом разделении Богом людей была своя, Божественная, логика развития единого в многообразии человечества.

Но с отпадением человека от Бога грех отделенности от Творца превратил богатство единого человечества в

как отойдут на задний план соблазны обрядоверия, при наличии исконного обрядового разнообразия...

Если, несмотря на 15 веков разделения (!), до-халкидонские церкви остались по существу и по духу православными, то, к сожалению, того же нельзя сказать про отделившуюся в XI веке Западную церковь. В отрыве от Восточной, она проделала двойной, противоречивый, но и последовательный путь, с одной стороны, затвердев в авторитаризме и, к несчастью, напоследок узаконив этот авторитаризм ненужными догматами, а с другой — из протеста отклонившись, в разной мере, от основ предания. И тем не менее западная половина христианской «экумены» осталась церковью, пусть в чем-то и ущербной. В главном (христологии, духовной жизни, даже в таинствах), особенно с римо-католичеством, но и с некоторыми протестантскими ветвями, общего между нами больше, чем разъединяющего. Кто хоть раз посетил бенедиктинский монастырь и пожил его молитвенной жизнью, уже не сможет отмахнуться гордым окриком «еретики».

Незыблемой истиной-тайной остаются смелые слова митр. Платона, что «стены разделения не достигают до небес». А если это так, то здесь, на земле, не слишком надеясь на воссоединение, но и не отчаиваясь в нем, мы должны прилагать все усилия, чтобы разделения не усугублять, тем более не превращать во вражду, а по мере сил, отделяя тщательно главное от неглавного, всячески их умерять и восполнять деятельной любовью. Это и есть экуменизм, и другого обозначения для этого насущного стремления к вселенскости христианского откровения язык еще не придумал, да и лучшего не придумавшь.

С какой легкостью иные запираются в своей правоте, противопоставляя ее даже своим же братьям по православной вере (и они для них еретики), тем самым придавая Истинной Церкви отпечаток сектантского обособления (карловчане и иже с ними, зилоты на Афоне, «старостильники» разных мастей и т.п.).

Кто нападает на экуменизм, делая прежде всякого рассуждения из него жупел, грешит против Христовых заповедей о единстве и любви. Ибо кто поверит христианам, пусть и разъединенным, если среди них над разномыслием не возобладает любовь?

Никита Струве

разделенность людей — и это стало трагической неизбежностью. Само разделение будет осмысляться отныне в Священном Писании как наказание Божие: «разделю их в Иакове, — говорит Господь, — и рассею их в Израиле» (Быт. 49:7). Рассеяние становится карой за гордость человека, дерзнувшего построить башню до небес, и тем самым утратившего цельность в смешении (балал) языков, как воскликнет пророк Давид: «расстрой, Господи, и раздели языки их» (Пс. 54:10).

В этой утрате человеком союза с Богом, союза, впервые в истории заключенного с Израилем, в этом нарушении единства человечества находим мы и корень утраты веры в единого Бога и угрозу распространения этой веры среди других народов: «и обеславили святое имя Мое, которое обеславил дом Израилев у народов, куда пришел» (Иез. 36:20-21).

Только в восстановлении единства веры был залог возвращения к единству рода человеческого — не случайно уже в Аврааме, этом отце верующих, Господь благословляет все народы (Быт. 12:2-3; ср. Гал. 3:7-9). В этом благословении пророк Иеремия видел также источник восстановления в будущем единства с Богом, обновления союза с Ним: «Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь. Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их, и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом» (Иер. 31:31-33).

Должны будут пройти многие столетия, прежде чем этому пророчеству суждено будет стать реальностью: обновленный союз с Богом будет достигнут только с пришествием Христа, в Его Церкви, которая, по слову апостола Павла, есть тело Его, полнота Наполняющего все во всем (Еф. 1:10, 23). В Телe Христовом, распятом на Голгофе, человечество призвано к примирению с Богом

в приобщении единому хлебу жизни (Ин. 6:35, 48). Именно во Христе все люди — и дальние, и ближние — получают доступ к Отцу в одном Духе (Еф. 2:18).

Но одновременно с пришествием Христа, Своею Кровью скрепившего Новый Завет, в мир приходит и новое разделение — и в этом тайна Богочеловечества. Уже в благословении Симеона Богоприимца слышим мы загадочные слова о Христе: «вот, Он лежит на падение и восстание многих в Израиле и в знамение пререкаемое» (Лк. 2:34). И сам Христос произносит кажущиеся сейчас нам такими страшными слова: «Думаете ли вы, что пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение» (Лк. 12:51). Господь приносит разделение в тот самый мир, о котором позднее скажет апостол: «не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей» (1 Ин. 2:15). Потому что в этом мире нет любви Отчей, нет любви к Отцу, не может быть никакой любви, потому что *этот* мир пронизан ложью, *этот* мир закрыт в самом себе, *этот* мир исполнен страха и ненависти.

И в то же время евангелист говорит: «не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был через него» (Ин. 3:17). Как же так — Бог не от мира, и Бог в то же время хочет спасения этого мира?

В этом кажущемся противоречии евангельского текста, которое так хотят найти в Евангелии его критики, мы видим *христианское* углубление понятия ветхозаветной святости. Божественная святость Ветхого Завета, внешняя этому миру и для него недоступная, становится в Богочеловеке Иисусе Христе, который есть Святой Божий, достижимой для человека: «за них Я посвящаю Себя, — говорит Господь, — чтобы и они были освящены истиною» (Ин. 17:19). В этой приобщенности к полноте святости Божьей, дарованной Христом, человечество вновь обретает утраченное некогда единство с Богом: «да будут все едино: как ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что ты послал Меня» (Ин. 17:21).

Да уверует мир...

Но как же может утвердиться наше свидетельство о едином Боге, о Христе воскресшем, если мир до сих пор разделен, и что больше всего осознавать — разделен мир христианский. Где же, спросите вы, наше единство, если цивилизация, называющая себя христианской, раздираема расколами, если христиане одной церкви нетерпимы друг к другу? Сама мысль о допустимости разделений в Церкви, в теле Христовом, еще апостолу Павлу казалась невозможной, ибо «Бог соразмерил тело, ...дабы не было разделений в теле» (1 Кор. 12:24-25). Именно в разделениях видел апостол проявление плоти, провоцирующее грех: «ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы?» (1 Кор. 3:3).

«Разве разделился Христос?» — спрашивал апостол Павел споривших между собой христиан Коринфа. Неужели может разделиться Христос, спрашиваем мы сейчас, Христос, во имя которого все мы были крещены, Христос, «не сшитый» хитон которого никогда не может быть разделен (Ин. 19:23-24)? И разве не противоречат все деления самой природе Церкви, единой в Теле Христовом? И не из-за нас ли, подчас только называющих себя христианами, не из-за наших ли разделений, свидетельство Божие умалется в мире, имя Божие в этом мире хулится?

Как же еще можем мы объяснить самим себе и миру причину этих разделений в самой Церкви?

Вы помните, конечно, одну из притч Христовых о Царстве Божием, в которой говорится о человеке, посеявшем на своем поле доброе семя, и о враге этого человека, посеявшем среди пшеницы плевелы, сорняки (Мф. 13:24-30; ср. Мк. 4:26-29). И вы помните, как сам Господь объясняет эту притчу — послушаем Его: «сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя есть сыны Царствия, а плевелы — сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол...» (Мф. 13:37-39). Дьявол является источником всех разделений, говорит Господь, или, по свидетельству апостола Павла, «дела плоти»,

среди которых он называет вражду, ссоры, распри, разлады и тому подобное. Делющие это, сурово предостерегает апостол, Царства Божьего не наследуют (Гал. 5:19-21). В чем же тогда реальность Царства Божьего, если действительность *этого* мира нарушает единение Церкви? В чем, спрашиваем мы, залог нашей веры в единого Бога? В чем свидетельство христианского единства? В чем действенность — верим мы — со всей ответственностью произносимых нами во время Литургии слов радости — «Христос посреди нас»?

В любви, говорит Писание.

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не ревнует, любовь не кичится, не надмевается, не поступает бесчинно, не ищет своего, не раздражается, не ведет счет злу, не радуется неправде, но сорадуется истине; все покрывает, всему верит, на все надеется, все переносит», потому что любовь больше всех даров (1 Кор. 13:4-7, 14).

Ибо Бог есть любовь (1 Ин. 4:8).

И сам Господь заповедал нам: «да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин. 13:34).

В этой любви — залог нашего единства, в котором пребывают Отец, Сын и Дух Святой, чтобы через это единство миру открылось общение-причастие (*κοινωνία*) любви во Христе Иисусе, Господе нашем, в котором примирено будет все земное и небесное.

Но «не человеческими силами совершится соединение, — писал Николай Бердяев, — оно окончательно совершится действием Духа Святого, когда час для этого настанет. Вселенское христианство может быть актуализировано лишь при остром эсхатологическом чувстве жизни». Действительно, полнота вселенского христианства возможна только в перспективе Царства Божьего («ищите же прежде всего Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» — (Мф. 6:33), когда мы «все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф. 4:13).

Мы же будем неустанно молиться о чаемом объединении в Духе Святом и повторять вслед за Вселенским Патриархом Афинагором слова надежды: «Соединение будет чудом, но чудом, свершившимся в истории. Впрочем, начиная со дня Пятидесятницы, мы пребываем в конце времен...»

Л.И. ВАСИЛЕНКО

ЭКУМЕНИЗМ — ПРОБЛЕМА И ВЫЗОВ

Московская Патриархия уже немало лет участвует в работе Всемирного Совета Церквей. Одни это оценивают как свидетельство ее положительного отношения к экуменизму, другие же замечают в ответ, что такой экуменизм — не более чем официален. Нередко добавляют еще, что на экуменических встречах и в принимаемых там документах обходят молчанием самые трудные и острые проблемы, разделяющие христиан, и что экуменическая деятельность разворачивается в основном в русле современной плюралистической культуры. Последняя смогла выработать способность к терпимости, сдержанному взаимопониманию и умению осторожно и гибко вести не совсем искренний диалог с соблюдением той дистанции между его участниками, когда не ущемляются их интересы и не затрагиваются болевые точки. Дескать, будьте хотя бы немного по-человечески культурны, не требуйте от других слишком много и тогда вы станете вполне экуменичны.

Плюралистическая культура, однако, не умеет превращать разделения в различия в рамках целого — в ней нет того Всеединства, которое искал Владимир Соловьев для примирения христиан. И не может быть настоящего единства без подлинной искренности и чистоты намерений. Многие православные не удовлетворены нынешним состоянием экуменизма и недоверчиво относятся к его перспективам. Приведем резко отрицательную оценку примирительных заявлений и манифестов различных экуменических комитетов, которую дал митрополит Сурожский Антоний: это «заявления обманчивые, ибо они говорят о единстве веры между нами и неправославными — единстве, которого не существует; заявления, вводящие в заблуждение, ибо они поддерживают у других христиан иллюзию, что до единства, о котором мечтают экуменисты, — уже рукой подать, тогда как оно

должно основываться на полной бескомпромиссности, на подвижнической верности Истине» (2, с. 261).

Митрополит Антоний понимает истинное Православие так: это знание Бога таким, каков Он есть, служение и поклонение Ему, достойное Его святости, осуществление любви к Богу и ближнему согласно заповедям Христовым; это жизнь по Евангелию, осуществляемая в церковной общине, сохранившей чистоту веры, кафоличность и апостольское преемство иерархии. Вслед за многими духовно опытными подвижниками нашего века митр. Антоний признает, что никто сейчас не вправе называть себя православным в строгом и абсолютном смысле этого слова, и вполне понятно, что митр. Антоний не принимает всерьез тот экуменизм, в котором задача примирения христиан рассматривается без связи с полнотой и чистотой истины, без подлинной ответственности за истину и перед истиной, ответственности перед лицом современного разделенного мира, влекомого разными силами к иному единству на антихристианской основе.

Не следует идти на снижение уровня в вопросах экуменизма — таков рефрен наших архипастырей. В экуменическом движении, упрекают они, догматическая сторона веры оставляется без внимания, апостольское и святоотеческое Предание древней неразделенной Церкви игнорируется, а на первое место ставится доброе отношение друг к другу, практическая взаимопомощь и сотрудничество в вопросах культурного обмена и образования и осторожное религиозное просвещение. Все это по-своему хорошо, но примирение, достигаемое на минимальном содержании веры, на любви с сохранением дистанции, на добрых делах, не приправленных солью истины, не так уж и много стоит с точки зрения вечности. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II писал, что минимум веры легко может обернуться максимумом безверия и что единство христиан нужно строить «на той предельной полноте Богоданного откровения, что было дано Святым Отцам. Ведь никогда в духовной жизни нельзя равняться на слабейших, но, напротив, все время должно искать более опытных и духовно более богатых наставников»

(18, с. 8). Этот аргумент заслуживает, конечно, самого внимательного к себе отношения.

Экуменическое движение в ряде своих направлений пошло на снижение уровня убедительности, и серьезные оппоненты находят его не соответствующим евангельскому идеалу. Они настаивают на том, что Православие несет в себе полноту истины, оно — вселенское по духу, а если в экуменизме и найдется что-нибудь хорошее, то последнее есть и в Православии. Не может быть, добавляют они, иного пути примирения и достижения единства христиан, кроме как на основе П р а в о с л а в и я — истинного христианства, к которому и должны стремиться экуменисты. И если православный христианин действительно обретет милость Божию и благодать Духа Святого — благодать внутреннего мира, чистоты сердца, истинной веры, любви в служении Богу и ближнему, — тогда он станет источником примиряющего начала в самых разных ситуациях, в том числе и во взаимоотношениях с неправославными христианами. Фактически он исполнит то, к чему зовут экуменисты, найдет пути к сердцам католика и протестанта и построит отношения с ними в духе истинной любви.

С этими верными положениями обычно связывают утверждение, что нам, православным, ни в чем не нужно меняться в ответ на вызов со стороны западного экуменического движения: пусть другие позаботятся о возвращении в истинное Православие, а мы из него никогда не уходили. Но не окажемся ли мы такими же, как старший брат из притчи о блудном сыне? Или может быть мы не годимся и к нему в одну компанию? Патриарх Сергей (Страгородский) писал в свое время: «Всякий представитель инославия, как бы далек он ни был от Православной Церкви, всегда останется для православного христианина объектом духовного попечения. Христианину свойственно *всем быть вся* (1 Кор. 9, 22), признавать самую последнюю крупицу истины, если она есть у человека, чтобы посредством этой крупички быть понятным своему противнику и *спасти хотя некоторых* (1 Кор. 9, 22). Но такое возвышенное настроение составляет лишь идеал, на

практике редко осуществимый. Большинство людей лишь отчасти живут по вере и лишь отчасти принадлежат Церкви. Внутреннее чувство истины поэтому не слышно им с такой непосредственной ясностью, и вера для них — нечто внешнее, некоторое правило, наложенное на их волю. Поэтому и отношения их к своей вере и Церкви не будут так живы, а вместе с тем и отношение их к инославию будет уже не то» (17, с. 36).

И вместо того, чтобы свидетельствовать католикам и протестантам чистоту, красоту и истину Православия евангельского, многие наши частичные, полуправославные демонстрируют миру свои пристрастия, конфликты, приверженность духовно непросветленным лидерам и идеологиям, сползание в стихию националистических страстей, политические амбиции и обскурантизм. При этом верность истине Православия превращается в уродливый конфессионализм без внутреннего переживания высшей правды как руководящего начала в жизни, без ее осуществления в поступках, без способности убедительно донести ее другим христианам, без прочной внутренней уверенности в истине Православия при встречах с католиками и протестантами. В таком случае дух отчуждения и разделения действует, уже не встречая серьезных препятствий.

Полуправославные по своему духовному состоянию оказываются не в лучшем положении по отношению к истинному, евангельскому Православию, чем христиане из неправославных церквей. Иметь догматическую чистоту и неразорванное преемство с Преданием древней Церкви — очень важно для нас как для традиции, но тяжела духовная неудача нас как сообщества православных, оказавшихся неспособными осуществить на деле то, к чему призывает вера и Предание. И не будут ли екуменисты со своим более бедным духовным багажом, но с более ответственным отношением к заповеди «*да будут все едины*», более правы перед Господом? Тогда немногого стоит позиция тех, кто заявляет: нам не нужен никакой екуменизм, потому что в Русской Православной Церкви есть все необходимое для спасения. Ясно, что

есть, но остается не исполняемой заповедь Христова о единстве и любви — не исполняемая, значит и отвергаемая. Существование и развитие екуменизма поэтому оправдано из-за угасания духа среди православных и среди христиан других традиций. Прежде, чем стать способными свидетельствовать Западу истину Православия, нужно обрести нужные для этого силы и убедительность, но это не будет дано тем, кто угрюмо и упорно осуждает всякое неправославие.

Надо начинать с честного признания факта угасания духа в нашей среде и слабой вовлеченности раннехристианского Предания в нашей церковной жизни. О. Сергей Булгаков писал, что для подлинно православной веры важны чаяние Нового неба и Новой земли, жажда встречи со Христом и жизни с ним, «трепетное призывание и ожидание Христа грядущего», и именно это, «если не догматически, то фактически утеряно Православием (и не меньше, если не больше, и Католичеством) под непосильным бременем своего историзма» (6, с.55). И прежде чем явить твердость воли к единству, нужно взять на себя крест живой боли от раны церковного разрыва, от того, что не было исполнено заповеданное «*да будут все едины*», и искренне молиться «*о соединении всех*». И тогда православные церкви вновь обретут вселенское дыхание, возродят дух христианского универсализма времен первых поколений христиан, столь нужный для подлинного екуменизма.

«Творческое возрождение Православного мира есть необходимое условие для решения екуменического вопроса», — писал прот. Георгий Флоровский (21, с. 515), но оно должно предвариться положительным отношением православных к христианскому миру за пределами видимых границ православных Церквей. Архиепископ Вологодский и Великоустюжский Михаил (Мудьюгин) убеждал «признать за другими христианскими объединениями их принадлежность к истинной Церкви Христовой, а за каждым крещеным человеком — право считать и именовать себя христианином, имеющим возможность спасения в той Церкви, к которой он принадлежит. Иначе

говоря, христианину-баптисту или лютеранину следует признать, что и православные, и католики имеют такие же возможности вечного спасения, как и его собратья по церковной принадлежности... Если эта радость о возможности спасения всякого христианина станет общехристианским достоянием, то ни один крещеный человек не станет приговаривать других крещеных к вечной гибели только потому, что они принадлежат к другой церковной организации» (15, с. 16).

Мы получили от древней неразделенной Церкви великое духовное богатство, которое должны бы с радостью предложить принять всем неправославным христианам. Это апостольское и святоотеческое Предание, преемство и благодать иерархии, соборность церковной жизни, таинства и чистота веры, красота и глубина богослужения, духовный опыт и мудрость подвижников и святых, единство с сонмом мучеников и святых разных времен и народов. Все это должно быть явлено всем ищущим высшей правды. Но вместо открытости, щедрости, радости и любви мы слишком часто видим замыкание на себя и слышим мрачное ворчание из конуры собственного «Я». Вместо погружения в таинственные глубины древней традиции Православия — предпочтению обычая русской церковной жизни кризисного XVII века, или же мрачных времен Ивана Грозного, когда были убиты св. Филипп Митрополит Московский и многие другие, или же времен византийских императоров, погубивших св. Иоанна Златоуста, св. Максима Исповедника и др. Чувствуется в этом желание опереться на что-то неевангельское, далекое от Христа и чуждое Ему.

Но есть еще и действие определенного комплекса неполноценности. Православный богослов Оливье Клеман писал о «растерянности и испуге, которые вызваны столкновением с современностью и которые усугубили ощущение слабости перед лицом назревших потребностей, катехизации, обновления, диалога с интеллигенцией, учеными, деятелями других религий» (13, с. 9). О. Клеман увидел это распространенным по всему православному миру, не только в России. Иметь доступ к

великому духовному наследию и фактически оказаться вне его, вне возможностей поставить его на службу христианскому свидетельству в наши дни — это наш крест от былых исторических грехов и их последствий.

В России к тому же недавно были просто большей частью истреблены лучшие иерархи и пастыри, православные ученые и преподавательские кадры, подвижники аскезы и молитвы. Были прерваны пусть и не все, но многие преемственные связи с недавним дореволюционным православием, где, вопреки кризису и разложению, многое делалось для оздоровления церковной жизни. Огромное число нынешних православных фактически не знают традиции и попадают в зависимость от разных идеологов и наставников, далеких от подлинного благочестия и любви Христовой. В результате в глазах многих убежденных, но слабо просвещенных русских православных идеи экуменизма были в последние годы просто скомпрометированы. И это нужно честно признать, сказал митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, выступая 7 сентября 1994 г. в Москве на конференции «*Отец Александр Мень: наследие*», и затем добавил: «Не в верхах иерархических, а в низах церковных наступило горькое разочарование в словах, которые мы твердили о братской любви, которая творит чудеса... *И нас, пастырей-экуменистов, назвали врагами Православия, и слово экуменизм стало восприниматься как бранное*».

Немало монахов и приходских священников вслед за иеромонахом Серафимом Роузом называют экуменизм «злейшей ересью XX века» и жестко требуют от своей паствы уклоняться от всяких контактов с неправославными, не читать никакую христианскую литературу, изданную католиками и протестантами, и нередко архиереи уступают таким требованиям снизу и идут на поводу у тех, кто одержим ненавистью. Молитва с католиками или баптистами — это «мистический блуд», безосновательно утверждают в этой среде, *Жан Ванье* «проповедует оккультизм», *Тереза Калькуттская* — не более, чем «добрая бабушка» и т.п. Те, кто так заявляет, считают неуместными всякие вопросы и сомнения. Если же им ввернется пас-

тырское служение, то в лучшем случае они оказываются слепыми вождями слепых, а в худшем — волками в овечьей шкуре, лжебратьями и лжепастырями, для которых потеряло всякое значение и Евангелие, и Предание, и церковное послушание Патриарху и другим архипастырям. Например, в этой среде уже и митрополита Суражского Антония считают еретиком и объявляют таковым от имени каких-то никому неизвестных священников в сомнительных нынешних газетах. Известны и случаи, когда жгут Св. Писание в синодальном переводе, изданное у католиков или протестантов. Все это может лишь продлить время гнева Божия над Россией.

Это не значит, что ситуация безнадежна. Агрессивный антиэкуменизм не был поддержан Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в конце 1994 г., который рекомендовал пастырям и мирянам *«иметь мудрость и ревность о Господе, дабы не давать повода для смущения и соблазна верующим нашей Церкви»* (4, с.191). Но ясно, что едва ли агрессивные антиэкуменисты остановятся на одних лишь словесных выражениях ненависти. Где слово, там и дело. Антиэкуменизм для них — составная часть своеобразного «джентльменского набора» — антикатолицизма, антизападничества, антисемитизма, антикультурных устремлений, фундаменталистского ультраконсерватизма и национализма, а также жажды политического реванша в виде религиозной империи или хотя бы государственного православия. Поставив на экуменизм клеймо «ересь», они уже записывают его сторонников в число антихристиан, в служителей антихриста, с которыми воевать нужно не иначе как до победного конца.

Вспоминаются иосифлянские предписания преследовать и казнить еретиков. В России быть активным экуменистом означает согласиться на рискованный образ жизни. Убийство экумениста и миссионера о. Александра Меня это лишь подтверждает. Меня — экуменист милостью Божией, а не просто по своей доброй воле, но для врагов экуменизма не имеет значения, от Бога ли тот или иной его активный служитель. Приведем примечательные слова Г.П. Федотова, сказанные им по другому

поводу, но уместные и здесь: «Шарахаясь от антихриста, попадают в объятия дьявола. Антихрист-то может быть мнимый, а дьявол уж явно подлинный: копыт не спрячешь. Мы имеем классическое определение: *«Сей человекоубийца бе искони и во истине не стоит»*. Всюду, где явлен пафос человекоубийства и пафос лжи (не говорю, убийство и ложь, потому что они и от немощи человеческой), там мы знаем, чей это дух, каким бы именем он ни прикрывался: даже именем Христовым» (20, с. 45).

Велико у нас искушение выпасть из Православия в узколобое фанатическое сектантство. Будем надеяться, что Господь не пошлет испытаний свыше наших сил и сохранит в русском Православии все, что должно быть явлено неправославным церквям в своем вселенском христианском значении. Наш век, заметил Федотов, — это время мученического свидетельства веры, а «сатанинские соблазны бессильны в час исповедничества» (20, с. 47). Мученики в России отдали жизнь за правду Христову, а не за изоляцию Православия от всего христианского мира, которая его ослабит еще больше.

Нередко у нас отвергают экуменизм, ссылаясь на православную консервативность, на патриотические чувства и на монархический политический выбор: быть русским и любить Родину — значит быть православным, сторонящимся разных там католиков и прочих, а быть православным — значит дорожить традицией и хранить ее, любить царя и ратовать за возрождение православной монархии. Увы, левая политическая демагогия многое сделала для того, чтобы изобразить в самом черном свете и консервативность, и монархию, и патриотизм, и здесь тоже нужно расчищать завалы. Действительно ли все это абсолютно несовместимо с экуменическим примирением? Экуменизм ведь вовсе не требует отвергнуть святыню русской православной традиции, Родину и государственный порядок, будь он монархический или иной. Он настаивает на том, что любить свое — не значит ненавидеть чужое, а также, что общее у нас с другими христианами важнее того, что нас различает и разделяет.

Митрополит Антоний Сурожский писал: «Русская идентичность была в очень значительной мере вдохновлена и оформлена христианством, но русское христианство не обязательно является полнотой всего христианского мира. Мы не можем говорить о том, что мы должны его привить всем странам на свете. И я думаю, что говорить о совпадении русскости и православия — это унижение Божественного, вечного, беспредельного. Еще Нестор говорил о том, что каждый народ должен внести свой голос, как бы музыкальную ноту в общий аккорд всего мира в явлении и представлении Бога; и русский народ может внести свое уникальное, — но это еще не все: мы должны научиться у других народов тому, что они узнали благодаря тому, что они на нас не похожи» (1, с. 59-90).

Первый великий экуменист в России, Владимир Соловьев, принимал монархию и любил Православие — он никогда не считал православное богослужение пустым и безжизненным. Чем бы он ни увлекался в своей жизни, свой земной путь он завершил, исповедавшись у православного священника, который допустил его к Святому Причастию. Соловьев предлагал утопический проект вселенской теократии, с которым нам нет нужды соглашаться, тем более что он от него и сам к концу жизни отошел. В этом проекте он говорил, что русский царь призван восстановить христианскую общественность в Европе, но его власть должна быть поставлена рангом ниже духовной власти в Церкви. Ни на Востоке, ни на Западе такой проект не встретил поддержки, но пример Соловьева показывает, что принимать царя — не значит отвергать иноправославие. Другой пример дает о. Сергей Булгаков. Он написал работу «У стен Херсонеса» (7), где связал надежду на духовное возрождение России с великим Римом. Спустя время, он ответил отрицательно на вопрос, из Рима ли придет спасение, и решил книгу не публиковать. Булгаков был монархистом не в смысле политически-партийном, а по «любви к боговенчанному Царю»: он мистически принимал монархию как освящение власти, как осуществление власти не во имя свое, а во имя

Божие: «Я любил Царя, хотел Россию только с Царем, и без Царя Россия была для меня и не Россия» (6, с. 73).

Это была неутоляемая жажда души, которая принесла Булгакову немало страданий. Это была постоянно попираемая любовь. Христианин-немонархист вправе сказать, что о. Сергей возлагал на монархию чрезмерные надежды, а Христос заповедал своим ученикам быть в отношении нее свободными: «Цари народов господствуют над ними..., а вы не так» (Лк. 22, 25-26). Но в условиях России монархист с сильным горением души выиграет в сравнении с обычными обрядоверами, приверженцами бытового и храмового благочестия — людьми, по оценке о. Сергия Булгакова, «духовно сытыми», чьи сердца уже никуда не порываются и не стремятся.

Нет оснований также считать, что православная консервативность непременно обязывает стать антиэкуменистом. О. Георгий Флоровский был безупречным консерватором, но и экуменистом тоже. Он говорил, что современный православный богослов «должен осознать, что аудитория, к которой он обращается, — это аудитория экуменическая. Ему уже нельзя спрятаться в узкую раковину местного предания, ибо Православие... это не местное предание, но в основе своей Предание экуменическое, вселенское...» (9, с. 87). Могут возразить, что мнение даже такого уважаемого патролога — это еще не выражение соборного сознания Церкви. Но если смотреть по существу, то суть консервативности — в любви и бережном отношении к святыням и ценностям православной традиции, в понимании, что через погружение в ее глубину открывается путь к Вечному. Экуменист, верный своей Церкви, признает, что и другая христианская традиция может иметь глубину, достаточную для соприкосновения с Вечным. Такое признание вовсе не означает принижения своей традиции или измены ей. Замечательный пример — «Невидимая брань» св. Никодима Святогорца, который не видел ничего опасного для Православия в том, чтобы взять у иезуита Лоренцо Скупполи большую часть материала для этой прекрасной аскетической книги. Традиции имеют общий корень в древней Церкви.

Консервативность, если ее так понимать, органически присуща и православной, и католической традиции, и вся беда русского православия в том, что нам всем просто не хватает духа подлинной консервативности — благоговения перед святыней Православия, любви к нему, понимания, что всякое новое дело в Церкви оценивается согласно Слову Божию и апостольскому Преданию. И прискорбно, что имеют успех — из-за слабой укорененности многих из нас в традиции — ложные, обскурантские и ультраправые формы консерватизма, когда стремятся «консервировать» то, что названо в Евангелии «преданиями старцев» — местными и далеко не во всем бесспорными особенностями традиции.

Впрочем, не только от правого обскурантизма — все беды. В русской Церкви легко найти представителей «левого» радикализма. Случается и такое, что православный священник, известный своим широко декларируемым экуменизмом, произносит поучения о вредности Добротолюбия и называет св. Амвросия Оптинского «духовным фашистом». Люди же малоосведомленные, положим на Западе, не чувствуют здесь ничего сомнительного и охотно публикуют подобные вещи. Когда же во всеуслышание делается заявление, что все лучшие люди России в XIX веке уходили в католичество, это приводит в полное недоумение, — ведь не так уж и много имен можно привести в обоснование этого тезиса, так что заявление по существу не заслуживает доверия. Кроме того, если человек любит Православие, он никогда не скажет ничего подобного. «Левый радикализм» в Церкви, заметим, часто сопутствует левым политическим симпатиям, а слишком уж многие, кто шел вслед за левыми, раньше или позже отворачивались от Церкви. И не будет неуместным напомнить здесь об ответственности священника перед Богом и Церковью. Тем более, что все это дискредитирует экуменизм в глазах очень многих православных, которые на опыте убеждаются, что такие экуменисты их просто не любят и не уважают, и делают вывод, что верность традиции и экуменизм несовместимы. Если такие «православные радикалы»

фактически ориентируют на уход в католичество, то нужно сказать, что сами католики это не приветствуют и признают теперь, что Православие ничем нельзя заменить во вселенском христианстве. Сошлемся на апостольское послание Папы Иоанна Павла II «Свет с Востока» («Orientale Lumen», май 1995 года), где уделяется пристальное внимание догматическому учению Православной Церкви, святоотеческому наследию отцов-каппадокийцев, православным святым разных времен и народов, красоте традиционного православного богослужения и достоинствам восточного монашества. Первоиерархи Ватикана о православном Востоке раньше так не писали и не склонны были признавать, что католикам есть чему поучиться у православных. Но слава Богу — Рим постепенно становится другим. Рим фактически признает, что Сам Господь сохранил Православие согласно своему таинственному замыслу.

Выше речь шла о том, что в наше время многих православных христиан не удовлетворяет экуменизм, понимаемый как готовность и умение вести пусть и доброжелательный, но не очень глубокий межконфессиональный диалог. При таком подходе теряется из виду таинственная или мистериальная основа христианского единства: полнота общения достигается не только в братской любви и ее делах, но и в единстве веры и в Евхаристии. Единая Чаша должна стать знаком единства христиан. Не всегда, впрочем, экуменисты заходят столь далеко, чтобы признать высшей целью самого экуменического движения единство именно в таинствах и в полноте веры. Многие предпочитают ограничиваться тем, что они называют «единством в главном».

Это, во-первых, вера в Иисуса Христа — Сына Божия, Господа и Спасителя и, во-вторых, вера в спасительное значение крещения, где бы и кем бы оно ни совершалось, в подлинность самого мистического акта крещения человека, обратившегося к Богу и принявшего Христа и

Его Евангелие. Когда эта вера глубоко проникает в жизнь человеческой души, открыто исповедуется и приносит соответствующие плоды в делах и трудах, тогда человек становится тем, кого и на Востоке, и на Западе называют «Божиим человеком», учеником Христовым. Архиепископ Михаил (Мудьюгин) имел все основания сказать, что таковые «*пребывают в Боге*» и «*движимы Духом Святым*», к какой бы Церкви они ни относились (15, с. 16). Они продолжают свидетельство жизненной действительности веры, они становятся носителями духа мира, и нередко именно их свидетельство и помощь содействуют примирению с Богом тех ищущих душ, кому не удается найти общий язык с представителями клира. Об особой роли учеников Христовых св. Симеон Новый Богослов писал еще в X веке, когда духовная слабость архиереев, священников и монахов стали чем-то повседневным и повсеместным.

Если бы ученики Христовы определяли атмосферу экуменической деятельности, они сделали бы ее намного привлекательнее. Они оживили бы тот дух вселенскости раннего христианства, который был утрачен во многих конфессиях, где перестали мыслить глобально, по примеру св. ап. Павла, и дошли до состояния конфессиональной замкнутости. Будем считать настоящим экуменистом того, кто стал на путь ученичества Христова и верит в реальность святой вселенской Церкви Христовой, основанной и сохраняемой Самим Господом и проявляющей себя в большей или меньшей мере в жизни отдельных церквей. Подлинный экуменизм — это именно вера в прикровенную реальность вселенской Церкви и в то, что общее у христиан важнее всего, что их разделяет. Антиэкуменизм же — просто плод неверия. Такая вера — ответ на Божий призыв, выразившийся в словах: «*Да будут все едино*», «*Пребудьте во Мне, и Я — в вас*», «*Да любите друг друга, как Я возлюбил вас*».

Разумеется, в такой вере нет ничего по существу нового — в ней возрождается многими забытая вера древних христиан, и ее можно и нужно признать укорененной в истинном Православии. И чтобы стать действительной, такая вера должна быть благодатной, нести в себе дух мира, жертвенной любви к Богу и ближнему; она должна вырастать из любви Божией к церквям и к каждому человеку, а также из ответной любви человека к Богу. Быть экуменистом — означает быть максимально серьезным, ответственным и убедительным в вопросах веры и любви к Богу и ближнему. Для этого нужны смирение и благодать. Безблагодатный экуменизм бессилен. Духовно чуткие православные скептически к нынешним формам экуменической деятельности именно потому, что не видят в ней дыхания Духа Святого и благоговения в отношении к взыскуемому единству верных. Они опасаются подмены в виде неподлинных форм единства, без евангельской истины, свободы и любви.

Есть еще и опасение, как бы экуменическое сближение с католиками не привело к порабощению православных под власть Римского Престола. Оно сформировалось благодаря тому, что католицизм до Второго Ватиканского Собора признавал православных если не открыто еретиками, то уж как минимум схизматиками. Приняв, что только в Римско-Католической Церкви — полнота Церкви Христовой, католицизм столетие за столетием отказывался признавать церковную полноценность православного Востока и настаивал, что только воссоединение с Римом под властью преемника св. ап. Петра восстановит настоящую церковность на Востоке. Экуменизм Владимира Соловьева был выдержан в духе этих идей в его «*России и Вселенской Церкви*», «*Русской идее*» и «*Истории и будущности теократии*». К концу жизни Соловьев с такими идеями расстался, но Рим начал от них постепенно отходить лишь 30 лет назад. Митрополит Евлогий (Георгиевский) больше многих других православных шел на контакты с католиками еще до войны, но общее свое впечатление от них выразил так: «Проблема соединения Церквей — Православной и Католической — на началах взаимной любви и духовной свободы встречает неодолимое преткновение в вековом неизбывном папском империализме, в силу которого идея вселенского объединения христиан подменяется идеей подчинения всего мира Като-

лической Церкви, от чего Ватикан не может отказаться по самой своей природе. Вот почему, хотя Папа организовал в своей Церкви постоянное моление за страждущую Русскую Церковь, хотя через католические учреждения мы, русские эмигранты, получили немало благодеяний, за то, конечно, мы храним в душах искренние благодарные чувства, — я должен сказать по совести, что католики не нашли путей к нашим сердцам и многое в их отношении к нам за эти годы мы с горечью восприняли либо как непонимание нас, либо как болезненную рану чувству нашей преданности родной Православной Церкви. Воли к преодолению вековой отчужденности они проявили мало...» (10, с. 531).

Многие православные и сейчас охотно подпишутся под такими словами как под своими собственными, несмотря на то, что в отношении католиков к православным немало изменилось в лучшую сторону. За пределами католичества нет церковной пустоты — эти слова Папы Иоанна Павла II довольно известны, как известна и его трактовка примата Рима: первенство Рима — это прежде всего первенство служения, служения единству христиан и укреплению их веры, служения в любви, и Рим должен непрестанно искать и открывать пути такого служения, а не создавать препятствия. Слова Христовы «Утверди братьев твоих» (Лк.22,32) Иоанн Павел II интерпретирует так: «Помни, что ты слаб, что и ты нуждаешься в непрестанном обращении. *Утвердить других ты можешь лишь в той мере, в какой сознаешь свою слабость. Я доверяю тебе истину, великую истину Божию, которою Он замыслил спасти человека, но проповедать ее и осуществить можно не иначе, как только любовью*» (12, с. 195).

Так католики раньше не говорили, и это дает основание для надежды, что продвижение в сторону единства будет продолжаться и дальше. Католики после Второго Ватиканского Собора немало стали делать в этом направлении, и это нужно честно признать. Но надо признать и то, что после объявления недействительными 30 лет назад Патриархом Константинопольским Афинагором I и Папой Павлом VI отлучительных грамот 1054 года не

были совершены совместные деяния такого же значения. Оказалось слишком много препятствий как на Востоке, так и на Западе. Но традиция встреч Папы Римского и Патриарха Афинагора все же не прерывается. Приезд Патриарха Варфоломея I в Рим на Великую пятницу 1994 года для ведения молитв 14 стояний Крестного пути (*Via Crucis* — см. 22) и в день свв. ап. Петра и Павла в конце июня 1995 года свидетельствует о том, что шаги к сближению предпринимаются вновь и вновь и что любовь между православными и католиками может найти себе место в жизни не только в частном порядке, но и в отношениях первоиерархов обеих Церквей.

Единая евхаристическая Чаша была бы свидетельством восстановленного единства. Но Патриарх Варфоломей мог лишь молитвенно участвовать в торжественной мессе в Риме в день свв. ап. Петра и Павла 29 июня с.г., но не мог сослужить Папе во время второй части мессы — евхаристической литургии, при всем том, что они вместе прочли Символ веры по-гречески без *Filioque* и вместе проповедовали после чтения праздничного Евангелия на тему «Ты — Петр». Готовность Папы читать не латинский, а неизменный Никео-Цареградский символ веры еще не означала, что единство веры полностью достигнуто. Во-первых, в богословском плане вопрос о *Filioque* полностью не снят, хотя сказано по этому поводу все, что вообще может быть сказано, и осталось только принять нужные решения. Папа поручил специальной богословской комиссии заняться этим вопросом в плане согласования католического *Credo* с преданием древней Церкви и решениями первых вселенских соборов. Скорее всего при неизменности самой формулировки *Credo* будет дана интерпретация в согласии с древним Преданием и будет предложено считать, что допустимы разные формулировки для выражения одной и той же веры. Боюсь, что очень многие из православных не готовы принять такое решение.

Во-вторых, среди католиков все еще до конца не изжито неприемлемое для православных убеждение, что только в Римско-Католической Церкви — полнота

Церкви Христовой. Богословы Рима говорят так: церковность складывается из ряда элементов, которые есть не только в Риме, но и по всему христианскому миру, и некоторые из этих элементов представлены у не католиков даже в лучшем качестве, чем у самих католиков, но все-таки только в католической Церкви они обретают то целостное единство, которое делает их собственно церковными. В образной форме этому соответствует такая картина. Представьте себе Геннисаретское озеро, на нем — лодки апостолов, одна из лодок принадлежит Петру, в ней-то и находится Христос, а все остальные — кто ближе, а кто и дальше, но ни в одной из них Христа как бы и нет. Лодки — это разные Церкви, а Римско-Католическая Церковь — это лодка Петра. Ответ ряда православных был дан на том же уровне: представьте себе свечу, она — одна и сияет всему миру из Православия, а все прочие Церкви если и светят, то только отраженным светом.

Митр. Антоний Сурожский высказался иначе: в сравнении с Православием «в католичестве гораздо больше неправды, а в протестантизме гораздо меньше правды. В протестантизме не хватает многого, тогда как в католичестве многое извращено» (1, с. 84). Если иметь в виду Католичество дособорное, не лучшая сторона которого и была основным источником впечатлений владыки Антония, то его оценка вполне понятна. Мне лично, однако, ближе то, что я услышал от старого уже доминиканца о Жака Лёва, который бывал в Москве в конце 70-х годов и относился к Православию с большой любовью и пониманием. Православие и Католичество, говорил он, вместе похожи на мощное дерево, вершина которого расколота молнией. Корни и ствол остались общие, и движение питающих соков в общем одинаковое, но попробуйте земными средствами восстановить его как целое.

Второй Ватиканский Собор не заходил столь далеко в своих формулировках, как это сделал о. Жак. Это не помешало ему оказать сильное вдохновляющее воздействие, например, на митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (16) и на православного духовного

писателя из русского Зарубежья Николая Арсеньева (3). Но в его документах есть слова, с которыми православные не могут согласиться: «Ибо только через Католическую Церковь Христову, которая есть общее для всех орудие ко спасению, можно получить всю полноту спасительных средств» (Постановление «Об экуменизме», 3). Есть и другие аналогичные места в этих документах, которые долго еще будут питать настороженное отношение к Риму. Богословско-догматическое расхождение между Православием и Католичеством в учении о Церкви действительно существует, и оно должно быть преодолено. Православие настаивает на верности древнему принципу «Где епископ, там и Церковь». Он означает, что любая Церковь, сохранившая чистоту веры, канонически правильную иерархию, апостольское преемство и полноту благодати в таинствах, и есть самая настоящая Церковь. В первом тысячелетии христианской эры предполагалась также полнота евхаристического общения церквей между собой, включая, конечно, и Римскую кафедру. И православные ждут от католиков признания своих Церквей подлинно церковными, ждут соответствующего уважения и любви. В личных отношениях между православными и католиками и в различных формах «низового» сотрудничества это уже стало реальным.

В-третьих, это вопрос о месте Папы в мировом христианстве. Отрадно, что католики переносят свой основной акцент с власти Римского первоиерарха на его служение. Прот. Николай Афанасьев писал, что в древней Церкви «только такая власть [служения в любви — Л.В.] была приемлема для христианского сознания» (5, с. 298). В древней Церкви Римская кафедра считалась «первенствующей в чести» и «председательствующей в любви». К Римскому первоиерарху обращались за помощью и поддержкой в трудные и тяжелые моменты жизни Востока, и православность самого Рима долгие столетия не оспаривалась. Но православные отказались признавать Папу прямым наместником Христа, как это было провозглашено на Западе в Средние века, отказались соглашаться на административное подчинение Риму, потому что особую роль

Папы в христианском мире католики стали осмысливать как его управляющее главенство над всеми епископами. В пылу антикатолической полемики православные стали ассоциировать с Папой только негативные характеристики, предъявлять обвинения во властолюбии и забвении принципа соборности, и от былого признания духовной роли Рима, казалось, не осталось и следа.

Второй Ватиканский Собор многое изменил в отношении Рима к Востоку, но не пересмотрел все, что препятствует примирению с Православием. Прочитаем одно из таких мест в его документах: в «это учение об установлении, непрерывности, значении и смысле священного Первенства Римского Первосвященника и его безошибочного Учительства Священный Собор вновь предлагает всем верным твердо верить и, продолжая начатое, постановил перед всеми исповедать и провозгласить учение о Епископах, преемниках Апостолов, которые с Преемником Петра, Наместником Христа и видимым Главой всей Церкви, управляют домом Бога Живого» (Догматическое постановление о Церкви «Свет народам», 18). Мы ждем от католиков выработки другого понимания роли Папы, более близкого по духу древнехристианскому. Но сама эта роль — предмет веры. Никто никогда никому не докажет, что Папа — фигура особо значимая в мировом христианстве. *Новый Завет* говорит лишь об особом значении самого ап. Петра, а не его преемника, но католическая вера предлагает всем епископам и тем более всем христианам быть в послушании Папе как преемнику Петра — видимому центру всего христианского мира. Является ли эта вера неперменным условием спасения? Православие это отрицает, ставя на первое место, конечно же, веру в самого Спасителя, а вопрос о Папе связывает не с догматическим содержанием веры, а с древним Преданием.

Папа Иоанн Павел II верен решениям указанного Собора, не отменяет ни одной из его формулировок, но настаивает на том, что Папа — это в конечном счете тайна и одновременно — вызов и предмет пререканий. Так и должно быть, потому что здесь — вопрос веры. В конце

концов, пишет он, известны древние слова, которые никто не отменял: всякий крещеный христианин — «*другой Христос*», и всякий епископ — «*Викарий Христа*», и если с этим соглашаться, то уже не будет казаться одиозным утверждение, что *Папа — Наместник Христа*. Католическая вера здесь проявляется лишь в том, что признание Папы Римского *Викарием Христа* для западной Церкви означает, что его роль Викария распространяется и на все другие поместные Церкви. «В таком понимании слова «Наместник Христов» обретают подлинный смысл. Они указывают не столько на *достоинство*, сколько на *служение*, стремясь подчеркнуть задачи Папы в Церкви, его *Петрово служение*, имеющее целью благо Церкви и верующих» (12, с. 36).

Принимать ли православному христианину такую трактовку примата Папы во всем безоговорочно? Верность традиции побуждает не спешить и ждать дальнейших шагов. Но не будет изменой традиции признание, что если католики верят в особую роль Папы, им по этой вере что-то все-таки дается, даже если сама католическая вера облекается в формулы, которые скорее озадачивают, чем вдохновляют. Но они могут восприниматься и по-другому, если духовное качество взаимоотношений между католиками и православными изменится к лучшему.

Переосмысление традиционных католических формул о примате Папы под углом зрения того, что служение Христово в духе смирения и любви должно стоять на первом месте, будет, вероятно, продолжаться и далее. На словах «Наместник», «Глава», «власть», «управление» лежит слишком тяжелый груз отрицательных исторических ассоциаций. Для освобождения от них нужна серьезная покаянная работа. Папа без «папизма» — православным трудно поверить, что такая фигура может появиться, но благодаря определенным покаянным шагам последних Римских первоиерархов она фактически уже есть. Православные охотнее согласятся, что роль Папы среди епископов — это скорее *аналог* роли Петра, чем прямое преемство Петрово. Патриарху Афинагору I был ближе такой подход и он не видел ничего недопу-

стимого, чтобы в споре за истину противостать тому, кто занимает Римскую кафедру, также как это делал в свое время и ап. Павел перед Петром в Антиохии. Но пререкание с Петром вовсе не означает отрицания его центральной роли среди апостолов, и точно также пререкание с Римом во имя правды Христовой вовсе не требует отрицания первенства самого Рима. «Если мы достигнем единства, — говорил он, — то Римский епископ будет несомненно первым по чести и по порядку во всемирном организме Церкви. Он будет находиться в средоточии Церквей, но отнюдь не над ними, в сердце их братского общения, наблюдая за жизнью этого общения, защищая вселенскость Церкви против угрожающего ей провинциализма всякого рода. Поистине председательствуя в любви» (14, с. 530). Примирение с Римом вовсе не будет административным объединением с ним, чего так боятся многие православные.

Может ли в таком случае православный Восток согласиться с тем, что Папа способен высказывать *«ex cathedra»* («непререкаемо») безошибочные суждения по вопросам веры и морали? Ответ Патриарха таков: «Можно было бы сказать, что Папа, когда он говорит *«ex cathedra»*, выражает мысль всей Церкви, которая вся ведома Д у х о м С в я т ы м, и что, следовательно, определения, которые он произносит, не подлежат никакой демократической проверке именно потому, что они сосредоточивают в себе *«ощущение Церкви»*, выношенное всем народом Божиим, чьим выразителем призван стать Папа, но лишь в той мере, в какой он пребывает в полном общении, в полном сотрудничестве с коллегией епископов и со всеми верующими...» (14, с. 531). Принцип соборности должен быть главным вопреки Первому Ватиканскому Собору, который определил, что Папа может высказываться *«ex cathedra»* и без согласия Церкви, как бы над ней, только в силу особого благодатного воздействия Духа Святого. В т о р о й В а т и к а н с к и й С о б о р поставил непогрешимость Папы в сравнительно более сбалансированные отношения с безошибочностью всей Церкви и этим смягчил жесткость Первого, но не отме-

нил его формулу (Догматическое постановление о Церкви *«Свет народам»*, 25). Православные увидели здесь непоследовательность и неувязки и дали понять, что следует ожидать от католиков дальнейшего переосмысления своей позиции. Странно было бы соглашаться, что у Папы уже в силу одного его высокого статуса есть особая благодать, какой нет у всей Церкви святой. И п р а в о с л а в н ы е н и к о г д а не признают, что Папа может высказываться безошибочно *«ex cathedra»* в условиях разделенной Церкви: нет с о б о р н о г о е д и н с т в а со всецелой Ц е р к о в ь ю, значит нет и гарантий б е з о ш и б о ч н о с т и.

Никита Струве, ответственный редактор «Вестника РХД», как и многие православные, весьма сдержанно относится и к экуменизму, и к сближению с католиками, но признал Патриарха Афинагора I «единственным православным патриархом XX века с действительно вселенским масштабом» и добавил: «В Иерусалиме, обнимая Римского Папу, Патриарх Константинопольский *пророчески* олицетворил собою все Православие» (19, с. 30). С этим я готов полностью согласиться. Совершенно однозначны слова Патриарха: «соединение [Церквей] — это воля Божия, неодолимое требование христианского народа, это единственное средство свидетельствовать о своей вере перед Христом в наше время начинающегося объединения всей земли» (14, с. 357). Поэтому так важно, чтобы христиане «вновь ощутили себя братьями, несущими *общую* ответственность за духовную судьбу человечества» (14, с. 359). Особенно это важно для православных Церквей, в жизни которых немало внутренних разделений, которые уже не всегда и скрываются, хотя и не всегда доводятся до состояния раскола. Они осознаются как что-то неизбежное или имеющее уважительные причины и не воспринимаются уже как трагедия и грех.

Нужно свидетельствовать истинное христианство в среде своих же православных собратьев, и это, может быть, труднее всего. Раскол афонских монахов по вопросу об отношении к Патриарху Афинагору I, а теперь и Варфоломею I — достаточно известный факт: многие из мо-

нашествующих решили, что экуменизм Патриарха — это продажа Православия католикам и протестантам. Но истину Православия нужно свидетельствовать и католикам, чтобы помочь им увидеть неполноту своей собственной традиции и дать ответ на духовную жажду, которая должна возникнуть от такого осознания. Рано или поздно им понадобится духовная поддержка Православия. В свое время это признал и Соловьев в своих «Трех разговорах»: Православию в лице старца Иоанна будут даны силы распознать и обличить антихриста, но нужна будет власть первоиерарха Рима, чтобы предать его анафеме. Иначе говоря, католический Запад и православный Восток нуждаются друг в друге для взаимного восполнения. Но у позднего Соловьева Папа — уже не административный глава всего христианского мира, а тот, чье первенство становится для всех очевидным, лишь когда он мученически свидетельствует веру во Христа и исполняет долг первоиерарха перед лицом грядущего врага Христова.

На встрече Патриарха Афинагора I и Папы Павла VI совершилась правда Божия, и их встреча впоследствии осмысливалась как встреча традиций ап. Петра и ап. Иоанна. Папа Иоанн Павел II назвал недавно Патриарха Константинопольского *преемником ап. Андрея Первозванного*, покровителя этой Церкви. Но именно ап. Иоанн — тот, кому было сказано, что он «пребудет». Слова таинственные и не совсем понятные. Но Оливье Клеман писал, что если Петр был *явным и видимым центром* Двенадцати, то Иоанн — *центром тайным, невидимым*. И встречу Афинагора I с Павлом VI он смело истолковал как *возвращение Петра в число Двенадцати*. «И если он [Петр] их видимое средоточие, не является ли Иоанн их таинственной серединой? Будучи носителем их слова, не может ли Иоанн стать носителем Духа, «великим духоносцем»? Таким образом, Папа, не говоря о проблемах, возникающих из современного выражения его примата, снова входит в полноту сопричастия» (14, с. 442).

И последнее. Экуменическое движение не выработало сколько-нибудь ясной и убедительной модели того, какой должна стать Церковь будущего, в которой будут

преодолены все расколы второго тысячелетия христианской эры. Об этом свидетельствуют и обстоятельная книга митр. Никодима о Папе Иоанне XIII (15), и основательно продуманная работа об экуменизме прот. Ливерия Воронова (8). Но все же пристальное внимание к раннехристианскому наследию и здесь позволяет найти определенные ориентиры. В чем-то будущая Вселенская Церковь Христова будет напоминать раннехристианскую Церковь, когда церковные общины возглавлялись епископами, хранящими чистоту веры, апостольское преемство и полноту благодати. Восстановится раннехристианское понимание роли кафедры св. Петра. Вполне возможно, что будущая Церковь станет своеобразной «диаспорой» поместных Церквей (прот. Александр Мень), достаточно свободных и сильных, чтобы не нуждаться в опорах на национальные традиции и социальные и политические силы, и в то же время способных давать ответы на вызовы и проблемы со стороны окружающих обществ. Иоанн (Зизиулас), митрополит Пергамский, увидел будущую Церковь в виде «сети Церквей, пребывающих в общении» (11, с. 144), в полноте евхаристического общения. Разумеется, это только намеки и надежды, но из них со временем вырастет и более ясное понимание. Нужны для этого люди пророческого духа, и они будут посланы Господом. Во всяком случае, нам не дано уже вернуться к былым средневековым образцам устройства церковной жизни. Борьба за преодоление отрицательных сторон его наследия, связанных с проникновением в церковную среду и культуру нехристианских начал, — это борьба за чистоту веры и жизни, и она еще далека от завершения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антоний, митр. Сурожский. *О встрече*. — СПб: — Сатисъ, 1994.
2. Антоний, митр. Сурожский. *Беседы о вере и Церкви*. — М.: Ин-тербук, 1992.
3. Арсеньев Н. *Единый поток Жизни: к проблеме единства христиан*. — Брюссель: Жизнь с Богом, 1973.
4. *Архиерейский Собор Русской Православной Церкви: 29 ноября —*

- 2 декабря 1994 г., Москва: документы, доклады. — М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1995.
5. Афанасьев Н., прот. *Церковь Духа Святого*. — Рига: Балто-Славянское общество культурного развития и сотрудничества, 1994.
 6. Булгаков С., прот. *Автобиографические заметки*. — Париж: YMCA-Press, 1991.
 7. Булгаков С. *У стен Херсонеса*. — Символ, Париж, 1991, № 25, с. 169-211.
 8. Воронов Л., прот. *Богословские основы православного понимания экуменизма*. — в кн.: Тысячелетие Крещения Руси: Международная научная конференция «Богословие и духовность», Москва, 11-18 мая 1987 г. — Т. II. — М., 1989, с. 195-211.
 9. *Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ*. М.: «Прогресс» — «Культура», 1995.
 10. Евлогий (Георгиевский), митр. *Путь моей жизни*. М.: Моск. рабочий, 1994.
 11. Иоанн (Зизиулас), митр. Пергамский. *Поместная Церковь с точки зрения Евхаристии: православный взгляд*. — В кн.: Афанасьевские чтения: Наследие проф.-протопресв. Николая Афанасьева и проблемы современной церковной жизни (к столетию со дня рождения). — М., 1994, с. 135-152.
 12. Иоанн Павел II. *Переступая порог надежды*. — М.: Истина и жизнь, 1995.
 13. Клеман О. *Новая грань православно-католического диалога*. — Новая Европа. М. — Seriate (Bergamo), 1992, № 1, с. 9-15.
 14. Клеман О. *Беседы с Патриархом Афинагором*. — Брюссель: Жизнь с Богом, 1993.
 15. Михаил (Мудьюгин), архиеп. Вологодский. *Единение в разобщенности*. — Русская мысль, Париж, 2-8 сент. 1993, № 3994, с. 16.
 16. Никодим, митр. Ленинградский и Новгородский. *Иоанн XIII, Папа Римский*. — Wien: Pro Oriente, 1984.
 17. Сергей (Страгородский), св. Патриарх. *Отношение православного человека к своей Церкви и к инославию*. Журнал Московской патриархии, 1993, № 3, с. 36-40.
 18. *Слово Патриарха*. — СПб: Православная Духовная Академия, 1991.
 19. Струве Н. *Православие и культура*. — М.: Христианское издательство, 1992.
 20. Федотов Г.П. *Лицо России: сборник статей (1918-1931)*. Париж: YMCA-Press, 1967.
 21. Флоровский Г., прот. *Пути русского богословия*. — Париж: YMCA-Press, 1983.
 22. *Via Crucis. Размышления и молитвы Вселенского Патриарха Варфоломея на сорокадвух остановках Крестного пути*. — Рига: ФИАМ, 1995.

ОКРУЖНОЕ СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ КО ВСЕМ ЦЕРКВАМ ХРИСТОВЫМ (1920 г.)

К ЦЕРКВАМ ХРИСТИАНСКИМ, ВО ВСЕМ МИРЕ
ОБРЕТАЮЩИМСЯ.

«Постоянно любите друг друга
от чистого сердца».

(1 Петр 1:22).

Наша церковь, держась на мысли, что взаимное сближение и общение разных христианских церквей не исключается существующими между ними догматическими разностями, и что такое сближение очень желательно, необходимо и весьма полезно, как для правильно понимаемого интереса каждой отдельной церкви и всего христианского мира, так и для подготвления и облегчения дела полного, со временем, при помощи Божией, благословенного воссоединения всех церквей, сочла настоящее время наиболее подходящим для возбуждения и всеобщего обсуждения этого важного вопроса. Ибо, хотя и в настоящее время не исключается возможность возникновения противодействий и затруднений, проистекающих от устаревших предрассудков и обычаев, или же от неосновательных притязаний, каковые столько раз в прежнее время препятствовали успеху дела соединения всех христиан, — все-таки, как мы полагаем, — именно в настоящее время для простого на первых порах сближения и сношения эти затруднения будут несомненно не так велики, как в прошлое время, и при доброй воле и искреннем желании не могут и не должны быть непреодолимым препятствием.

Поэтому, считая это дело осуществимым и более чем когда-либо своевременным — таково наше мнение, — вследствие сформирования уже ныне в добрый час учреждения «Лиги Наций», — решаемся изложить в немногих словах в этом послании свои мысли и мнение о том, как мы понимаем это сближение и поскольку

считаем его возможным, и спрашивая при этом и ожидая с вожделением отзывов и мнений остальных христианских церквей, как сестер — церквей восточных, так и западных, и вообще всех повсюду находящихся почитаемых христианских церквей.

Мы полагаем, что следующие два условия могут весьма много содействовать достижению этого желательного и полезного сближения, осуществить его и показать его последствия.

Во-первых, мы считаем возможным и необходимым делом устранение и прекращение всякого недоверия и неудовольствия между различными церквами, происходящих от замеченного у некоторых из них стремления обольщать и привлекать в свою церковь последователей других христианских исповеданий. Ибо всем известно, что, к сожалению, и в настоящее время это происходит во многих местах, чем нарушается внутренний мир церквей, в особенности восточных, которым это причиняет новые и новые скорби и искушения от верующих в того же Господа Иисуса Христа, — и что такое стремление некоторых христиан обольщает и привлекает в свою церковь последователей других христианских исповеданий, вызывает великую вражду и обострение отношений между различными христианскими церквами.

По восстановлению таким образом и прежде всего искренности и доверия среди церквей, мы полагаем, во-вторых, что необходимо также оживить и усилить любовь между церквами, которые должны считать друг друга не чуждыми и отдаленными, а родственными и близкими во Христе, и составляющими одно тело и сопричастниками обетования Божия во Христе (Ефес. 2, 6). Ибо любовью проникнутые и ею руководящиеся в своих суждениях о других, и при своих сношениях с ними, разделенные церкви будут в состоянии сократить и уменьшить разделение, вместо того, чтобы делать его шире и больше. Возбуждая постоянный братолюбный интерес к положению благосостояния и преуспевания других церквей, стремясь следить и как можно точнее узнавать, что в них происходит, и с готовностью оказы-

вая при случае возможную помощь и содействие, они могут совершить и достигнуть много хорошего, во славу и на благо себе и всего христианского мира, и для воссоздания благословенного дела соединения.

Эта дружба и благорасположение друг к другу могут, в частности, проявляться, по нашему мнению, и свидетельствоваться следующим образом: 1) принятием общего календаря ради единовременного празднования великих христианских праздников всеми церквами; 2) обменом братскими посланиями в великие праздники церковного года, как было это принято в древнее время, и при всяком особенно важном событии в жизни церкви; 3) постоянным взаимообщением представителей различных церквей, проживающих в одной и той же местности; 4) сношением друг с другом представителей богословской науки и богословских школ и обменом издаваемых в каждой церкви богословских и церковных журналов и сочинений; 5) командировкою молодых людей для образования одной церковью к другой; 6) созывом общехристианских конференций для обсуждения вопросов, одинаково для всех церквей интересных; 7) беспристрастным, предпочтительно историческим путем, исследованием догматических разностей с кафедры и в сочинениях; 8) взаимным уважением обрядов и обычаев других церквей; 9) взаимным предоставлением храмов и кладбищ для отпевания и погребения умерших в чужой стране последователей другой церкви; 10) упорядочением между церквами вопроса о смешанных браках; 11) наконец, усердной поддержкой церквами друг друга в делах религиозного милосердия и т.п.

Такая не внушающая никаких подозрений и пред всем миром засвидетельствованная связь церквей между собою будет весьма полезна и благодетельна для всего тела церкви Христовой потому, что в настоящее время всевозможные опасности угрожают уже не той или другой церкви в отдельности, но всей совокупности их, так как потрясаются сами основы христианской веры, сущность христианской жизни общественности. Мировая война, только что окончившаяся, показала много нездо-

ровых сторон в жизни христианских народов и обнаружила полное отсутствие уважения даже к самым элементарным требованиям правды и человеколюбия, так как она ухудшила существовавшие прежде язвы и открыла новые, более практического, так сказать, характера, которые естественно требуют много внимания и забот со стороны всех христианских церквей. Так, алкоголизм, принимающий день ото дня все большие размеры, излишняя роскошь, процветающая под знаменем украшения жизни и пользования жизнью, едва прикрываемые, под предлогом свободы и освобождения телесной природы человека, многострастие и сладострастие, доходящие до безобразия в литературе, искусстве, театре и музыке, под предлогом развлечения, красоты и прогресса изящных искусств, обоготворение богатства и презрение к высшим идеалам, — все эти и им подобные явления, создающие опасность для самого существования христианских обществ, вызывают те современные вопросы, которые могут и должны быть предметом общего изучения и сотрудничества со стороны всех христианских церквей.

Наконец, гордящиеся святым именем Христа и своей принадлежностью к Его церкви не должны более забывать и небрежно относиться к великой и новой заповеди Его о любви, и прискорбно будет, если мы предоставим заботу об осуществлении этой заповеди лишь политическим властям, которые уже учредили в добрый час так называемую Лигу Наций в целях развития любви и насаждения справедливости среди народов мира, и притом именно в духе Евангелия и правды Христовой.

Ввиду всего этого, мы, сами желающие и другие церкви считающие разделяющими нашу мысль и мнение о необходимости достижения на вышеуказанных основаниях взаимного сближения и общения церквей между собою, просим в ответ на это послание любезно сообщить нам суждения и мнения своей церкви по данному вопросу, дабы, определив таким образом положение дела, при общем согласии и решении, мы могли бы приступить сообща и решительно к осуществлению

нашего намерения, и таким образом «истинною любовью все возвращали в Того, который есть глава Христос, из Которого все тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви». (Ефес. IV, 15-16).

В Патриархии Константинопольской, в месяце Январе тысяча девятьсот двадцатого года спасения.

Местоблюститель Патриаршего Вселенского Престола Константинопольского † Митрополит Брусский **ДОРОФЕЙ**

† Митрополит Кесарийский **НИКОЛАЙ**

† Митрополит Кизикский **КОНСТАНТИН**

† Митрополит Амаский **ГЕРМАН**

† Митрополит Писидийский **ГЕРАСИМ**

† Митрополит Анкирский **ГЕРВАСИЙ**

† Митрополит Эносский **ИОАКИМ**

† Митрополит Визийский **АНФИМ**

† Митрополит Силиврийский **ЕВГЕНИЙ**

† Митрополит Саранта-Экклисион **АГАФАНГЕЛ**

† Митрополит Тиролои-Серентийский **ХРИЗОСТОМ**

† Митрополит Дарданельский **ИРИНЕЙ**.

ДОКЛАД ОБ ЭКУМЕНИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ ЕПАРХИАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ 1956 ГОДА

Часть I. (Осведомительная).

1. Дадим прежде всего определение того, что такое «экуменическое движение». Ввиду крайнего разнообразия в том, какой смысл вкладывают в эти слова, нужно всегда очень точно употреблять их, иначе не избежать недоразумений.

Под «экуменическим движением» следует разуметь все те течения, организации, съезды и т.д., которые ставят себе задачу *содействовать восстановлению единства Церкви*. Все то, что связано с этой задачей, может считаться «экуменическим», те же течения, которые хотя и «сближают» христиан разных исповеданий, но не ставят себе упомянутой задачи, не могут считаться «экуменическими» (хотя бы косвенно они и содействовали восстановлению единства Церкви).

Поэтому надо строго отличать от экуменизма различные *междуконфессиональные* (вернее, *международные*) встречи, конгрессы, начинания христиан разных исповеданий. Так, например, литургические съезды, которые уже трижды организовывал Богословский Институт, вовсе не имеют экуменического характера, так как в их задачу не входила задача «воссоединения» христиан. Такие встречи, конечно, разбивают понемногу вековые преграды между верующими разных исповеданий, пробуждают сознание необходимости воссоединения всех христиан, но все же они не могут быть включены в состав «экуменического движения».

2. Задачей воссоединения христиан всех исповеданий заняты и православная Церковь, и католическая, а в последнее столетие и разные протестантские группы, но а) католики понимают это воссоединение как простое

присоединение иных исповеданий к римско-католическому исповеданию — поэтому они не принимали и не принимают никакого участия в современном экуменическом движении, — в) православные же Церкви, твердо исповедуя, что в православии дана вся полнота истины, всегда все же охотно шли на те собрания, съезды, в которых принимают участие протестанты. Отличие православия от католичества в данном вопросе состоит в том, что православные Церкви не требуют *с самого начала* присоединения к себе, но стремятся *показать* всю правду православия. Это и лежит в основе присущей православным Церквам готовности принять деятельное участие в тех встречах с инославными, на которых православные могут свидетельствовать об истине православия.

3. Основным разделением, разбившим христианский мир, надо считать разрыв между православными Церквами и римско-католической Церковью. Католики, стоя на вышеуказанной точке зрения, создавали и создают разные промежуточные формы, которые будто бы могут содействовать воссоединению христиан Востока и Запада (унии всякого рода, «восточный обряд» и т.п.). С православной точки зрения все эти попытки заключают в себе ту основную ложь, что они стремятся *обойти* те подлинные препятствия к сближению, какие накопились в течение веков. Пока в Риме будут держаться таких внешних способов воссоединения, оно всегда будет мнимым и нереальным.

Фактически «экуменическое движение» охватывает таким образом встречи, организации, начинания, в которых православные и протестанты разных толков сходятся для обсуждения путей восстановления между *ними* церковного единства.

4. Экуменическое движение, как оно существует в настоящее время, возникло впервые в 1920 г. (съезд в Женеве), после чего возникло несколько организаций, ставивших себе целью сближение протестантских объединений с православными Церквами. В это время возникло две организации: а) объединение практического христианства (Life & Work), имевшее два больших

съезда в 1925 году в Стокгольме и в 1937 году в Оксфорде — на обоих съездах православные принимали живое и деятельное участие, и — в) объединение для обсуждения основных вопросов веры (Faith & Order), имевшее съезды в 1927 году в Лозанне и в 1937 году в Эдинбурге. Сами по себе эти два объединения еще не имели ясно выраженного экуменического характера, но эти съезды и возникшие после съездов комиссии вплотную подошли к признанию того, что в основу всех объединений должно лечь восстановление единства Церкви. Впервые в 1937 году, когда два указанных объединения соединились, возник так называемый «Всемирный Совет Церквей», куда вошли и православные во главе с митрополитом Германом, экзархом Вселенского Патриарха в Западной Европе. В состав Совета вошли различные православные деятели, но разразившаяся в 1939 году Вторая мировая война затормозила деятельность экуменического Совета. Только после окончания Мировой войны деятельность Совета возобновилась, и он созвал в 1948 и в 1954 годах большие съезды (Амстердам и Эванстон).

5. Организация Всемирного Совета Церквей такова: а) во главе его стоит Комитет, избираемый на общих съездах, в) вся исполнительная часть сосредоточена в руках Генерального Секретаря, при котором в помощь ему действует особый «исследовательский центр» (Study Department), издающий различные материалы, а также особый отдел международной церковной помощи, оказывающий большую материальную помощь различным пострадавшим от войны Церквам (в том числе и православным).

Прим. 1. На средства, пожертвованные Рокфеллером, при Всемирном Совете создан особый «Экуменический Институт», который созывает разные общины и специальные съезды, устраивает различные семинарии.

Прим. 2. В последние три года при Экуменическом Институте действуют двухгодичные высшие экуменические курсы для подготовки осведомленных деятелей в экуменической области.

6. Наиболее активными деятелями экуменического движения являются протестанты разных толков, остро переживающие упадок и ослабление сакраментальной жизни у них, упадок в самом понимании Церкви. Встречи с православными являются для многих из них настоящим откровением, приближает их к уяснению идеи Церкви, — поэтому они всегда просят православных об участии в таких съездах. Вот почему экуменические съезды и ставят остро вопрос о воссоединении церковного единства. Этим движением захвачен ныне и католический мир, но так сказать скрытно и тайно, — в общем надо все же признать, что христиане разных исповеданий все сильнее и глубже начинают ощущать неправду разделения между ними. Мы, православные, не можем не переживать с волнением и симпатией все возрастающее влечение протестантов к православию, — тот идеал Una Sancta (Единая Святая Церковь), которым живут теперь многие протестанты, и есть ведь наша православная Церковь. Это налагает на нас, православных, особую ответственность; надо признать, что громадное значение здесь принадлежало и принадлежит русской эмиграции, которая приблизила к православию западных людей.

7. Доброжелательное отношение к экуменическому движению мы находим во всех православных Церквах, — исключением является лишь позиция, занятая Московской Патриархией, как это обнаружилось на совещании в Москве глав и представителей православных Церквей в июле 1948 года. Деяния этого совещания заключают в себе по экуменическому вопросу много фактических ошибок (таково утверждение, будто экуменическое движение создает особую «экуменическую Церковь», или утверждение, что до экуменизма в православных странах не было протестантской пропаганды и т.п.). С другой стороны, члены Совещания упрекают экуменическое движение в том, что оно слишком занято социальными вопросами. Если это отчасти и верно, то конечно не в этом же сущность экуменизма. Позиция Московской Патриархии и Совещания 1948 года наобо-

рот сама страдает нарочитыми преувеличениями, чтобы найти в них предлог для отказа от участия в экуменических съездах. Таковы утверждения, что «Всемирный Совет Церквей» фактически готовит «мировой папизм» или «ищет всемирного владычества».

Таковы основные факты, касающиеся экуменического движения. Как же должны относиться к нему мы, православные, в соответствии с православным учением о Церкви, в соответствии с каноническими правилами, действующими в православной Церкви?

Мы переходим ко второй части доклада — к *части доктринальной*.

Часть II. (Доктринальная).

1. Церковь Христова едина — это является основным верованием христиан, закрепленным в Символе Веры; между тем реально существуют разные «исповедания». Как понять в таком случае единство Церкви при наличии разделений в христианстве? Простейший, но неверный ответ предлагается в так наз. Branch Theorie («теория ветвей»), согласно которой единство Церкви относится к *совокупности* всех исповеданий («ветвей»), или в новом эсхатологическом истолковании относится ко Второму Пришествию Спасителя. Но это учение решительно противоречит коренному церковному сознанию, сохранившемуся у всех христиан. Даже сектанты претендуют на то, что истина Христова только у них, то есть признают себя единой Христовой Церковью.

Единство Церкви нельзя, конечно, понимать в смысле административного или организационного единства, — история Церкви знает такое единство лишь в Западной Церкви, и то не раньше IV века. Единство Церкви есть и единство принадлежности к Телу Христову, — поэтому оно и выражается в реальном или принципиально возможном *евхаристическом* общении. Так, поместные Церкви (русская, греческая и т.д.) все обладают качеством «единства», что и сказывается в том, что православные

русские люди могут причащаться Св. Тайн в греческой или иной поместной Церкви. Но единство Церкви, выражающееся в евхаристическом общении, связано и с *единством вероучения*. Приведем по этому вопросу одно место из декларации православных членов Эванстонского съезда:

«Православное понимание церковного единства предполагает согласие по двум основным вопросам:

а) Все содержание христианского вероучения должно быть рассматриваемо в *целом и неделимом единстве*. Недостаточно принимать лишь некоторые отдельные учения, какими бы основными они ни были сами по себе, например, что Христос есть Бог и Спаситель. Необходимо принять все догматы такими, какими они были выработаны и выражены Вселенскими Соборами, также как и полноту учения древней, неразделенной Церкви. Нельзя удовлетворяться формулами, которые обособлены от жизни и опыта Церкви. Они должны быть сказаны и понимаемы в связи со всей жизнью Церкви. С православной точки зрения воссоединение христианского мира, которое составляет заботу Всемирного Совета Церквей, может быть достигнуто *только на основании целостного, догматического вероучения древней, неразделенной Церкви без убавлений или изменений*. Мы не можем принять резкое различие между существенными и несущественными учениями, и в вероучении нет места для соглашательской уступчивости. С другой стороны, православная Церковь не может согласиться с тем, что Св. Дух говорит нам *только через Библию*. Св. Дух пребывает и свидетельствует в *полноте церковной жизни и опыта*. Библия нам дана во внутреннем единстве с апостольским Преданием, в котором мы имеем истолкование и изъяснение Слова Божия. Верность Апостольскому Преданию сохраняет реальность и непрерывность церковного единства.

б) Через посредство апостольской иерархии осуществляется в Церкви Тайна Пятидесятницы. Епископское преемство от Апостолов составляет историческую реальность в жизни и строе Церкви и одну из предпосылок ее единства в течение веков. Единство Церкви сохраняется

через единство епископата. Церковь есть единое Тело, и ее историческая непрерывность и единство сохраняется также общей верой, вырастающей самодвижно из Полноты Церкви.

Часть III. (Практические вопросы).

Возможно ли и в каких пределах общение с протестантами на религиозной почве.

Для нас, православных, отход католиков от единства Церкви и трагический отход от полноты веры в разных протестантских исповеданиях ставит *миссионерскую* задачу, которую должно признать и неотложной, и первостепенной. В отношении католичества эта задача крайне осложняется для православия острой необходимостью *защищаться* от навязчивых притязаний католиков «овладеть» православием и православными странами (уния, «восточный обряд» и т.д.). В отношении же протестантизма наша задача тоже осложнена тем, что протестантские секты (баптисты, методисты и т.п.) проникают в православную среду, чтобы разрушить полноту веры. Но, зная, что основные протестантские исповедания (англикане, лютеране, кальвинисты) не ведут такой разрушительной работы, зная их искания церковной полноты, мы *не смеем* уклоняться от встреч с ними, от обсуждения основных тем христианского сознания. Однако в древней церкви объединение с еретиками, а тем более молитвенное объединение, абсолютно не допускалось (10 пр. Ап. Правил, 2-е Ант. Собора, 33 пр. Лаодикийского Собора).

Сила этих правил смягчается, однако, тем фактом, что протестанты, ввиду вековых перегородок, совершенно *не знают* православия. Миссионерская задача в отношении протестантов повелительно требует идти навстречу протестантам, *если они хотят беседовать с нами* на темы христианского сознания. Если даже мы констатируем, что протестанты почти всегда держатся упомянутой Branch Theologie или что в их интерес к православию приводят

посторонние внехристианские мотивы, мы не должны уклоняться от встречи с ними, пока мы наблюдаем хотя бы и очень малый интерес к православию. Позиция, занятая Московским совещанием 1948 года, *явно определяется не религиозными мотивами.*

Это подтверждает правду *положительного* отношения к экуменическому движению, правду участия в его различных съездах, собраниях, пока остается в Экуменическом Движении хотя бы и слабый интерес к православию.

ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ*

Участие восточных православных в экуменическом движении было всегда не только фактом, но и проблемой. Если взять православную литературу об экуменическом движении (в большей своей части не переведенную на западные языки, а потому и неизвестную в неправославном мире), то мы увидим, что главной ее задачей было всегда *оправдание* участия православных в этом движении. Такая постановка вопроса свидетельствует о том, что участие это не было для них чем-то само собой разумеющимся, что оно могло быть предметом сомнения, может быть даже спора... Открытого спора, однако, не было. Все православные Церкви (за исключением русской) принимали участие в экуменическом движении в лице авторитетных представителей своей иерархии; возражать против этого значило бы осуждать свою иерархию, и противники экуменизма (которых в православном обществе всегда было много) молчали и ограничивались пассивным сопротивлением более широкому проникновению экуменической идеи в среду верующего народа. Благодаря этому создавалась оптимистическая иллюзия участия в экуменическом движении всего православного мира, и жертвой этой иллюзии были не только люди Запада, но и сами православные — поскольку они понимали значение экуменизма, любили его и жаждали видеть его осуществленным в жизни своей церкви. Между тем, экуменизм никогда не был популярен в православной среде и сторонники его всегда были немногочисленны и одиноки. Однако официально все было благополучно. В настоящее время ситуация изменилась. Русская Церковь, после некоторых колебаний,

заняла в отношении экуменизма отрицательную позицию; за ней *volens-nolens* последовали церкви Болгарии, Румынии, Сербии, Польши и Албании, до сих пор принимавшие в экуменическом движении более или менее ответственное и активное участие. Под косвенным влиянием этого отношения оказались и церкви Александрии и Антиохии, а также Грузии и Армении. И, таким образом, в Амстердаме православие было представлено только греческой Церковью, правда, в трех разных аспектах: константинопольском, афинском и парижском (русская эмиграция, находящаяся в юрисдикции Вселенского Престола).*

Это обстоятельство заново ставит вопрос, который долгое время считался уже решенным, а именно: о православном отношении к экуменическому движению, о принципиальном в нем участии или неучастии. Для многих из нас, кто участвовал в экуменическом движении и имел экуменический опыт, самая постановка этого вопроса является тяжелым и неожиданным ударом. Нам казалось, что тридцатилетнее участие всех православных Церквей (за исключением русской Церкви, которая, фактически, была лишена этой возможности) является не случайным обстоятельством церковной политики или икономии, но фактом церковной жизни, имеющим нормативную силу и для будущего; что самое присутствие православных иерархов на экуменических съездах, *присутствие не случайное*, но последовательное, — из года в год, из съезда в съезд, — есть выражение положительного отношения православия к экуменизму, есть *голос* самой Церкви... И вот, это-то теперь и оспаривается. Московское постановление оказывается действенным не содержанием своим (опровергнуть его очень легко, потому что оно все основано на неосведомленности и недоразумении), а самым своим фактом. В первый раз в истории представители православной иерархии официально высказываются против экуменизма. Как бы нелепы

* Статья написана для английского журнала в начале 50-х годов. По-русски печатается впервые.

* Сюда надо прибавить представителя румынской православной епархии в Северной Америке.

ни были их обвинения, как бы карикатурно они ни изображали экуменическое движение, этот документ является знаменем, под которое встанут все недовольные, все сомневающиеся, все враждебные. Неприятие Московской юрисдикции совсем не гарантирует от влияния московских тенденций, которые сами по себе отнюдь не являются чем-то оригинальным и новым, но только выявляют те черты церковного самоутверждения, провинциализма и подозрительности, которые всегда можно было найти во всех православных церквях. До сих пор они, однако, принадлежали к числу *complexes refoulés*, а теперь объявляются голосом подлинного, неповрежденного православия. Поэтому нас совершенно не удивит, если для православного экуменизма скоро настанут черные дни, и сторонникам экуменизма придется вести в своей среде безнадежную борьбу, в которой они не могут уступить ни пяди земли, ибо это означало бы отказ от тех даров Св. Духа, которые они получили в общении с инославными братьями.

Пред лицом этого положения уместно поставить себе вопрос о том, каковым является подлинное самоощущение представителей православия в экуменическом движении. Мы имеем здесь в виду не проблематику экуменизма как таковую, не попытки найти богословское разрешение экуменических апорий (последние неизбежно несут отпечаток личного опыта и личного творчества их авторов); мы хотели бы ограничиться здесь тем, что является бесспорным для православного сознания, что явствует одновременно из православного вероучения и православной жизни, из официальных заявлений православных делегаций (Лозанна, Эдинбург) и из интимных переживаний каждого делегата.

Основной трудностью православного экумениста является то, что в своих словах, мыслях и поступках он хочет быть выражением мудрости, воли и чувства Церкви. Это, однако, не означает ни слепого послушания церковной власти, ни даже *внутренней лояльности* церковной традиции. Личность и Церковь здесь вообще не могут быть противопоставляемы ни в смысле субординации,

ни даже в смысле гармонии. Ибо в православном понимании *вся Церковь*, во всей своей полноте, присутствует в каждом церковном акте, в каждом своем члене, в каждом приходе (*congregation*). Эта взаимопроникнутость частного и общего, индивидуального и вселенского и есть начало кафоличности, жизнью каждого согласно (*kata*) целому (*holos*). Вследствие этого православный богослов не является свободным — в дурном, индивидуальном смысле этого слова; — по существу он есть только листок в вечном стволе церковного дерева, острие волнореза церковного корабля; его, так сказать, нельзя ни в чем убедить, ибо за ним стоит убеждение всей Церкви, которого он является выражением. Он может глубже вращаться в истину Церкви, может бесконечно входить в ее глубину, может открывать в ней все новые аспекты, но не может отклоняться от нее. А если он это делает, то он тотчас же перестает быть православным и уже не представляет подлинного голоса Церкви. Вследствие этого то, что обычно рассматривается как основное условие экуменического общения, а именно «готовность пересмотреть свою Церковь в свете Св. Писания», звучит для православного богослова как приглашение перестать быть православным, стать ... протестантом византийского обряда.

И, однако, участие православных в экуменическом движении есть факт; и его значительность, как для всего христианского мира, так и для самого православия, исключает самую возможность мысли о том, что этот факт есть недоразумение, которое можно просто устранить, денонсируя прошлое, объявив его *nul et non avenue*. Но в чем же смысл участия православных в экуменическом общении? Если православие мыслит себя неизменным, если оно не может «эволюционировать», «прогрессировать», то для чего ему принимать участие в съездах, собраниях, совместных действиях, общих молитвах? Это и есть тот основной вопрос, который, помимо всех соображений и аргументаций, требует простого и категорического ответа: да или нет; иду или не иду; участвую или не участвую.

Золотую хартию православного экуменизма мы находим в начальных словах энциклики Вселенского Престола от января 1920 г. Вот эти слова, обращенные «к церквям христианским, во всем мире обретающимся»: «Our Church is of opinion, that a closer intercourse with each other and a mutual understanding between the several Christian Churches is not prevented by the doctrinal differences existing between them, and that such an understanding is highly desirable and necessary, and in many ways useful in the well conceived interest of each one of the Churches taken apart and as a whole Christian body, as also for preparing and facilitating the complete and blessed union, which may some day be attained with God's help».

Эти золотые слова ничего не предусматривают и ничего не предreshают. Они только говорят «да», что на мирянском языке можно выразить словами: давайте попробуем, давайте начнем... С тех пор прошло 29 лет, с течением которых православное участие стало органическим элементом экуменической жизни. Мы не хотим преувеличивать этого факта. Мы знаем, что православный голос в экуменических съездах звучит слабо и глухо; что экуменическая терминология и проблематика, — как в постановке вопросов, так и в их ответах, — остается по своему стилю протестантской; что общий характер экуменических собраний неизменно создает у православных делегатов inferiority complex, и все же мы знаем, что участие православия в экуменическом концерте необходимо и неизбежно, что отказ от него означал бы для экумены превращение в духовную провинцию панпротестантизма; а для православия окончательное замыкание в своих конфессиональных и даже национальных границах.

Если отвлечься от интереснейшей богословской проблематики экуменизма и держаться только фактов, в которых выразилось православное участие в экуменизме, то таковых окажется два: во-первых, православная Церковь с самого начала заявила о том, что она не допускает никаких компромиссов, — ни догматических, ни литургических, ни канонических, — и неизменно осуществляла эту непримиримость во всех формах экуменической жизни: от конференций иерархов и богословов до собра-

ний студентов и молодежи; во-вторых, эта твердость не помешала деятельному и ответственному участию православных представителей во всех формах экуменического общения, от чего эти представители отнюдь не перестали быть православными и никогда не были дезавуированы своими церквями. Оба эти факта требуют объяснения.

1) Верность Церкви отнюдь не означает духовного окаменения. Она выражается во-первых внутренне, — как жизнь в Церкви, Церковью и для Церкви; и во-вторых, внешне: как следование тем истинам, которые сама Церковь считает обязательными. В отношении экуменизма их можно резюмировать следующим образом: единство Церкви предполагает единство веры; единство таинств предполагает единство Церкви. Поэтому не может быть соединения церквей без согласия в вероучении; и не может быть intercommunion в таинствах без предварительного единения Церкви, т.е. без единства веры. Таковы termini a quo; что же касается termini ad quem, то мы уже видели, что «вероучительное разногласие не должно мешать тесному общению и взаимному пониманию». Что же разумеется под «тесным общением и взаимным пониманием»? Это, во-первых, богословская беседа, констатирование подлинных, а не кажущихся, пунктов согласия и расхождения, устранение недоразумений, установление действительных противоречий, то есть, вся та работа, которая охватывается словами Faith & Order; это, затем, советование об общем действии, выработка общехристианских программ в области этической, педагогической, социальной, политической, т.е. все, что знакомо нам как Life & Work. В совокупности же того и другого, это есть духовная встреча, познание друг друга, взаимное понимание, из которого рождается любовь. Но если есть любовь, то уже нельзя говорить о бесцельности этого процесса, о беге на месте, нельзя обосновывать бессмысленность пути невозможностью цели. Если экуменизм, в какой бы то ни было мере, способствует возращению любви, то он уже есть цель в себе и не нуждается ни в каких оправданиях. Но мы можем утверждать боль-

шее: если церковное единство невозможно без единства веры, то оно также невозможно и без единства любви. Это слишком часто забывается, как в отношениях интерконфессиональных, так и в отношениях внутрицерковных. Любовь невозможно зарегистрировать; поэтому проще предположить ее наличие даже там, где ее нет. Поэтому так часто церковное единство носит только номинальный и символический характер и христианское собрание оказывается обществом людей, не могущих терпеть друг друга. И, может быть, этот недостаток онтологического момента любви и есть главная причина бессилия христиан в современном секуляризованном мире...

Место и значение любви, ее необходимость для действительного, а не номинального только, церковного единства, с удивительным глубокомыслием определяется в тексте православной литургии. Освящению даров и причащению предшествует исповедание символа веры: таинство церковного единства имеет своей предпосылкой единство веры; но чтению символа веры предшествует «поцелуй любви», который диакон провозглашает словами: «возлюбим друг друга, *ga* единомыслием исповемы».*

В этих словах ясно выражена мысль о том, что любовь является необходимой *предпосылкой* единого исповедания, что вера не есть индивидуальная функция, что спастись можно только вместе, — объединенными любовью. В этих словах литургии содержится как оправдание и объяснение экуменизма, так и православного в нем участия. Экуменизм есть, в первую очередь, призыв к этой любви, без которой невозможно и единство веры, а

* Фактически «поцелуй любви» совершается в настоящее время только сослужащими священниками (со словами: «Христос посреди нас»; ответ: «и есть и будет»). В отношении мирян церковная практика утратила этот глубокий символ. Однако, в Пасхальную ночь, разрывающую ткань времени и несущую с собою радость вечности, этот древний обычай — символ церковной любви, — получает свое полное осуществление. Он сохраняется полностью в чине иаковитской и сирийской (Mar-Thoma) литургии церкви южной Индии, где «поцелуй мира» выражается касанием сложенных ладоней рук, передаваемым от молящегося к молящемуся во всей congregation.

затем и Церкви; он есть затем осуществление этой любви и, в этом смысле, первый шаг на пути к единству. В здании церковного единства он есть фундамент, скрытый под землей, но без которого нельзя строить здания. Может быть это здание никогда не будет построено в этой зоне, ибо все строители видят его каждый по-своему, и у каждого из его архитекторов и даже каменщиков имеется свой план его внутреннего устройства и свой проект фасада. Но относительно фундамента согласны все, и поэтому его и можно и должно полагать и укреплять в отдельных душах, и в церковных приходах, в национальных церквях, во всем христианском мире. И в этом смысле простая встреча христиан, их живое общение является первым исполнительным шагом на пути церковного единства. Ибо единство это никогда не может быть достигнуто теоретическим согласованием догматических формул; оно не может быть результатом корреспонденции и ученой работы; для него необходим фундамент любви, а любить можно только то, что знаешь. «Знание рождает любовь» — так учил еще св. Григорий Нисский, а знание невозможно без прикосновения, без встречи, без общения. Поэтому мы вправе сказать, что представители православия участвуют в экуменическом общении не вопреки тому, что они православны, а потому что они православны. Своим участием в экуменическом движении они делают первый шаг к единству, — единству любви, — за которым может последовать (в этом веке или в будущем, — это знает только Бог) и единство веры.

2) С человеческой точки зрения Церковь есть сакрально-каноническая организация, с твердо установленными границами. В экуменическом общении православные представители выходят за пределы этих границ и входят в общение с неправославным христианским миром, живущим своею жизнью, имеющим свои верования, традиции и установки. Каков смысл этого общения? Православие никогда не мыслит себя как одну из христианских Церквей. Его историческая судьба и его национальная организация не оказывает никакого влия-

ния на его принципиальную вселенскость и единственность. Оно всегда сознает себя как Церковь (The Church), обладающую всей полнотой богооткровенной истины. Но это самоощущение включает в себя обязанность свидетельствовать об этой истине и являть ее пред лицом всего мира: всех народов, всех религий, всех исповеданий.

И, вместе с тем, православие чужд дух прозелитизма. Вступая в общение с инославными христианами, оно не стремится обратить их в свою веру, не навязывает им своей истины. Оно довольствуется тем, что исповедует ее во всей полноте, предоставляя каждому прислушаться к ней и научиться у нее, поскольку каждый этого хочет и может. В этом сказывается своеобразная мистическая скромность православия, бережное отношение к чужому религиозному пути, уважение к тайне, связывающей каждого христианина с Богом. В православной службе праздника Преображения говорится о том, что Господь явил Свою славу ученикам, *насколько* они могли ее вместить. Это и является нормой православного отношения к инославию. Православные представители призваны свидетельствовать о православии пред лицом всего мира: не провозглашать его только как истину, но являть его как славу и красоту. А что из этого произойдет, какие это может дать результаты, об этом они даже спрашивать не смеют. Это дело Божие. Употребляя схоластические термины, можно сказать, что в отношении проповеди православия и его распространения, свидетельство о нем может быть только *causa occasionalis*, но никогда *causa efficiens*... Но в отношении этой обязанности являть миру врученную ему истину православная Церковь обретает в экуменическом движении единственную в своем роде возможность. И отказываться от нее, удаляться от возможности говорить со всем миром и всему миру значит уподобляться тому рабу, который говорил: «убоявшись, я скрыл талант Твой в землю». (Мф. 25, 25).

Таково отношение православия к инославному миру. Но есть во всем этом и другая сторона. Историческая дей-

ствительность церковной жизни никогда не в состоянии выразить собою полноту церковной истины. Реально, феноменально, исторически, церковная действительность всегда требует некоего восполнения, некоего уврачевания своих человеческих немощей и недостатков. «Божественная благодать, всегда врачующая немощи и восполняющая оскудевающее (неполноту)», так описывается действие Св. Духа в чинопоследовании таинства священства. В отношении идеи вселенскости подобная немощь церковной жизни сказывается первым долгом в болезни провинциализма, которая поражает православную Церковь не в меньшей степени, чем другие. Под церковным провинциализмом мы понимаем не национальный или территориальный характер церковной организации и не ограничение действий церковной власти, вообще не что-либо внешнее. Церковный провинциализм заключается в сужении духовного горизонта до пределов только своей церкви, каковы бы ни были ее *expansion* и границы; в ограничении своего интереса только делами данной конфессиональной группы или организации, какова бы ни была ее внешняя или внутренняя значительность; в утере того порыва в беспредельность и бесконечность, который заповедан в словах Господа: «вы будете Мне свидетелями во Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Д.А. 1, 8). Дело Церкви есть дело вселенское, дело спасения всего мира, явление Истины всем людям. И не может быть ничего более противного универсализму Церкви Христовой, как удовлетворяться жизнью в пределах своей ограды, полоть и поливать свой церковный садик, оставаясь равнодушным к тому, что происходит за его оградой. Церковный провинциализм не связан поэтому ни со строем церкви, ни с формами ее исторической жизни. Он есть болезнь духа, болезнь, которая может поражать все церкви, независимо от их силы, величия, даже святости! Можно достигнуть высоких степеней духовного совершенства и все же оставаться провинциальным. И можно жить одному, в изгнании, в ссылке, за полярным кругом и, совершая литургию на корке

черного хлеба, благословлять оттуда весь христианский мир, быть в духовном общении со всеми, кто носит имя Христово и кто за него страдает.

Вселенскость Церкви, так же, как и ее противоположность — церковный провинциализм, — суть две духовные установки: устремленности и неподвижности, орлиного полета и рабского труда, благовестия миру и спасения себя самого...

В этом смысле надо сказать, что как ни слабы достижения экуменизма, в нем чувствуется всемирная боль, но и всеобщее усилие; в нем бьется пульс мировой жизни и над ним порою проносятся «шум как бы от несущегося сильного ветра» (Д.А. 2, 2), в котором верующее сердце предчувствует явление огня Св. Духа. И участие в нем, — в чем бы оно ни выразалось, — в радости и боли, в восхищении или негодовании, — всегда есть преодоление своего провинциализма, выход на мировые просторы, погружение в стихию мира, того мира, который «так возлюбил Бог, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ио. 3, 16).

В этом смысле замысел экуменизма совпадает с замыслом православия: он хочет быть вселенским, он хочет не только в идее, но и в жизни восстановить ту универсальность, которая ушла из жизни Церкви вследствие трагедии разделения.

«Поместная Церковь не ощущает своей ограниченности и провинциализма и принимает себя за исчерпывающе вселенскую и потому, дыша одним из легких, или только частью их, чувствует себя дышащей полной грудью. Экуменизм, как факт, выражает пробуждающуюся неудовлетворенность провинциализмом, римского или византийско-восточного образца. Можно в некотором церковном надмении мнить себя как всю полноту Церкви, но не может не оставаться глухого сознания и чувства жизни, свидетельствующих о том, что это — не то... Утеряно в веках то, что было дано и заповедано, но и теперь утраченное остается как некое обетование и тревога, неутоленное желание, раскрывающиеся, но не смыкаю-

щиеся объятия. В сердце всегда надо носить живую боль от раны церковного разрыва и искреннюю молитву «о соединении всех», которое в обетовании дано, а в жизни задано. И вселенское православие не совершилось до этого свершения. Живая церковность имеет задачей любви церковной: во взаимном общении засыпать пропасть разделения и тем подготовить почву для воссоединения «церквей», — так пишет о своем восприятии экуменизма один из самых смелых, строгих и ответственных деятелей православного экуменизма — о. Сергей Булгаков («Моя жизнь в Православии и священстве» в «Автобиографических заметках» (по-русски), стр. 55).

Для меня экуменическая работа всегда является трудным и медленным восхождением на высокую гору, вершина которой теряется в облаках. Но верю, что имя этой горе — «Фавор», что гора эта — гора Преображения. Ибо в экуменическом общении то, что представлялось чужим и враждебным, становится близким и дорогим. Сквозь человеческие заблуждения становится зрим Сам Христос, живущий в Своих учениках; наше единство во Христе (неполное и несовершенное, ибо мы и понимаем его по-разному) заменяется единством живущего в нас Христа, Который «вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13, 8).

И если, поднявшись на гору и сойдя на ее вершине с инославными, мы не понимаем, каким образом можем мы быть едины при всей нашей разделенности и, вместе с апостолом, говорим: «сделаем здесь три кущи» — одну для православных, одну для протестантов, одну для католиков (ибо и мы «не знаем, что сказать» (Мр. 9, 6), то надо помнить, что если кущ три, то гора — едина, что все мы в трудах и борениях стремимся к той же вершине, на которой нас осенит Слава Господня и ждет Сам Христос; и что в предчувствии этого дара, в предвосхищении единства будущего века, мы уже теперь говорим об экуменическом общении: «Господи, хорошо нам быть здесь».

РАСКОЛ ПРЕОДОЛЕВАЕТСЯ ЛИШЬ ЛЮБОВЬЮ

(Письмо протоиерея Александра Меня матери
Викторине)

Публикация и примечания игумена Игнатия (Крекушина).

Дорогая мать Викторина!¹ Привел, наконец, Бог спастись. Слышал о Вашей болезни и о том, как Вам бывает грустно и одиноко вдалеке от родных мест. Мы здесь все молились за Вас и надеемся, что Господь укрепит Ваши душевные и телесные силы. Спасибо Вам, что в святых местах не забываете близких, маму, меня. Рад был бы чем-нибудь быть Вам полезным. Может быть, связь с отечеством будет Вам приятна.

Много лет уже несете Вы свидетельство верности Господу и Церкви. Годы и болезнь понуждают теперь оглядываться назад и все оценивать. Вы должны благодарить Бога, что он дал Вам пронести свой огонек по темным дорогам жизни. Ведь все мы как девы со свечниками из евангельской притчи. «Се жених грядет» ... Нет у нас своего елея, но что у нас вообще свое? И добро, и трудности — все от Него. Благодарить надо, что дал силы стоять. А что вокруг темнота, удивительно ли это? Впрочем, хочу утешить Вас; не думаю, чтобы вера так уж пала. Она стоит, как и всегда. Ведь во все времена было много искушений и зла. Вот вы приводите имена святителей, а разве им было легче? Вспомните житие Златоуста или Филиппа митрополита. Ведь все их скорби от своих же проистекали. Но, как говорится, «чем ночь темней, тем ярче звезды». Нам не обещал Господь слишком

¹ Мать Викторина (Зоя Александровна Розальсон-Сошальская, 1916-1974), монахиня Горненской женской обители Русской Православной Церкви в Эйн-Кареме (Иерусалим). Ее богатая событиями жизнь, надеемся, когда-нибудь будет описана нами. Сегодня же предлагаем вниманию читателя одно из писем к ней отца Александра Меня (1935-1990). За разрешение опубликовать письмо сердечно благодарю А.Н. Цухерман (Иерусалим), любезно его предоставившую из своего архива. — *Игумен Игнатий.*

легкого пути. Но и Он же говорил о несокрушимости истины.

Вы говорите: растут секты, ищут люди чего-то нового. Но ведь в этом и наша вина, а с другой стороны — это свидетельство неумирающей потребности в духовной жизни. Когда человек ищет, Господь слышит его. И думаю, что ничто доброе не пропадет даром. Так было и в первые века, так и сейчас. Дело не всегда во внешней принадлежности к той или иной церкви. Ведь и Иван Грозный, который осудил Филиппа, и патриарх Феофил, осудивший Златоуста, были православными. Конечно, прискорбно, что мы не можем увлечь людей своей верой. Но некого винить тут, кроме нас самих. А спасение душ — тайна Божия. «Дух дышит, где хочет». Господь иначе судит, нежели мы. Верно и то, что истина всегда в утеснении, но этого мало. Бывают разные верования, которые тоже гонимы. Вот сейчас в Китае истребляют конфуцианцев. Конечно, все им сочувствуют, но это не значит, что у Конфуция истина. Были гонимы и еретики. А Оптина пустынь дорога нам не тем, что ее притесняли церковные власти, а тем, что в ней был дух любви и широты, который влек к старцам самых выдающихся людей того времени.

Думается, что мы должны не только восхищаться нашим православным прошлым (в нем, разумеется, сокровища неисчислимы), но и понять, что не все было хорошо. Иначе стояли бы православные крепче. Многое происходит именно от недостатков христиан. Жизнь все время предъявляет людям новые требования, становится ложнее и труднее. На одном старом далеко не уйдешь. Евангелие — вечно новый и живой дух, а не что-то готовое, остановившееся, вроде памятника старины. Велик и Иоанн Лествичник, велики и подвижники позднего времени. Но жили они в других условиях, ориентировались чаще всего на людей, не живущих в миру. Поэтому православие должно найти пути живой жизни. Почитайте «Записи» о. Александра Ельчанинова. Вот вечно новая и в то же время старая истина, изложенная на современном языке. Но как у нас мало подобного! Правы

Вы, говоря, что ответственность за веру несет каждый рядовой член церкви. Значит, будем просить у Бога сил, внутреннего мира, любви и молитвенного дара.

Споры, которые ведутся между христианами, мало способствуют всему этому. Столетия распрей показали, что не дают они ничего кроме ожесточения. А ведь нам сказано, что нельзя приносить жертвы, не примирившись с братом. Я хорошо понимаю Ваши чувства, когда вы говорите о католиках. Но ведь не зря же мы молимся «о соединении всех». Это не должно быть пустыми словами. Пока же есть разделение, Бог не даст нам сил. Вы знаете не хуже меня, что у них та же вера в Троидного Бога и Христа-Богочеловека, они чтут Матерь Божию и святых (в том числе и многих наших), отцы церкви у нас *общие*. Их иерархия — апостольская, как и наша. И поэтому наша Церковь признает действительность совершаемых ими таинств. Вы сами признаете, что у них есть хорошие люди. (А я добавлю, что и у нас — не одни Иоанны Кронштадтские. Разные есть). И после разделения благодать их не оставляла. Еп. Феофан высоко ставил писания их святого Франциска Сальского. Наш арх. Лука любил Франциска Ассизского и часто говорил о нем в проповедях. Книгу Фомы Кемпийского еп. Феофан тоже ценил, и ее два раза переводили в России. А преп. Никодим Святогорец перевел труд западного подвижника Скуполи «Брань духовная» (ее еп. Феофан перевел на русский под заглавием «Невидимая брань»). Он же перевел и «Духовные упражнения» Лойолы на греческий для восточных монахов. Св. Иоанн Тобольский перевел «Илиотропион», тоже католическую книгу.

Уже этого немногого достаточно, чтобы увидеть, что нет такой пропасти между духовной жизнью Запада и Востока, как нам кажется. Конечно, каждый народ имеет свои обычаи, свой душевный склад, свою историю. Но Церковь не может быть однообразной, она живет во всех формах. То, что Христос основал «на камне», было и есть единое. Разделяют же люди и их грехи. А отцы наши учили, что прежде всего следует видеть — свои. Вы говорите, что они фанатики, потому что «не хотят под-

чиниться нам». А зачем Церкви подчинение? Разве господствовать нас призвал Христос? Что же касается их церковного устройства (папа и т.д.), то это к духовной жизни не относится. Не нам с Вами решать эти сложные вопросы. Это может решить лишь Вселенский Собор. А пока он не вынес своего суждения, все особенности (а их немного) западной Церкви остаются «богословскими мнениями» ее членов и иерархии. Для спасения души и духовной жизни важнее другое: вера, молитва, любовь, таинства. Единственная возможность разделенных братьев понять друг друга — это доброжелательно относиться друг ко другу. Вы говорите, что «не нужно догматического сближения». Это правда, ибо основы догматов у нас общие и «сближать» особенно нечего. Их догмат о вознесении Богоматери у нас формально не принят, но в богослужении и Предании он есть. От «Филиокве» они сами готовы отказаться. Остается лишь примат... Но и здесь есть надежда, что дело прояснится. Вражда же только ослепляет.

Если же они к нам не расположены (а я знаю, что это не так; папа, например, обращался к Восточной Церкви, испрашивая прощения за прошлые обиды, напомним и о примирении папы с патриархом Афинагором), то мы должны первые показать дух христианского смирения и любви. Не искать друг у друга слабостей, а скорбеть о собственных немощах должны мы. Только так мы можем надеяться на прощение и исцеление. У каждого народа есть свои праведники и подвижники (тайные и явные), есть и у западных христиан свои исповедники, подлинно духовные учителя дела и христианской любви. Это должно радовать нас, православных, ибо обителей у Отца много. Нетерпимость, ревнивость, осуждение — нам не к лицу.

Вот сейчас наш поместный Собор снял клятвы со старообрядцев. Они тоже имеют различие с нами, а в обрядах и Символе они нас не любят. Но как прекрасно, что мы *первые* протянули им руку! Именно так нужно поступать христианам, а не ждать, пока другие это сделают (даже если они были виноваты века назад). И что

говорить? Раз наша Церковь признает таинства западной, значит, по существу, нет двух Церквей, а одна, находящаяся в состоянии плачевного раскола. Преодолевается он лишь любовью.

Простите меня, если я огорчил Вас, но обязан был сказать то, что думаю, и уверен, что если Вы рассмотрите дело внимательно, присмотритесь к жизни западных святых (в том числе нового времени — вроде Дамиана да Вестера, Бернадетты, Максимилиана Кольбе и др.), к писаниям их подвижников, Вы увидите, что нас больше соединяет, чем разделяет. Слов нет, велики наши подвижники, но когда к ним прибавляется еще сонм, мы не теряем, а приобретаем.

Гораздо проще дело с календарем. Я знаю, дорогая матушка, с каким временем связаны у Вас воспоминания о спорах вокруг этого дела. Тогда новый стиль вводили обновленцы и нужно было ни в чем им не уступать. Но это уже история, теперь об этом мало кто помнит.

Итак, рассмотрим дело по существу. Что такое «старый стиль»? Его изобрел языческий ученый Эратосфен за три века до Р.Х., а язычник же Юлий Цезарь ввел его повсеместно. Поэтому ничего священного и церковного в нем нет. Его придерживались все в империи — и христиане, и язычники.

Владыка Мануил был прав, когда говорил, что нужно следовать постановлениям 318 отцов, но их постановления, дошедшие до нас, касаются в основном канонов и догматов. В.В. Болотов, самый крупный петербургский историк Церкви, писал: «Относительно определения вселенского собора о времени празднования Пасхи ничего не сохранилось» (Лекции по истории др. Церкви, Пг., 1918, стр. 26). Но и до собора христиане разных стран праздновали Пасху в разное время, что считалось неправильным. О необходимости *всем* христианам праздновать этот день вместе свидетельствует послание Константина Великого к Собору. Значит, унификация календаря есть дело нужное для единства верных. Сам по себе календарный «стиль» не затрагивает веры и духовной жизни. Это дело астрономов и канонистов, а христиане должны

исходить из своих принципов. Не будем же мы из-за чисел враждовать. Ведь тогда, в 20-е годы, дело было не в самом календаре, а в измене обновленцев духу Христову. Впрочем, пусть это все решают люди сведущие. *Не об этом нас с Вами спросят на Страшном Суде.*

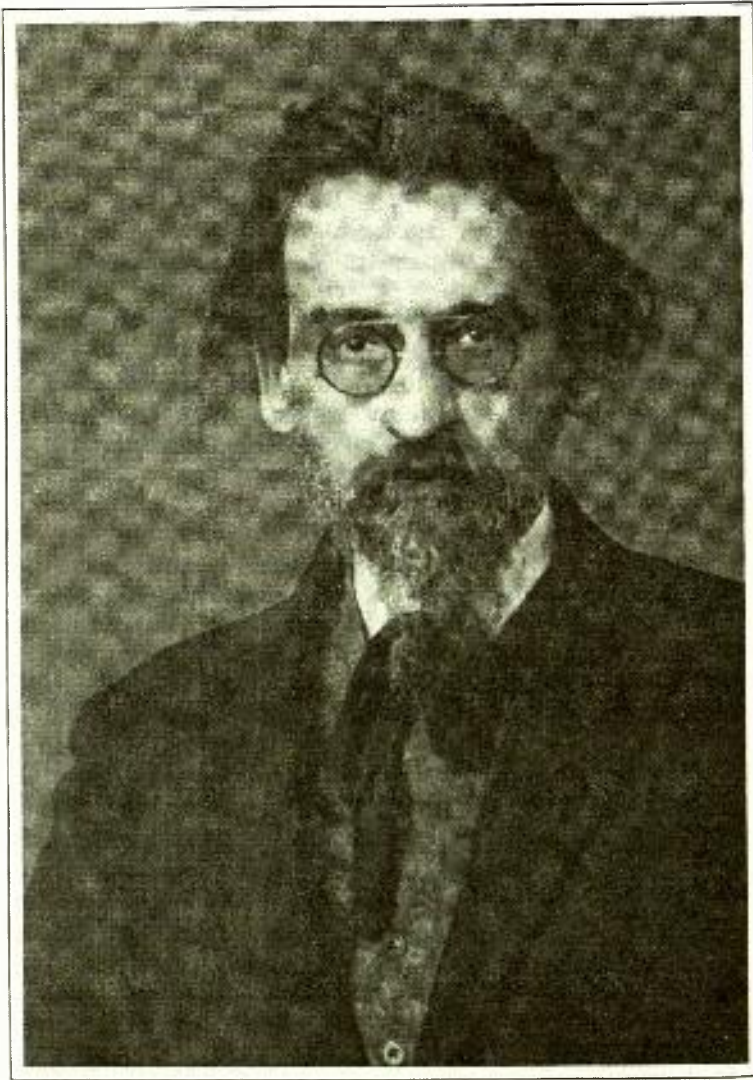
Не взывайте за то, что говорил о вещах для Вас неприятных. Но думаю, что Вы не осудите меня за откровенность. От души желаю Вам мира и твердости. Не забывайте нас в молитвах. Маруся В.² и мама Вам шлют поклоны.

Ваш прот. Александр М.

Что касается о. Всеволода,³ то мне жаль, что вы его недооценили. Он — духовно чуткий и глубокий священник, очень любящий православие и Россию.

² Мария Витальевна Тепнина (1904-1993) — друг семьи Меней, воспитатель отца Александра и прихожанка церкви в Новой Деревне. Ее некролог, написанный Натальей Большаковой, опубликован в альманахе Христианос, II. Рига, 1993, с. 217-218.

³ Протоиерей Всеволод Рошко (1917-1984) — католический священник восточного обряда, служивший в Иерусалиме. Познакомился с отцом Александром через А.Н. Цукерман. См. его некролог: Вестник РХД, № 143, IV, 1984, с. 234-237. Его обширная переписка с отцом Александром опубликована лишь частично: (Вестник РХД, № 165, с. 44-73). Отец Всеволод был тонким знатоком русской духовной литературы — см. его публикации: Неизвестный фрагмент «Откровенных рассказов странника», — Символ, № XV, с. 201-208; Преподобный Серафим: Саров и Дивеево. М., 1994). См. рецензию на эту книгу: Алексей Юдин. «Его душа созрела для вечности...» — в журнале «Истина и Жизнь», 9/1995, с. 36-41.

Лев Платонович Карсавин вскоре после переезда в Каунас
(конец 20-х годов)

Л.П. КАРСАВИН

ВЕРА ХРИСТОВА В РУССКОМ ПРАВОСЛАВИИ

Покинув в ноябре 1922 года советскую Россию и поселившись в Берлине, Лев Платонович Карсавин активно вошел в общественную и церковную жизнь русской эмиграции. Еще до отъезда из Петрограда, организаторами создававшейся в это время в Берлине Религиозно-философской Академии, он заочно был включен в число ее будущих профессоров. Уже в конце ноября Карсавин выступил с докладом «О религиозном понимании истории» на собрании по случаю открытия Академии.

Однако, все же, лекционная работа для немецкой аудитории и статьи, писавшиеся для немецких же журналов, приносили Льву Платоновичу основной заработок. Всестороннее профессиональное знание жизни Западной Церкви, истории и близкое знакомство с современной ему церковно-общественной деятельностью инославных христиан, чему способствовало и регулярное участие в открытых богословских диспутах с наиболее известными русскими католиками и представителями иных конфессий в послереволюционном Петрограде, стали серьезным основанием для почти четырехлетнего сотрудничества с немецкими христианами, преимущественно — протестантами, устраивавшими совместно с русскими богословами и философами — о. Сергеем Булгаковым, Семеном Людвиговичем Франком, Николаем Александровичем Бердяевым — немногочисленные поначалу съезды, носившие экуменический характер и имевшие основной целью выработку взаимоприемлемой для всех христиан платформы будущего объединения.

В 1923 году Карсавин писал С.Л. Франку, что, участвуя в работе этих собраний, он усматривает свою задачу в наивозможно подробном ознакомлении слушателей с историей русского православия и России в целом, ибо у большинства молодых протестантов, участвующих в съездах, нет вообще никакого представления о Восточной Церкви, они «ничего

почти о России не знают и в ужасе перед неизбежной экспансией коммунизма, перемешанного в их сознании с православием».¹ Те годы, по мнению Льва Платоновича, были особенно благоприятны для просветительской работы, ибо в условиях беспримерных гонений православие предстало во всей своей подлинной силе.

Время от времени Карсавин получал возможность вести отдельные курсы и в немецких государственных учебных заведениях. Подготовка к лекциям отнимала очень много сил и времени, поскольку подробные планы и тексты лекций следовало заранее представлять для утверждения, а недостаточно свободное владение немецким языком создавало, по признанию Льва Платоновича, «гнетущие проблемы».²

Оставившееся от преподавательской и церковно-просветительской деятельности время Карсавин делил между работой над основным своим философским сочинением — опытом христианской метафизики — трехтомным трактатом «О началах», вчерне написанном еще в Петрограде и вывезенном в эмиграцию,³ и подготовкой историко-философских статей для немецких, преимущественно протестантских, изданий.

Русский перевод одной из этих работ — *Der Christusklaube in der russischen Orthodoxie*, — написанной в 1925 году, мы предлагаем сегодня читателям. В ней автор развивает многие положения, ранее сформулированные в его вызвавшем острую полемику и многочисленные газетные отклики докладе «*Il popolo russo che nasce*» («Русский народ, который рождается») на первой конференции русских ученых и писателей эмигрантов в 1923 году в Риме.⁴

А. Клементьев

¹ Записка от 28.09.23. [Частное собрание. Париж.]

² Письмо от 2.11.23. [Частное собрание. Париж.]

³ Об истории создания книги «О началах» подробнее см. в послесловии к ее первому полному изданию, в том же шестом редактируемого нами *Собрании сочинений* Л.П. Карсавина (С.-Петербург, «УМСА-Press» — «Scriptorium», 1994, стр. 363-375).

⁴ Текст этого доклада был напечатан в 1923 году в журнале «*Russia*», создателем и редактором которого был итальянский славист Ettore Lo Gatto. Русский перевод доклада предполагается опубликовать в ближайшее время.

ВЕРА ХРИСТОВА В РУССКОМ ПРАВОСЛАВИИ

На вопрос, что, собственно, есть вера, один русский епископ ответил: «Вера — это Сам Бог в нас». Этот ответ типичен для русского религиозного мировоззрения. Вера во Христа — это Сам Христос. Это мы веруем в Бога, во Христа, в Иисуса Христа, и все же вера не есть наше субъективное чувство, но мы и Бог образуем дву-единство, или — ибо все верующие веруют в Бога и все сущее осознанно или неосознанно верует — Богочеловеческое все-единство.

В акте веры я — нечто отличное от Бога, так что я верую абсолютно свободно, в такой же мере могу веровать, как и не веровать, то есть отрицать Бога. И без этого дуализма, без возможности противостоять Божеству я не мог бы в Него веровать, охватывать Его, быть верующим или религиозным. Но я вмещаю Бога; я становлюсь Богом лишь тогда, когда я с Ним уже един и одно. Без моего единства с Богом дуализм веры абсолютно невозможен. Путь веры ведет из перво-единства, в котором Бог — всё, а человек ничто, через дуализм к совершенному единству, где Бог — всё во всё, то есть, где Бог есть Богочеловек и опять один только Бог.

Эту основополагающую для русской религиозности апорию веры (религиозного акта) можно сформулировать следующим образом: 1. Божество есть равным образом Бог и vice versa; 2. Божество = человек; 3. Божество = Бог + человек; но 4. Бог не идентичен человеку. Это я называю *формулой Всеединства*, причем самого человека я понимаю как все человечество и весь космос в человечестве, как всеединого Адама Кадмона. Формула Всеединства или понятие веры раскрывается нам, таким образом, как онтологическое противоречие, которое лишь постольку становится возможным и действительным (то есть также теоретически основополагающим), поскольку Бог, превосходящий бытие и не-бытие и содержащийся в Себе Самом, в Своем созидающем акте совершенно отдает Себя человеку и «исчезает», тогда как человек свободно возникает из абсолютного Ничто и, возвращаясь в Ничто,

становится Богом. Но, хотя такое «динамическое» толкование апории веры в некоторой степени облегчает ее понимание, в то время как статическое толкование оставляет нас перед вопиющим противоречием, было бы крайне неверно и губительно удовлетвориться динамическим толкованием. Бог превыше жизни и смерти, бытия и небытия; а христианство — как понимаем его мы, русские, — не есть религия ни жизни, ни смерти, но *религия жизни через смерть*.

Путь к Божественному бытию, таким образом, раскрывается русскому религиозному сознанию как путь через смерть и страдание, которые и в самом Божественном бытии не исчезают, но составляют его необходимую часть. Поэтому русские в такой поразительной для западных европейцев степени склонны к страданию. Они любят смерть и страдание, они наслаждаются страданием, видя за небытием высшее бытие и рассматривая страдание как неотъемлемую составную часть этого бытия. Достаточно вспомнить лишь мир Достоевского, при всей своей призрачной фантастичности являющийся в определенном смысле высшую реальность. Но сколь болезненным и гипертрофированным ни было бы стремление русских к страданию, оно основано все же на познании абсолютной, то есть божественной ценности страдания. В своем страдании русский узнает страдания Христа; и именно потому он чувствует внутреннюю необходимость искать страдания и жертвовать собой. В этом вожделении страданий жизнь зачастую кажется искаженной, карикатурной и абсурдной: гармония исчезает. Однако в высших своих проявлениях это обожествление страдания предстает гармоничным и просветленно-прекрасным.

Мы содрогаемся от ужаса перед невыносимыми в своей реалистической фантастике распятиями средневековья, перед зловещим изображением распятия гениальным Маттиасом Грюневальдом. Для нас Христос на кресте не утрачивает своего божественного величия. Руки Его распростерты, но они образуют горизонталь, Его тело не свисает к земле, а лик Его остается ясным и

тихим, как будто Он не распят, а в бесконечной любви хочет обнять всех к Нему приходящих, как будто бы Он парит над землей, смерть побеждая смертью. Старославянский язык, до сего дня оставшийся языком нашего богослужения, наших молитв и наших священных книг, смягчает резкость и грубость выражений и фактов, можно сказать, преображает их. Мы не хотим, не воспринимая это как несообразность, говорить, что Иисус Христос получал «пощечины», что Он кричал от боли и т.д., хотя мы знаем, что Его страдание было самым невыносимым и самым страшным страданием на земле. Повсюду, даже в нашей малейшей боли, мы видим боль Христа, но мы не можем «исчислить» Его слезы и Его раны, и мы не ощущаем в себе потребности представлять их реалистическим образом. Потому и наше религиозное искусство настолько нереалистично, что мы не можем воспринимать Сикстинскую Мадонну как божественный образ.

И все же наше чувство всеединства в жизни, страдании и умирании с Божественным Христом — не абстрактная идея, не абстрактное чувство (если таковые чувства вообще существуют). Нет, мы чувствуем себя едиными с Иисусом Христом, Который жил, умер и воскрес во время Августа и Тиберия в Палестине, или — в Котором и с Которого времена онтологически берут свое начало, так что одно устремляется вперед и становится будущим, другое обращается вспять и становится прошлым, а третье навсегда остается как застывшее настоящее, связанное с этим настоящим моментом, его обосновывая. Через Христа и со Христом мы все рождаемся христианами (но не И и с у с о м Христом), так что становимся другими индивидуализациями всеединого Христа и подлинными братьями Иисуса Христа. Мы становимся христианами, поскольку мы совершенно реально соединяемся с Иисусом Христом. Но в разобщенности нашего несовершенного эмпирического бытия мы существуем отдельно от Иисуса Христа. Самое большее, мы можем познавать Его как одного из нас, как нашего перворожденного брата и как Богочеловека, через которого мы рождаемся в Бого-людей. «Познавать»... этим мало сказано — Иисус

Христос близок нам, совсем близок, ближе, чем наши ближние. Он живет и страдает с нами, становится для нас видим и осязатим, и более, чем видим и осязатим, хотя Он все еще остается для нас живущим в Палестине в эпоху Августа и Тиберия.

Вера в Иисуса Христа, как наше реальное единство с Ним, объединяет нас со всеми верующими в Него, в самую первую очередь — со святыми Христа. И, познанная как самая реальная, общность во Христе со всеми умершими, равно как и с живущими, отличает русское православное христианство. Разумеется, это относится ко всему христианству; и я не намерен сообщить что-либо новое. Но специфически-православной особенностью я считаю жизненную силу и конкретный реализм этой общности с метафизическим миром. Нигде умерших так не почитают и не любят, как у нас. Мы обычно прощаемся с нашими преставившимися, запечатлевая последний поцелуй на их челе и руке. Наши службы по усопшим, наши панихиды принадлежат к самым прекрасным, глубоким и волнующим обрядам христианского богослужения. И не случайно, как кажется, смятенный ум одного русского писателя, Федорова, верил в возможность некоего магического оживления всех мертвых и считал это задачей христианства.

Святые живут вместе с русским народом — так понимает и чувствует он свою общность с ними. Они привели его на эту землю, они научили его жить, работать, молиться и превратили эту землю в «Святую Русь». Многие из них жили в другие эпохи и в других странах, а величайший из них, св. Николай, был греком. Но они, так сказать, акклиматизировались и русифицировались. И эта «русификация» святых, даже самого Иисуса Христа, ни в коем случае не может быть понята как вид субъективной соотнесенности или поэтически-мифологического вымысла. Это метафорическое выражение онтологического факта реального единства всего сущего во Христе, действительной пронизанности Им всего времени и всего пространства. В своей пустыни Серафим Саровский находит и созерцает дорогие места новозаветной истории —

Иерусалим, Вифлеем, и в его бедной хибарке является ему окруженная своими служительницами Божия Мать.

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

(Тютчев)

Новое мировоззрение — и все же ему 1925 лет — раскрывается нам в вере русского православия. Нет двух миров — эмпирического и над-эмпирического, существующих раздельно, а есть один только мир, из эмпирического становящийся над-эмпирическим. Однако не царит ли в нашем мире необходимость, исключающая свободу, т.е. любое чудо? Нет — это заблуждение. Всё необходимо; но всё также и свободно, ибо всё становится обоженным и божественным через богочеловеческое чудо. Необходимость и свобода — лишь соотносительные, а именно эмпирически-несовершенные и односторонние моменты более высокого мира, превосходящего его и дающего ему начало и завершение; и становление этого мира есть богочеловеческое чудо. Поэтому русские отвергают любую попытку, например, кантовскую, проводить совершенно непреодолимую границу между абсолютным, или «трансцендентным», и относительным, или «имманентным»; они живут в атмосфере чуда, преображения и обожения.

Так, весь русский культ — это христианская теургия, а не магия, так как в русском культе совершается преображение человека (и всего космоса через человека),

т.е. превращение в более высокое бытие. Культ представляет собой объективную и, так сказать, материальную сторону процесса, который в акте веры осуществляется своей субъективной стороной. Культ относится к акту веры так же, как изображение Тайной Вечери у синоптиков относится к ее изображению в Евангелии от Иоанна. Культовые обряды православной церкви, таким образом, не остаются какими-то внешними обычными человеческими обрядами, обладающими лишь трансцендентной и потому незримой магической силой, но они стремятся быть чуждыми всему обыденно-человеческому и действительно остаются ему чужды. Своеобразный мелодический речитатив нашего богослужения, старинный, хоть и несколько искаженный европейскими влияниями, впечатляюще монотонный — потому что нельзя обращаться к Богу тем же голосом, что и к людям, — унисон, как это принято еще у староверов, выразительно указывает на преображение эмпирии. В наших иконах, их тонко прочувствованных и искусно проведенных линиях, их сверх удлиненных, стремящихся ввысь телах, их величественной красоте и глубоко продуманной символической композиции являет себя преображенный мир. И, как во Имя Божие зажженные свечи, светят золотые «луковицы» древних русских церквей. Лишь 20-30 лет назад был открыт мир древнерусских икон под тяжелыми золотыми и серебряными барочными окладами и черным слоем олифы. И разве это было не чудо? Сейчас сами собой «обновились» древние иконы и «преобразились» потемневшие купола церквей. Не божественное ли это чудо преображения мира?

Свойственное русским «онтологическое» восприятие веры раскрывает нам богочеловеческое все-единство, не дуализм и единство, а становящееся все-единство. Было бы ошибочно и для религиозной жизни губительно ограничивать это все-единство собственно религиозной сферой. Нет различия между религиозным и не-религиозным как качественно и существенно иным, а только различие между религиозным и «еще не-религиозным» или потенциально-религиозным, ибо Всё относится к

Богу. Таким образом, вера охватывает все, что вообще существует. Бог, который есть Всё во Всём, — это цель и над-эмпирическая, но не исключаящая, а содержащая в себе эмпирическое, полнота веры. Стремление приблизиться к этой полноте есть наша несовершенная, эмпирическая религия, которая вскрывает сущность невидимого и вследствие своей неполноты дает лишь несовершенное отражение невидимого; однако в той же мере пытается охватить его символически.

Вера познает и является знанием в значительном смысле, так как теоретическое, абстрактное знание предлагает нам лишь один из аспектов веры, а именно аспект, отделенный от веры как целого и именно потому сомнительный. Все теоретическое познание сомнительно: вера, как высшее приближение к Абсолютному, ближе всего к абсолютному обоснованию истины и обладает поэтому наибольшей несомненностью, поскольку вера в себе самой может преодолеть сомнение. Вера не только познает, но действует и живет, однако не следует смешивать веру с абстрактным, отделенным от познания действием. Вера — это познание, которое совершает поступки и действует, деятельность, которая познает и живет. Вера — это живущее и живое, т.е. любящее и деятельное познание и познающая деятельность любви.

Мы, русские, не отделяем «веру» (т.е. познание в вере) от действий (т.е. деятельности веры); а имеющая здесь место западноевропейская проблема, которая привела к расколу протестантизма и католицизма, остается нам совершенно чуждой и едва ли понятной. Мы не знаем сложения «веры и действий»; мы знаем лишь живую и живущую веру, которая действует в познании и познает в деятельности любви. И на этом все-единстве веры основано наше мнение о ее несомненности. Ибо истина подтверждается не только теоретической мыслью, но и религиозным действием. Из того, что человек оказывается праведным и святым, что он включает нас в свою деятельность любви, мы видим, что его вера приносит добрые плоды и должна, очевидно, также и правильно познавать. Тут коренится принцип авторитета, который,

разумеется, обладает подобающей полноте все-единой веры непогрешимостью. Учение Христа неоспоримо и абсолютно обосновывается тем, что Он его не только проповедовал, но и полностью осуществил.

Чисто теоретическое обоснование истины не исключает всякого сомнения: остается сомнение, которое по своей сути есть не что иное, как болезнь воли, свободное не-воление, *абулия*. С другой стороны, чисто практическое обоснование истины не исключает теоретического сомнения. Лишь совершенное соединение теории и практики, познания и деятельности поднимает нас над всяким сомнением и вместе с тем над греховной косностью. Иван Киреевский и Хомяков, первые «славянофилы», уже давно и блестяще разъяснили это понятие веры. Вера, не «мелкая», лишь практическая, но христианская, познающая в деятельности и постоянно себя совершенствующая, — это высший принцип и полнота бытия и знания, из которых точно так же проистекает познание, как и деятельная жизнь, в которые и то, и другое вливаются, которыми они обосновываются. Через эту веру являет себя истина. Русский язык называет истину словом «правда», которое одновременно обозначает теоретическую истину (рус. *истина*, т.е. «то, что есть») и практическую (рус. *справедливость*). И почти все русские религиозные движения, среди которых многие неосознанно остаются религиозными, можно назвать «исканием *правды*».

Стремясь осуществить свою веру, русские не удовлетворяются ни ограниченной, простой верой, ни пренебрегающей теоретическими поисками религиозной практикой. Они стремятся до конца проникнуть в суть того, во что верят, и поднять это над всяким сомнением. Они хотят несомненного. И потому они во всем сомневаются, пытаясь доказать истину активнейшим, часто почти демоническим и, следовательно, греховным отрицанием. Кощунственно насмеваются они над Богом и начинают войну против Неба в надежде, что Бог их накажет и тем самым не оставит сомнения в Своем существовании. Русский атеизм, русский нигилизм, русский воинствующий

цинизм — это борьба с Богом за Бога, путь Богопознания, хотя и извилистый и греховный путь. Это хорошо известно из произведений Достоевского, и это можно наблюдать и в воинствующем атеизме большевиков, который ведь тоже является лишь проявлением определенных реальных, хотя и малоотрадных, тенденций и потенциалов русской души. Народ, не меньше, чем индивидуум, требует уверенности через сомнение, т.е. хотения через не-хотение, жизни через смерть.

Ибо соответственно сущности своей веры русские не ограничивают своей борьбы за Бога и истину теоретическими исканиями, но стараются испытать свою веру также практически. Каждую идею они желают и осуществить. И этот своеобразный «прагматизм» русских делает их идеологию особенно опасной и часто роковой. Мы видим, как современная позитивистско-релятивистская болезнь европейской идеологии страстно усваивается русскими и, доведенная до крайнего практицизма, превращается в вид позитивистской религии, которая тщетно претендует нести в себе самой свое свидетельство. Так, европейский социализм становится новой церковью, которая обладает своей прочной организацией, своей дисциплиной, своим непогрешимым папой, своим священным писанием («Капитал» Карла Маркса и труды Ленина) и даже своим катехизисом («Коммунистический Манифест»). Русский презирает «абстрактные» идеи, т.е. идеи, которые он не может актуализировать и актуализировать безотлагательно; или он непоколебимо извлекает из самой абстрактной идеи самые крайние и самые абсурдные практические выводы. Он не страшится противоречий, даже самых вопиющих абсурдностей и разворачивает сверхчеловеческую деятельность, тот самый русский, который без веры в идею остается ленивым, пассивным и вялым. Впрочем, пассивен он и тогда, когда увидит абсолютность и, следовательно, невозможность достижения своего идеала. Ибо он грезит об абсолютном, хотя абсолютное он часто путает с относительным и эмпирическим — вера требует, чтобы конкретное не уничтожалось, но сохранялось — или не узнает абсолют-

ное как таковое. Он мечтает о благе всего человечества, быть может, всего мира. Но как возможно счастье всех людей, если для его осуществления нужно долгое время и если миллионы уже умерли в несчастье и страдании? Как можно сделать счастливыми людей будущего, не повергая в нищету и страдания людей настоящего, не совершая над ними насилия и не убивая их? Или нужно, или необходимо попустить все это? Действительно ли зло все то, что мы так называем?

Здесь встает перед нами проблема зла.

Так как Богочеловеческое все-единство дано нам в акте веры, оно не совершенно, это мы хорошо чувствуем и знаем. Я с Богом не окончательно един, и я не вмещаю и не обладаю всей полнотой Божества. Именно поэтому мое все-единство с Богом — это только *становящееся* все-единство. Однако, Богу безусловно присуща Его божественная полнота и в ней совершенное богочеловеческое все-единство, а, следовательно, мое собственное совершенство, которое пребывает в Нем всегда, и к которому, как к своему идеалу, я только стремлюсь. Я лишь *буду* совершенным, хотя мое совершенство уже онтологически предсуществует моему приобщению к нему (конечно, не во временном отношении). Я рассматриваю даже мой идеал, т.е. мое совершенство в Боге, как нечто абсолютное и для моего относительного бытия недостижимое, поскольку мое несовершенство кажется абсолютно непреодолимым. Я чувствую себя ограниченным, проклятым и обреченным какой-то фатальной властью; у меня нет сил и нет возможности достичь моего собственного совершенства, к которому я стремлюсь. Теперь ясно и неоспоримо, что эта роковая ограниченность не может быть божественной, но принадлежит мне, как тварному существу, даже если я и не понимаю, как вообще она произошла. В сознании моего несовершенства, т.е. моего «ничтожества» или моего небытия я познаю мою «тварность», а именно злую, греховную сущность. Но, разясняя и определяя мое индивидуальное отношение к Богу, я разясняю одновременно отношение все-единого создания к Богу, так как весь космос, как все-единственный

Адам, индивидуализируется во мне (как и во всех людях) как в микрокосме.

Русская религиозность характеризуется сознанием непреодолимой космической власти зла, хотя не может существовать никакое «иное бытие», никакое зло в Боге и в творении Божиим, которое само по себе и в себе есть ничто. Мы чувствуем себя бессильными против этой власти, в то время как она нас увлекает, тащит и гонит, подобно тому, как дикий порыв ветра кружит сухие безжизненные листья; а она бушует и мчится как безличная, неопределимая сила, древняя сладострастная Лилит или не существующий отец лжи и смерти. И все же мы чувствуем, что эта сила не что иное, как мы сами, как человечество и в нем каждый из нас. Русский переживает общность всех людей во зле, греховное все-единство зла, которое, правда, строго говоря, не может быть названо все-единством, так как зло — это множественность, разбросанность и небытие. Сознание своей греховности никак не ограничивается своими личными грехами, но рассматривает их как лишь индивидуализации всечеловеческой греховности, которую он стремится взять на себя. Если зло существует, то все мы и каждый из нас повинен в этом. Если бы я был другим, то и все люди, которые жили до меня, живут одновременно со мной и будут жить после меня, были бы другими. Они греховны, *потому что я греховен*. Я виноват в том, что они виновны и греховны, и наоборот, они виновны в том, что виновен я. Греховная вина всего космоса, т.е. все-единого Адама, — это моя собственная вина, и притом не только в той мере, в какой я ее индивидуализирую и актуализирую, но еще и неким иным таинственным образом. Все-единственный грех остается субстратом моего собственного, потенцией моей осуществляющейся греховности; а эта потенция есть всецело также я сам, хотя я и осознаю ее — насколько я различаю себя от других людей и всего человечества — как внешнюю и захватывающую меня силу.

Так, я произвожу свободно из самого себя злое деяние, выношу его полностью из себя самого; и тем не

мене, поскольку я воспринимаю его в его сущности и в полном его объеме, оно противостоит мне, как сокрушающая меня сила. Я, свободно совершающий мой грех, становлюсь одновременно его рабом; он же, содеянный мною, становится (или лучше: обнаруживает себя) непобедимой инерцией. Ибо мое зло есть, по существу, мое нежелание и не-делание, моя свободная и потому немотивированная инерция, позволяющая господствовать моей низшей, животной «субстанции» и оставляющая неосуществленным мое высшее человеческое существо. Инерция, конечно, не обладает активностью, так как она есть лишь дефект деятельности, лишь не-существование активности и недостаток бытия; она вызывает иллюзию активности, потому что инерция высшего означает ухудшающуюся деятельность низшего. Само по себе низшее или животное не представляется злым; напротив, животное, как данная ступень и специфическое качество раскрытия действительности, есть добро. Но низшее делается злом, если оно остается статичной формой потенциального бытия высшего, т.е. его не-бытия как высшего и застывает в своем тако-бытии, не совершенствуя себя.

Бог творит человека как свободное все-единое, развивающее из себя весь космос создание, свобода и бытие которого возможны лишь через не-бытие Бога, а совершенное, т.е. божественное бытие которого возможно только через его собственное не-бытие. Бог создает человека из ничего, отдавая всецело Себя Самого и делая его вторым субстратом Своей божественности, чтобы человек существовал через такую же полную самоотдачу и стал Богом. Через саможертвенную смерть Бога, который пре- выше смерти и жизни, человек существует и обожается (θεοοις); но обожение человека совершается в его саможертвенной смерти, в его возвращении в Ничто, из которого он свободно возникает творческим актом Бога. В своем совершенном единстве с Богом, т.е. в совершенстве своего бытия, человек — это совершенное Ничто, его нет. В своей причастности к Богу (μεεξις) он является другим субстратом божественности, который сам по себе

остается неопределимым, не-сущим, и все же противостоит Богу Творцу.

Выражаясь метафорически, это так, как если бы Бог вызвал еще несуществующего человека из ничего, а человек ответил бы ему словами: «Се раба Господня. Да будет мне по слову Твоему», или : «Не моя воля, но Твоя да будет», и в этих словах уже осуществился. Разумеется, человек, который имел начало существования и потому является конечным, не мог бы достигнуть бесконечности Бога, если бы Бог не захотел Себя Самого тоже сделать конечным, взяв начало, подобно человеку, и если бы Он таким образом не явил человеку Себя Самого как стоящего выше конечного и бесконечного. Своей бесконечной конечностью и самоограничением (которое, однако, Его не ограничивает) в Боге-Сыне, вочеловечиванием Сына преодолевает Бог конечность Своего творения и являет Свою абсолютную любовь. Таким образом, онтологически необходимое несовершенство человека становится совершенным моментом его совершенного бытия; становление человека делается божественным становлением, создающим отображение совершенства.

Но человек — так продолжим мы наше мифологическое изложение — не хочет полноты божественности. Он не хочет ничего другого, так как вне Бога, во «тьме внешней» нет ничего; он не хочет самого несовершенства, так как это было бы абсолютно невозможно; но его желание несовершенно, неполно и при этом свободно, т.е. немотивированно. А, желая несовершенно, он существует несовершенно, т.е. не существует вовсе. Его ответ на призыв Бога остается неслышным, не-сущим, потому что желать несовершенно означает не желать совсем, несовершенно быть означает совсем не быть. Свободное нежелание человека не дает осуществиться любви Бога, и человеческая немощь уничтожает божественную власть. Абсолютное ничто поглощает абсолютное бытие.

И все-таки этого не может быть. Абсолютная любовь не может оставаться неосуществленной; и если Бог пожелал бытия и божественного бытия творения, то это

творение существует и совершенствуется, и является совершенным. Благодаря Сыну, вечно предающему Себя Самому Отцу, через не-бытие Которого становится возможным и действительным бытие не-сущего человека, благодаря Богу-Сыну, Который берет начало подобно созданной Им твари, хотя как Бог Он не знает начала, осуществляется невозможное. Христос принимает не-сущую, подобную абсолютно ничто незавершенность человека, не как несовершенное желание, но как осуществление или бытие этого желания. Тем самым Он делает не-сущие сущим, и несовершенство человека раскрывается как непреодолимая, непобедимая ограниченность, как муки ада (роена) с одной стороны, и как существующая лишь благодаря факту ограниченности вина (culpa) человечества с другой стороны. Но обожествление возмездия (роена) должно быть также его преодолением или избавлением. Деянием Христа спасается все, чтобы Бог был всем во всём (omnia in omnibus) и осуществилась божественная любовь. И Иисус Христос победитель ада. «Ты ад умертвил еси блистанием Божества». «Воскрес из гроба и узы растерзал еси ада... мир Твой подал еси вселенней, Едины Многомилостиве». Так поет православная церковь. И русские по сей день сохраняют надежду древней церкви на спасение всех. Эта надежда, выраженная в древней церкви Оригеном, Григорием Нисским, Григорием Назианзином, и которая должна быть связана с подтверждением вечных мучений ада, разумеется, не является догматом. Господствующее в русской церкви богословское мнение отрицает ее. И все же она остается и живет. Многие из наших богословов, иерархов и образованных мирян разделяют ее. В бедной деревенской церкви в России старая крестьянка зажигает свечу перед изображением Страшного Суда. «Почему ты это делаешь»? — «Никто не молится за него. За него тоже надо молиться». Она имеет в виду: за дьявола, но она не хочет называть его имени в церкви.

Таким образом, несовершенный и греховный мир существует лишь затем, чтобы быть усовершенствованным и спасенным через Иисуса Христа, и тварное совер-

шение «предсуществует» тварному несовершенству. Однако, последнее в эмпирическом смысле абсолютно ограничено, непреодолимо-, адски-ограничено, — и тем не менее так, что эту свою недостаточность и ограниченность оно метаэмпирически преодолевает во Христе. И спасение и обожествление эмпирии полностью уничтожает вину, тварно обуславливающую наказание и божественно обусловленную наказанием. Мы осознаем наказание как таковое и нашу вину как его обуславливающую лишь постольку, поскольку наказание имеет место, а затем обожествляется и искупается, и постольку, поскольку наше совершенство «предсуществует» нашему несовершенству и парит перед нами, как наш идеал. «Покайтесь (μετανοείτε), ибо приблизилось Царствие Небесное». Созерцание совершенства или Царства Небесного, т.е. реальное приближение Царства Небесного или вочеловечение Христа вызывает покаяние, которое есть сознание и преодоление греховности. Царство Божие обнажает, возрастая в сердце, грех и немощь мира, искупает и уничтожает их. Это радостная весть Христа, Евангелие. И христианская вера оказывается христианской надеждой, больше того: абсолютным познанием совершенствующегося через богочеловеческое чудо, становящегося Богом мира.

Совершенное человечество по отношению к Богу предстает как другой субстрат божественного содержания, не как другая личность, ибо нет личности, кроме трех божественных ипостасей, ипостаси Логоса, которая все-едина, т.е. осуществляет себя как абсолютное единство или единичная личность и одновременно как абсолютная иерархическая множественность личностей, увенчанная личностью Христа и через божественное не-бытие единая с единством. По своему содержанию совершенное человечество — это само божественное все-единство; и именно поэтому мы можем метафорически рассматривать его как все-единую личность, обозначая его именем «София» и понимая его как человека, содержащего в себе весь совершенный космос. Совершенного человека или человеческого (человечески-космическое)

все-единство, увенчанное Божией Матерью, мы называем Телом Христовым или Христовой Церковью.

В своем совершенном все-единстве она идентична с каждым из ее членов, как каждый из них идентичен с нею. В ней каждый из них раскрывает свою особую единственную в своем роде сторону; каждый член абсолютно отличен от всех остальных, и все же в диалектике бытия и не-бытия он идентичен со всеми ими и с каждым из них. Абсолютное единство становится абсолютной множественностью, которая есть не-бытие и через это абсолютное не-бытие возвращается к единству. Такова есть множественность и ее нет, так она становится, возникает и проходит, раскрываясь как выстроенная по ступеням система, не исключающая тождественности и абсолютной ценности всех членов, ибо множественность есть и не есть. И становление, т.е. возникновение и исчезновение каждого члена и их совокупности не умаляет совершенства, так как оно становится совершенным в своем становлении, т.е. обладает непостижимым для нас совершенством становления.

Наше эмпирическое бытие становится понятным как приближение к своему совершенству, т.е. как момент в становлении нашего совершенного бытия, а именно не как совершенный, но как греховно-несовершенный и ограниченный грехом, но через искупительное страдание Христа преодолевающий свою ограниченность момент. Наша эмпирия — это становящаяся церковь, церковь, обусловленная своим совершенством, стремящаяся к нему и все же в определенном смысле отделенная от него. Здесь нет законченного все-единства, но лишь становящаяся все-единством рассеянная множественность, которая, тем не менее, имеет некую ступенчатую последовательность. Эту ступенчатость греховного бытия мы можем обозначить как систему или, лучше всего, как симфоническое единство, стремящееся к все-единству. В русской богословской терминологии ее можно определить понятием и словом «соборность», каковое слово означает принцип концилиаризма и принцип кафоличности (слово *καθολικός* переводится в нашем вероисповеда-

нии словом «соборность»), но не собрание (рус. = «собрание» и «соборность») и столь же мало абстрактное единство.

Так, наш мир предстает нам как симфонический («соборный») организм, в котором человек в качестве эмпирически самого совершенного члена занимает высшую ступень. Точно так же человечество раскрывается как симфонический организм, ядро и центр которого лежит в земной Церкви Христа, хотя нельзя резко разграничить церковных гимнов говорит о «языческой, не плодоносящей церкви», и существуют древнерусские иконы «святого Еврипида». Все-единая Церковь Христа достигает своего высшего развития в древней «апостольской и соборной» церкви. Но и эта индивидуализация церкви дает нам лишь *огни* из ее аспектов, который, хотя и раскрывается наиболее совершенно, все же не все выразил и осуществил и многое оставил для осуществления другим индивидуализациям. Эти последние уступают в эмпирическом совершенстве древней церкви и утратили видимое церковное единство, тем не менее каждая из них актуализирует нечто новое и специфичное, так что каждая имеет свою неоспоримую ценность и является необходимой для полноты церкви. Каждая принадлежит к все-единой церкви Христа как живой член Его Тела, который должен быть усовершенствован и эмпирически, и над-эмпирически, обнаруживая и актуализируя свою неповторимость, но изживая свою односторонность или свои «заблуждения». Православная и русская церковь, однако, чище всех сохраняет незапятнанную традицию древней церкви и в страданиях и гонениях, индивидуализирующих и повторяющих страдания Христа, исповедует свою веру, раскрывая в своей немощи силу Божию.

Русская православная церковь не знает эмпирически непогрешимого авторитета. Для нас, сказали в 1848 г. восточные патриархи, весь церковный народ, само Тело Христово — единственный хранитель христианской истины. Христианская истина должна быть вселенской, т.е. она должна быть симфонией всех ее индивидуальных

проявлений и осуществлений. Отдельный человек, будь это и патриарх, может заблуждаться и необходимым образом заблуждается, если он стоит вне вселенского церковного единства, которое есть единство через любовь действующей веры. Непогрешимым является вселенский собор, но его вселенскость дана лишь в симфоническом единстве всей церкви. Истина существует не как формальная, абстрактная истина; и абстрагированием, т.е. наивным исканием всеобщего ее нельзя достичь. Потому что истина — это симфония, в которой одинаково необходимы все мелодии и звуки. Каждое индивидуальное восприятие истины Христа содержит в себе необходимое зернышко истины, которое может быть плохо понято и даже извращено, но которое надо развивать и совершенствовать. И церковь не запрещает индивидуальные искания и индивидуальные трактовки. Напротив, церковь требует и ждет их, но так, что она отказывается считать индивидуальное вселенским и не хочет отвергать индивидуальную трактовку другого во имя своей собственной. Она требует содружества любви и свободы во смирении.

Свобода детей Божиих, смиренная и любящая свобода богочеловеческого творческого деяния — это жизненная сфера русской церкви. И потому русскому неведомо прозелитство. Он не стремится к тому, чтобы обращать других христиан в *русское* православие. Он, считающий свою религию самым чистым и совершенным воплощением современного христианства, желает и молится, чтобы другие конфессии сами из себя и своим собственным образом стали православными. Так они, победив свою односторонность, раскроют ему новые стороны живой Христовой истины. Прежде всего он надеется на помощь вселенского единства любви.

Ибо и русская церковь несовершенна, и она большая, жертва церковного раскола. Разобщенность земной церкви делает несомненно-вселенскую деятельность почти невозможной. Можно или отважиться на индивидуальную деятельность и, заблуждаясь, считать эту деятельность вселенской, или не совершать совсем ничего

нового и ограничиться строгим хранением традиционного. В первом случае вновь достигнутое остается вселенски незасвидетельствованным, сомнительным и ошибочным, как и общность любви, сам принцип вселенскости разрушается из-за пренебрежения другими взглядами на истину. Во втором случае пассивное хранение истины ведет к греховной пассивности, проявляющейся в русском национальном характере, и — в конечном итоге — к недостаточному пониманию сохраненной истины.

Без воссоединения церквей, без возрождения симфонической вселенской церкви мы все останемся бессильными и пропадем в рационалистическом гниении или в пассивности. Но возможно ли воссоединение церквей? Воссоединение вселенской церкви уже совершается. Оно совершается, когда мы начинаем изучать и понимать учение и жизнь других церквей, когда мы смиренно признаем свои ошибки и разъясняем заблуждения других с любовью к ним и к истине, потому что в сообществе любви и споры, и борьба становятся неопасными. Церковь охватывает, включает и обожествляет все человеческое делание, и все является потенциально церковным. И мы собираемся в лоне вселенской церкви, когда мы, члены многих конфессий, в содружестве христианской любви, во Христе живем и действуем друг вместе с другом. Формальный акт воссоединения — это последняя и не самая важная вещь, если он вожделен и необходим. Не во встречах сообществ и церквей лежат начало и конец, но внутри каждого индивидуума, именно там, где вырастает Царство Небесное — в Богочеловечестве во Христе. «Ищите прежде Царствия Божия, и все остальное приложится вам».

Перевод Ю.Е. Тарасюк (по тексту публикации в журнале «Una Sancta», 1926, №№ 1, 2).

К ВОПРОСУ О ЧИНЕ ПРИНЯТИЯ В ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ ЛИЦ, ПРИХОДЯЩИХ К НЕЙ ИЗ ИНЫХ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ

Исторический обзор

Настоящий очерк является опытом исследования вопроса о том, как следует принимать в лоно православной церкви лиц, приходящих к ней из других христианских вероисповеданий. Вопрос преимущественно состоит в том: принимать ли крещение инославных, совершенное над ними в их церквях, когда это крещение совершается в том же духе и понимании, как оно совершается в православной церкви, т.е. тремя погруженьями во имя Отца и Сына и Святого Духа? Принимать ли таковых лиц в православную церковь путем отречения их от всякой ереси и исповедания ими православной веры и последующим за тем миропомазанием их, в восполнение того недостатка, который они имели прежде своего обращения в православную веру, а в некоторых случаях — на основании самого отречения их от ереси, покаяния и исповедания православной веры? Или же, отвергая действительность таинства крещения, совершаемого во всех неправославных церквях, как не имеющих благодати, принимать лиц, приходящих от них в православную веру, *исключительно* путем совершения над ними крещения при последующем затем миропомазании? Вопрос этот имел всегда большое значение в истории Церкви: был предметом суждений в древней церкви,¹ святых отцов, древних канонов поместных, а затем и Вселенских Соборов, дальнейших постановлений соборов и синодов отдельных православных церквей, а в отдельных случаях и государственных постановлений православных держав. Для нас же, живущих за границей среди инославных, этот вопрос уже не столь академический, сколько практический, приходской, пастырский. Мы постоянно имеем в наших церквях, в большей или меньшей мере,

приток инославных, из которых некоторые затем вливаются в православную церковь и как клирики, и как миряне. Смешанные браки теперь являются обыденным явлением в наших приходах, и опять же предоставляют возможность обогащения нашей церкви новыми обращенцами в православную веру. И представляется, что необходимо, чтобы законодательство церкви, выносимое *в современное время*, мудро руководило и помогало приходскому священнику в его миссионерской работе. Необходимо, как представляется, чтобы это законодательство, когда оно принимает новые формы в соответствии с обстоятельствами и положением вещей в мире, отражало в себе вместе и стойкость и традиции православной веры, и мудрость и любовь матери церкви. И если прп. Иоанн Дамаскин писал в те далекие времена, в VIII веке, что законоположения церкви должны дышать любовью и снисхождением,² то тем более этого следует ожидать теперь, в столь тяжкие времена и для православной Церкви, и для всего христианства, когда «тайна беззакония уже в действии»,³ в лице безбожия, отступления от церкви, индифферентизма и всякого иного духовного зла. Православная церковь, не допуская какого-либо компромисса, прежде всего должна явить себя любящей Матерью в отношении тех инославных, которые с верой и любовью приходят к ней из других христианских вероисповеданий, и тогда ее законодательство будет *жизненным* и способствующим делу распространения православия в мире. История является прекрасной учительницей жизни. Мы ниже и представим историю того, как вопрос о принятии инославных в православную веру разрешался 1) во вселенской церкви, 2) в русской церкви, 3) в XVIII веке в греческой церкви и, наконец, 4) как обстоит этот вопрос в православных церквях в настоящее время.⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Апостольские Правила: 46-е, 47-е, 49-е и 50-е.

² Св. Иоанн Дамаскин. «О священных постах», гл. 3. Минь. P.G. 95, col. 64-76.

⁴ Безусловно, что священные каноны выносятся епископством и священники обязаны исполнять их, но представляется, что при этом полезно было бы, чтобы в наше время епископы, прежде чем вынести то или иное постановление, имеющие непосредственное отношение к приходской жизни, запрашивали мнение настоятелей приходов. В древние времена епископы были вместе и настоятелями приходов, чем и объясняется такое множество епископов и хорепископов в сравнительно небольших областях, которые, случалось, насчитывали в своих границах сотни епископов, и которые, конечно, были хорошо осведомлены о нуждах приходской жизни.

У восточных отцов мы не находим, так сказать, заостренного исповедания епископской власти в церкви. Св. Иоанн Златоуст говорит о том, что в древней церкви терминами «епископ» и «пресвитер» обозначалось то же священное служение, и в своих сочинениях он высоко возносит священническое служение в церкви. Каноны восточной церкви предписывают клиру оказывать полное послушание своему епископу, но и предоставляют обиженному клирику жаловаться на своего епископа митрополиту области, а митрополита обязывают внимательно разбирать жалобы обиженных клириков на регулярных архиерейских соборах. Обиженному своим епископом клирику предоставляется право непосредственного обращения к патриарху области.

Так сказать заостренное исповедание епископской власти в церкви скорее принадлежит Западу и преимущественно св. священномученику Киприану Карфагенскому (III век), в писаниях которого выражаются следующие аксиомы об епископском авторитете в церкви: епископы совершает Бог; Церковь — основана на епископах; Христос Свою Невесту — Церковь — вверил епископам; они — наследники апостолов: епископ — в церкви, и церковь — в епископе; не находящийся с епископом не находится и в церкви; без епископа нет и церкви. — И в то же время тот же св. Киприан пишет, что от самых начал своего епископского служения он постановил ничего не решать без совещания со священниками и народом (P.L. 4, col. 240. Epistola V). Именуя епископов «sacerdotes», он называет этим же именем и пресвитеров (P.L. 4, col. 333-334), и говорит, что недостойные из них заседали вместе с ним в исправлении церковных дел. Св. Амвросий пишет, что при епископе находились и достойные священники для помощи епископу и для немедленного замещения овдовевшей кафедры. Он пишет, что епископы и пресвитеры представляют собою один порядок: те и другие являются «священниками Божиими», но, при этом, епис-

копы занимают первое место: потому что тот является епископом, кто является первым среди пресвитеров (P.L. 16, col. 496).

Бл. Августин писал, что клиру и мирянам подобает принимать распоряжения своих епископов, потому что епископы являются хранителями и пастырями, но сами будучи под Христом — Хранителем и Пастырем; а в другом месте он говорит, что епископы суть слуги Церкви; в своем смирении, в своих письмах, адресованных пресвитерам, он подписывается как «со-пресвитер»; а в письмах к диаконам — как «со-диакон».

Конечно, авторитет и значение епископа в церкви — исключительны и священны. Но для церкви полезен и благословенный опыт приходских священников.

Членами Святейшего Правительствующего Синода являлись не только выдающиеся епископы, но и выдающиеся пресвитеры.

1. Как разрешался вопрос о принятии инославных в древней Церкви, в период Вселенских Соборов и до падения Константинополя. Воззрения и церковное законодательство по сему вопросу.

Поскольку мы будем встречаться и ссылаться на каноны церкви, т.е. на ее законы и постановления, надлежит заметить, что всякий канонист, при рассмотрении любого канона, должен принять во внимание: когда составлен канон, при каких обстоятельствах и к кому относится; затем — имеет ли данный канон фундаментальное, как самый принцип церкви, значение, или же — является отражением данного времени и впоследствии был заменен более поздним законодательством церкви;¹ и как решающее законодательство церкви следует принимать то, которое было вынесено на последних Вселенских Соборах. Каноны менялись, потому что менялись самые обстоятельства жизни церкви. Чеканилось догматическое учение церкви; старые ереси умирали и на их места являлись новые; изменялась и внешняя структура церковного управления; возникали новые условия для жизни церкви. Каноны церкви являются отражением живого организма церкви, и посему, изучая тот или иной канон, следует вникнуть в дух его, прини-

мая во внимание те положения, о которых мы сказали выше.

Крещение является основным таинством христианской церкви. Оно было заповедано Господом нашим Иисусом Христом и совершалось святыми апостолами² и поставленными ими епископами и пресвитерами и их преемниками. О таинстве крещения говорят и древние свв. отцы, и каноны церкви.³ Это крещение давала святая церковь как свое основное таинство. Поэтому апостол Павел и говорит: «Един Бог, едина вера, едино крещение».⁴ Поэтому, ввиду исключительного значения сего таинства, святая церковь проявляла всяческую заботу, чтобы кто-нибудь из ее членов по какому-нибудь недоразумению не остался без крещения, а с другой стороны — чтобы не случилось кому-нибудь быть крещенным вторично, поскольку это таинство, по аналогии с рождением, как сущее рождение человека во Христе для жизни вечной, — не подлежит повторению, как это и было запечатлено в древних символах веры, как и находится в нашем символе веры. Эти два элемента: заботу, чтобы член церкви не остался без истинного крещения, и неповторимость действительного крещения, находим выраженными и в последующем законодательстве церкви.⁵ Впервые же мы встречаемся с ними в Апостольских Правилах 46 и 47: в первом, епископу или пресвитеру строго запрещается принимать, т.е. признавать за действительное, еретическое крещение;⁶ во втором, епископу или пресвитеру строго воспрещается повторять крещение над тем человеком, который уже имел правильное крещение.⁷

Итак, 46-е Апостольское Правило говорит о неприемлемости еретического крещения. Немедленно за текстом сего канона в издании канонов Святейшим Правительствующим Синодом следует объяснение, которое и приведем: «Сие апостольское правило относится к еретикам, каковые были в апостольские времена, которые повреждали главные догматы о Боге Отце и Сыне и Святом Духе, и о воплощении Сына Божия. О других родах еретиков дальнейшие постановления представляют следующие

правила: Перв. Вс. соб. прав. 19, Лаодикийского соб. прав. 7 и 8, и Шест. Всел. Соб. прав. 95, Василия Вел. прав. 47».⁸

Итак, вот к каким еретикам относилось это Апостольское Правило: эти ереси не только искажали учение св. церкви, но едва ли и могли быть названы «христианскими», представляя собою фантастическую смесь или иудейства с христианством, или же языческой философии с легкой окраской христианства, напоминая собою восточные мистерии, смешанные с фантазией. Проф. Понсов, приведя описание этих ересей, заключает: «Иудео-и языко-христианские искажения Христова учения не были в собственном смысле христианскими ересями».⁹ Что же касается появившихся в конце II и в III веке ересей на христианской почве, то и эти ереси являли собою полный абсурд в догматическом смысле. Справедливо «Окружное Послание Восточных Патриархов» 1848 года называет эти ереси «чудовищными» и «жалкими вымыслами и умствованиями людей жалких».¹⁰ Даже такая ересь, как монتانнизм, наиболее близкий к структуре святой церкви, был далек в действительности от учения Церкви, вводя новое откровение, якобы порученное Монтану, на основании которого и утверждалось все мировоззрение этой секты.¹¹ Хотя крещение совершалось ими во имя Св. Троицы, но с прибавлением опять же формулы, порочащей все крещение: «и во имя духа Монтана».

Таким образом, Апостольские Правила имеют в виду помянутых еретиков и относятся к тем древним временам.¹² Понятно, что таких еретиков церковь не могла признавать за христиан вообще. Между тем, все эти ереси имели свое священное умовение или «крещение». «Крещение» в той или иной форме присуще всем религиям. Из так называемых «Рукописей Мертвого Моря» узнаем, что ессеи наравне с обрезанием имели и крещение.¹³ Конечно, эти священные умовения или «крещения» у еретиков II века не имели ничего общего с крещением, совершаемым в церкви. Крещение в церкви заключало в себе два элемента: здоровое учение о Св. Троице и о

воплощении Сына Божия. Ни того ни другого не заключало в себе еретическое крещение, оно не могло быть приемлемым за равнозначущее крещению, совершаемому в святой церкви; и чтобы не было сомнения в сем, и было вынесено Апостольское Правило 46-е. Эти люди должны были быть крещены в церкви, поскольку они, по суждению церкви, вообще не были крещены. Но, как мы сказали, следующим же правилом после сего запрещается повторять то крещение, которое было совершено законно.

В III и IV веках возникает немалое число ересей на христианской почве, причем ересеначальниками их являются епископы или выдающиеся пресвитеры. Как быть с теми, которые из этих ересей приходят в православную веру? каким образом надлежит принимать их? — Сразу же обозначилось раздвоение воззрений по этому вопросу в среде православной церкви. Одни утверждали, что принимать их следует только путем крещения, т.е. не признавать за действительное их прежнее крещение, хотя бы оно и было правильным по форме (т.е. соответствующим крещению, совершаемому в православной церкви). Другие же — держались более мягкого взгляда, признавая за действительное то крещение, которое совершалось у некоторых еретиков, поскольку оно совершалось во имя Св. Троицы, и не требовали от приходящих из ереси в православие, чтобы они были перекрещиваемы. Более строгой точки зрения держались Тертуллиан (сам — монтанист), св. Киприан Карфагенский, Фирмилиан Кесарийский и Елен Тарский. Выразителем такого строгого взгляда был св. Киприан, который созвал по сему случаю два собора (255-256 гг.) и постановил еретиков не иначе принимать, как путем крещения. Выразителем же более мягкого взгляда надо считать св. Стефана, папу Римского (253-257 гг.), которого, как указывает знаменитый Гефеле, поддерживали восточные епископы. В то время как св. Киприан с собором 71 епископа утверждал, что еретики не имеют никакой благодати и по этой причине все их священнодействия недействительны, св. папа Стефан принимал покаявшихся

еретиков чрез возложение на их головы епископской руки. Это он делал по той мягкой практике, которая была присуща и другим западным епископам. Мы читаем древнейшее постановление Арльского Собора (канон 8-й): «Если кто-либо приходит из ереси в церковь, ему предлагается произнести Символ Веры; и если увидят, что он был крещен во имя Отца и Сына и Святого Духа, то на него только возлагают руки, чтобы он принял Святого Духа. Но если окажется, что он не был крещен во имя Святой Троицы, пусть его крестят».¹⁴ Узнав о постановлениях Карфагенского Собора, под председательством св. Киприана, требующих перекрещивания еретиков, приходящих в церковь, св. папа Стефан сначала потребовал отмены этих постановлений, угрожая отлучением от церкви, и, поскольку этой отмены не последовало, он затем и отлучил св. Киприана.¹⁵

Интересно отметить, что восточные канонисты относятся критически к постановлениям Карфагенского Собора. Так, Зонара, толкуя 7-е правило Второго Вселенского Собора, которым положено еретиков некоторых толков принимать без перекрещивания, поминает и постановление св. Киприана, о чем так и говорит: «Итак, это — мнение отцов, собравшихся на собор вместе с великим Киприаном; но оно не относится ко всем еретикам и не ко всем раскольникам. Потому что Второй Вселенский Собор, как мы только что сказали, делает исключение для некоторых еретиков и дает свою санкцию на принятие их без повторения крещения, требуя только помазать их святым миром, и при этом, чтобы они прокляли как свои, так и все ереси вообще».

Вальсамон называет постановления Карфагенского Собора «непотребными и к тому же недействительными».¹⁶

Но вернемся к нашему последовательному изложению. Итак, в третьем и в первой половине IV века существовали две практики принятия еретиков и раскольников в православную церковь: чрез перекрещивание и чрез покаяние. Однако, православная церковь, всегда милостивая, склонялась все больше в сторону более

мягкого взгляда на вопрос принятия еретиков и раскольников.

Хотя окончательного постановления Первый Вселенский Собор еще не принял по этому вопросу, однако его три канона: 8-й, 11-й и 19-й, дышат милостью к павшим во время гонения или отступившим от православия в Новацианский раскол¹⁷ или в ересь Павла Самосатского.¹⁸ Последователей Новациана, называвших себя «чистыми», постановлено принимать чрез покаяние их; павлиан же постановлено принимать путем крещения — потому что их догматическое учение было искажением православного учения, — после чего бывших в их клире принимать и в клир православной церкви.

В IV веке встречаем ряд крупных христологических ересей, как арианство, аполлинарианство и их ответвления, а также ересей в отношении догмата о Св. Троице и относительно ипостаси Святого Духа (македониане). Что касается принятия их и иных еретиков и раскольников в православную церковь, то решающего постановления, как мы видим, святая церковь еще не приняла и параллельно существовали две вышепомянутые практики в чине принятия их. Однако, как мы сказали выше, церковь шла путем милости и снисхождения. Об этом свидетельствует св. Василий Великий в I-м своем каноне. Он говорит, что для православной церкви было приемлемо только то крещение, которое ни в чем не отступало от того крещения, которое совершается в православной церкви. Ересью называется «явная разность в самой вере в Бога». Поэтому ряд еретиков, принадлежащих к ересям, совершенно извратившим христианское учение, следует признать чуждыми крещения, совершаемого в церкви, и при обращении их в православную веру их следует крестить. Что же касается раскольников, т.е. отколовшихся от церкви в силу расхождения с церковью «по некоторым церковным вопросам», то их положено было принимать путем покаяния. Далее св. Василий Великий сетует на то, что иногда монтанисты были принимаемы в православие без перекрещивания их, т.е. их крещение принималось за действительное; между тем, как это

крещение, совершаемое «во Отца и Сына и в Монтана или Прискиллу», отнюдь не соответствует крещению, совершаемому во имя Св. Троицы у православных. Далее св. Василий Великий приводит точку зрения св. Киприана Карфагенского, учившего, что все еретики и все раскольники при обращении их в православие должны быть перекрещены, потому что у еретиков и у раскольников совершенно отсутствует благодать. И в результате всего говорит: «Но поелику некоторым в Азии решительно угодно было, ради назидания многих, прияти крещение их *то га будет оно приемлемо*». Таким образом св. Василий Великий поставил свой авторитет в пользу не ригористического разрешения вопроса, а в пользу благостного и снисходительного решения, служащего на пользу церкви.

В Определении Архиерейского Собора Русской Зарубежной Церкви от 15/28 сент. 1971 г. дается следующее толкование словам св. Василия Великого: «Итак, св. Василий Великий, а его словами Вселенский Собор, устанавливая принцип, что вне святой православной церкви нет истинного крещения, допускает из пастырского снисхождения, называемого икономией, принятие некоторых еретиков и раскольников без нового крещения».

В период между Первым и Вторым Вселенскими Соборами состоялся Поместный Собор в Лаодикии (ок. 363 г.), который постановил своим 7-м канонем принимать «обращающихся от ересей, то есть новатиан или фотиниан или четырнадцатников: путем отказа от ереси и чрез миропомазание». Таким образом, и здесь мы видим, что более мягкое воззрение победило более ригористическое. Однако правила св. Василия Великого и правила Лаодикийского Собора, как бы они ни были авторитетны, еще не являлись законом для всей вселенской церкви. Для этого надо было решение Вселенского Собора. Впоследствии Шестой Вселенский Собор постановит (2-м канонем) принять правила св. Василия Великого и правила Лаодикийского Собора в качестве законов для всей церкви. Но это произойдет более чем на три столетия позднее.²⁰

Таким образом следует признать, что устами св. Василия Великого и отцов Лаодикийского Собора церковь наметила путь для дальнейшего вселенского законодательства, именно — чтобы постановления (или каноны) церкви мотивировались духом толерантности и взиранием на общую пользу православной церкви. Но в упомянутом решении Шестого Вселенского Собора — а прежде него в правилах св. Василия Великого и поместного Лаодикийского Собора — заключается также и следующее: святая церковь признала за *истинное* то крещение, которое совершается во имя Святой Троицы, хотя бы это крещение и было совершено не в православной церкви, но во *всем* соответствовало тому крещению, которое совершается у православных: в таком случае оно признается за истинное и действительное при принятии обращенца в православную церковь чрез покаяние и миропомазание. И тогда совершенно ясны слова св. Василия Великого, который говорит: «Ибо древние (отцы церкви) положили принимать (признавать за истинное) крещение, ни в чем не отступающее от веры». В книге церковных чинов приведения инославных в православие читаем следующее наименование одного такого чина: «Чин, како приимати к православной вере приходящих, иже николиже быша правоверни, но измлада воспитани быша во ереси, крещение же истинное имущих, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, прочие же святые Тайны и обычаи церковные отставших, и другия мнения противныя церкви православной содержавших». ²² Если бы святая православная Церковь сомневалась в истинности такого крещения, то нет сомнения, что она не подвергла бы опасности человека, приходящего к ней ради спасения души, остаться без крещения, таинства величайшего, мотивируя это пастырской снисходительностью к еретикам и раскольникам, ссылаясь на икономию (т.е. на общую пользу для Церкви), т.е. совершая компромисс, за который платит спасением души того человека, который вверяет ей спасение своей души! Ведь крещение — это основное таинство Церкви, без которого нельзя спастись. Если же справедливо было бы указано, переносясь

к более поздним временам, что в протестантских церквях священнослужители не имеют апостольского преемства и при принятии в православную Церковь принимаются в качестве мирян, то на это ответим, что в православной Церкви таинство крещения может быть совершено и *миряншином*, если это вызвано необходимостью.

Но перейдем к дальнейшей истории вопроса о принятии инославных в православную Церковь.

Решительное законодательство по сему вопросу было вынесено на Втором Вселенском Соборе (в 381 г.) 7-м канонем: «Присоединяющихся к православию, и к части спасаемых из еретиков приемлем по следующему чиноположению и обычаю. Ариан, македониан, савватиан и наватиан, именующих себя чистыми и лучшими, четырнадцатников, или тетрадитов, и аполинаристов, когда они дают рукописания и проклинают всякую ересь, не мудрствующую, как мудрствует святая Божия кафолическая и апостольская Церковь, приемлем запечатлевая, то есть, помазуя миром во первых чело, потом очи, и ноздри, и уста, и уши, и запечатлевая их глаголем: печать дара Духа Святаго. Евномииан же, единократным погружением крещающихся, и монтанистов, именуемых здесь фригами, и савеллиан, держащихся мнения о Сыно-Отчестве, и иное нетерпимое творящих, и всех прочих еретиков, всех, которые из них желают присоединены быти к православию, приемлем, якоже язычников. В первый день делаем их христианами, во второй оглашенными, потом в третий заклиняем их... и тогда уже крещаем их».

Таким образом св. Церковь дала указания: по какому чину принимать тех, которые от ереси приходят в православие. Тех, которые имеют правильное крещение, принимать без перекрещивания. Тех, которые не имеют крещения во имя Св. Троицы — принимать путем крещения. Должны заметить, что у ариан и у македониан было неправильное учение о Лицах Св. Троицы, но самая вера в Св. Троицу, в Отца, Сына и Святого Духа, существовала, и этого было достаточно по мнению св. Церкви для признания действительности (довлеемости) их крещения.

Этим канонем Второй Вселенский Собор дал указания, как поступать и на будущее время. Гефеле замечает, что святые отцы и учителя Церкви, принимая за действительное крещение некоторых еретиков, однако считали при этом необходимым чрез миропомазание преподавать им дар Св. Духа, который присущ св. православной Церкви.²³

Сопоставление 7-го канона Второго Вселенского Собора с канонем, вынесенным на Карфагенском Соборе при св. Киприане, и мнение о сем предмете Зонары и Вальсамона мы привели уже выше.

Карфагенская церковь, которая в III веке, при св. Киприане, держалась такого строгого взгляда, что постановила перекрещивать без различия всех еретиков и раскольников, приходящих в православие, в IV и начале V века также изменила свою точку зрения по этому предмету и постановила раскольников принимать без перекрещивания, а путем покаяния и отказа от ереси, а клириков, бывших в расколе, принимать без перерукоположения.²⁴ Что касается еретиков, как ариане, македониане и др., то на соборе (вернее — ряде соборов) в Карфагене этот вопрос не поднимался.

Имея общие указания 7-го канона Второго Вселенского Собора, мы видим, что в церкви создались три чина принятия еретиков (и раскольников) в православие. В Кормчей Книге приводится послание константинопольского пресвитера Тимофея, жившего в V веке, в котором он свидетельствует следующее: «Три чина обретаем приходящих к святей Божией соборней и апостольстей Церкви: и первый убо чин есть требующих святаго крещения, второй же — некрещаемых убо, но помазуемых святым миром, и третий — ни крещаемых же ни помазуемых, но точию проклинающих свою и всякую ересь».²⁵ Итак, к числу крещаемых относятся еретики крайнего толка, о которых мы выше сказали; к числу помазуемых св. миром (без совершения над ними второго крещения) относятся ариане, македониане и под. им; к числу принимаемых чрез покаяние и отказ от неправомыслия — относятся раскольники, а также и некоторые еретики.

Последним словом в законодательстве вселенской Церкви по вопросу принятия в православие приходящих из ереси и раскола, является 95-й канон Шестого Вселенского Собора. В своей первой части он является дословным повторением 7-го канона Второго Вселенского Собора, и только вносится упоминание о необходимости перекрещивания последователей Павла Самосатского (в данном случае поминая 19-й канон Первого Вселенского Собора). Во второй части упоминаются ереси, появившиеся уже после Второго Вселенского Собора, как то: манихеи, валентиниане, маркиониты и им подобные ереси, в которых от христианства почти ничего и не было, и их положено принимать путем крещения. Несториан же и монофизитов (последователей Евтихия, Диоскора и Севира) положено принимать чрез покаяние и отвержение от своих ересей, после чего они сподобляются принимать святое причастие.

Это последнее законодательство Вселенской Церкви должно было послужить уже на все будущие века бытия православной церкви. Безусловно, многие ереси уже вымерли, но появились новые. Римо-католической церкви как таковой еще не было, потому что это было еще в те добрые времена, когда Восточная и Западная Церкви составляли единую Церковь. Протестантство со своими ответвлениями еще было предметом далекого будущего. Не родились еще и новые дикие искажения здравого и спасительного учения. Однако, 95-м канонем Шестого Вселенского Собора указаны нормы для дальнейшего отношения Церкви к возникающим расколам и ересям, а также — по какому чину принимать тех из них, которые пожелают быть членами православной церкви. Повторим это. Одних — у которых наименее повреждено догматическое учение, надлежит принимать путем покаяния и отказа ими от ересей, при условии, что структура церкви у них сохранила апостольское преемство; других же — у которых более повреждено догматическое учение или не сохранилось апостольское преемство, хотя крещение совершается, как и в Православной Церкви во имя Св. Троицы чрез троекратное погружение крещаемого, тех

надлежит принимать по 2-му чину: путем отказа их от еретических заблуждений и чрез миропомазание; третьих же — у которых крещение не совершается во имя Св. Троицы чрез троекратное погружение, тех надлежит принимать путем крещения, что относится и к евреям, магометанам и язычникам; у такого типа еретиков обычно учение представляет собою или совершенную прелесть, или смесь иудейства или язычества с общими принципами христианства; ни о какой структуре церкви в нашем понимании, ни об апостольском преемстве нет и речи.

В XI веке произошло печальное разделение между Восточной и Западной Церквями. Великий раскол 1054 года породил трещину между Церквями, которая с течением времени становилась все более и более широкой: Западная церковь уклонилась не только в раскол с православной церковью, но и стала вбирать в себя со временем и еретические воззрения. Законодательству православной церкви приходилось выработать правило, как относиться к Римо-католической церкви: как к раскольникам или как к еретикам? и соответственно с этим решить: каким чином принимать тех, которые из латинян приходят в православную веру. Решения по этому вопросу долго не существовало. И лишь в XV веке, в связи с Флорентийским Собором (1439 г.), такое законодательство наметилось.

До Флорентийского Собора греки считали латинян за раскольников; точно также латиняне считали и называли греков «раскольниками» («схизматиками»). В таком понимании, при обращении латинян в православие, их принимали по 3-му чину, т.е. путем отказа от своего заблуждения и покаяния. На Флорентийском Соборе, выступая с речами, св. Марк, митрополит Ефесский, этот великий исповедник и столп православной церкви, называет римскую церковь «святой»;²⁶ к папе Евгению обращается со словами: «святейший Отец»²⁷ «блаженный отец»,²⁸ «первенствующий среди служителей Божиих»;²⁹ к кардиналу Цезарини обращается словами: «достопочтенный отец».³⁰ Со скорбью он говорит о расколе, происшедшем между церквями, и призывает папу и его со-

трудников всячески содействовать соединению церквей. Впоследствии, видя полную непреклонность латинян в отношении «Filioque» и убеждаясь, что налицо имеется у них заблуждение догматического характера, именно в отношении исхождения Св. Духа, он говорит уже о них как о еретиках. Вот — мнение св. Марка Ефесского, которое он высказал на внутреннем заседании греков во Флоренции 30-го марта 1439 г.: «Латиняне — не только раскольники, но и — еретики. Но об этом молчала наша церковь по той причине, что они многочисленны; но разве не то ли было причиной, почему православная церковь отмежевалась от них, что они — еретики? поэтому мы просто не можем соединиться с ними, если они не согласятся изъять (внесенное ими) прибавление в Символе и исповедовать Символ так, как это мы исповедуем».³¹

В своем окружном послании, написанном уже после того, как вернулся св. Марк Ефесский из Флоренции, где была подписана Уния между греками и латинянами при страшном унижении православной церкви, при отказе греков от своих традиций, при внесении всех тех требований, которые в те времена ставил Ватикан, — св. Марк Ефесский, как носитель и возглавитель борьбы за православие, обратился ко всем православным с посланием, в котором обращает внимание верных на совершившееся предательство православия во Флоренции, и при этом пишет о латинянах как о еретиках, которые, в случае перехода некоторых из них в православие, должны быть помазуемы св. миром. Св. Марк пишет следующее: «Латиняне, не имея в чем обвинить нас за наше догматическое учение, называют нас «схизматиками» за то, что мы уклонились от покорности им, которую должны иметь в отношении них, как им думается. Но пусть будет рассмотрено: будет ли справедливым и нам оказать тем любезность и ничего не ставить им в вину относительно Веры? — Причину для раскола они дали, открыто сделав прибавление («Filioque» в Символе веры), которое до сего говорили в тайне; мы же откололись от них первые, лучше же сказать, отделили их и отсекли от общего Тела Церкви. Почему? — скажи мне. — Потому

ли, что они имеют правую веру или православно сделали прибавление (в Символе веры)? — Но кто бы так стал говорить, разве уж весьма поврежденный головой! Но потому (мы откололись от них), что они имеют нелепое и нечестивое суждение и нежданно-негаданно сделали прибавление. Итак, мы отвратились от них, как от еретиков, и поэтому отмежевались от них. Что же еще нужно? — Ведь благочестивые законы говорят так: «Является еретиком и подлежит законам против еретиков тот, кто хотя бы немногим отклоняется от православной веры».³² Если же латиняне ничем не отклоняются от правой веры, то, по-видимому, мы напрасно их отсекаем; но если они совершенно отклонились, и то в отношении богословия о Святом Духе, хула в отношении Которого — величайшая из всех опасностей, то ясно — что они еретики, и мы отсекаем их как еретиков. Почему же и миром мы помазываем их, которые от них приходят к нам? — Не ясно ли — как еретиков? Ибо 7-й канон Второго Вселенского Собора говорит: «Присоединяющихся к православию, и к части спасаемых из еретиков приемлем по следующему чину и обычаю. Ариан, македониан, саватиан, новациан, именующих себя чистыми и лучшими, четырехдесятодневников, или тетрадитов, и аполлинаристов, когда они дают рукописание и проклинают всякую ересь не мудрствующую, как мудрствует святая Божия кафедральная и апостольская Церковь, приемлем запечатлевая, то есть помазуя святым миром во первых чело, потом очи, и ноздри, и уста, и уши, и запечатлевая их, глаголем: печать дара Духа Святого». — Видишь ли, к кому причисляем мы тех, которые приходят от латинян? Если же все те (помянутые в каноне) являются еретиками, то ясно, что и — эти (т.е. латиняне). Что же мудрейший Патриарх Антиохийский Феодор Вальсамон в ответах Марку, святейшему Патриарху Александрийскому, пишет о сем? — «Пленные латиняне и иные, приходя в кафедральные наши церкви, просят причастия Божественных Святых. Мы желаем знать: допустимо ли это? — (Ответ:): «Иже несть со Мною, на Мя есть: и иже не собирает со Мною, расточает» (Мф. 12, 30. Лк. 11,

23). Поскольку много лет тому назад знаменитый удел Западной Церкви, именно Римский, был отделен от общения с прочими четырьмя Святейшими Патриархами, отступив в обычаи и догматы, чуждые кафедральной церкви и православным — по этой-то причине папа не был удостоен общего возношения имен патриархов в Божественных священнодействиях — то не должно латинский род освящать чрез Божественные и пречистые Дары (подаемые) из руки священнической, если сначала он (латинянин) не положит отступить от латинских догматов и обычаев, и будет оглашен и причислен (положенным чином) к православным».³³ Слышал ли, что они уклонились не только в обычаи, но и в догматы, чуждые православным (а то, что чуждо православным, конечно, — еретическое учение), и что, по канонам, они должны быть оглашены и присоединены к православию? Если же надлежит огласить, то ясно, что — и миром помазать».³⁴

Так писал св. Марк Ефесский в те времена, когда православная церковь терпела величайшую агрессию со стороны римо-католиков, и когда само существование православия, по-человечески рассуждая, было под вопросом. Это была одна из самых страшных, если и не самая страшная, эпоха в истории православной церкви. И все же, мы не видим, чтобы св. Марк Ефесский говорил о том, что была практика или же следует таковую ввести, чтобы латинян, приходящих в православную веру, перекрещивать. Св. Марк говорит о помазании их святым миром, и не более того. Мнение и свидетельство св. Марка Ефесского очень важны были для дальнейшего законодательства св. православной церкви относительно чина, каким должно было принимать тех латинян, которые переходили в православие. Его мнение приводилось Собором четырех восточных патриархов, собравшихся на совещание в Константинополе в 1484 г. и постановивших, что латинян, принимающих православие, перекрещивать не должно. Мнение св. Марка Ефесского, преподающее учение о том, что латинян, приходящих в православие, не должно перекрещивать, было приводимо также и в Постановлении Большого Московского Собора в 1667

году. Но об этом более подробно будем говорить в следующей главе нашего очерка.

Константинопольскому Собору 1484 г. также приписывается и написание чина о том, как принимать латинян, приходящих в православную веру. Несмотря на две насильственные унии — Лионскую и Флорентийскую, несмотря на злодеяния латинян и в Цареграде, и на святой Афонской горе (о чем подробно повествует Афонский Патерик³⁵), святая православная церковь устами св. Марка Ефесского и отцов Константинопольского Собора 1484 года, а также прежних великих канонистов, признала, что для перевода латинян (римо-католиков), приходящих к православной церкви, довлеет их отречение от еретических воззрений, исповедание православной веры и обещание верности ей до конца своей жизни, а самое принятие их в православие совершается путем миропомазания.

Итак, мы показали, что вселенская православная церковь установила каноны, вдохновленные толерантностью к тем, которые, ища спасения своей души, переходили в православие, оставляя свои заблуждения и отвергая их. Святая церковь принимала их; и там, где это было возможно, принимала их крещение и признавала его за истинное, хотя оно и было совершено в их бытность вне православной церкви. Устами святых отцов от IV-го века (как св. Василий Великий и отцы Лаодикийского Собора)³⁶ и вплоть до конца XV-го века, устами св. Марка Ефесского и четырех восточных патриархов, собравшихся на Собор в Константинополе в 1484 г., как и авторитетом Второго и Шестого Вселенских Соборов, она учила следовать правилам, в которых сочетались мудрость и сила православия и, в то же время, благодать и великодушные матери православной церкви.³⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как, например, можем указать, что Апостольское Правило 5-е возбраняет епископу расторгать брак со своей женой; между тем как 12-е правило Шестого Вселенского Собора запрещает

епископам иметь жену. Апостольское Правило 37-е велит, чтобы архиерейские соборы происходили два раза в год; между тем последующие каноны устанавливают для этого другие сроки. Апостольское Правило 85-е предлагает список канонических книг Священного Писания; между тем, последующие каноны, с одной стороны, убавляют таковое число, а с другой — присовокупляют Откровение св. Иоанна Богослова. Неокесарийского Собора правило 15-е устанавливает, что во всех городах, хотя бы это и были весьма большие города, число диаконов должно быть семь, и при этом ссылается на Деяния Апостольские (гл. 6). Шестой Вселенский Собор своим 16-м правилом отменяет это правило, вынесенное отцами Неокесарийского Собора. Рядом канонов древней церкви указывается возраст для кандидатов в пресвитерский и диаконовый чины. Дальнейшие законодательства церкви не требуют сего, а руководятся иными соображениями.

² Мф. 28, 19. Деян. 2, 38 и др. Деян. 8, 12 и 38. Деян. 19, 1-7 и др. По древнему свидетельству, сохраненному св. Софронием, Патриархом Иерусалимским, апостолы, по заповеди Спасителя, крестили друг друга, а апостолы Петр и Иоанн крестили Божию Матерь. P.G. n. 78/3 col. 3372.

³ Апост. Прав. 46, 47, 49 и 50.

⁴ Ефес. 4, 5.

⁵ Апост. Прав. 46, 47, 68. Лаод. 8. Василий Вел. I. Втор. 7. Шест. 95. Карф. 59.

⁶ Текст гласит: «Епископа или пресвитера, приявших крещение или жертву еретиков, извергати повелеваем. Кое бо согласие Христови с велиаром? или кая часть верному с неверным?»

⁷ Текст гласит: «Епископ или пресвитер, аще по истине имеющего крещение вновь окрестит, или аще от нечестивых оскверненного не окрестит, да будет извержен, яко посмевающийся кресту и смерти Господней, и не различающий священников от лжесвященников».

⁸ Мы пользуемся изданием 1901 г. Москва. Синодальная типография, стр. 26.

⁹ М.Э. Поснов. «История Христианской Церкви». Брюссель, 1964 г., стр. 146. См. описание этих ересей у того же историка стр. 142-149. См. также: «Руководство к изяснительному учению Православия, Католичества и Протестантства».

¹⁰ «Окружное Послание Восточных Патриархов» 1848 г., §§ 2 и 3. Приводится по вышеуказанному «Руководству к изяснительному учению...», стр. 729.

- ¹¹ Поснов, цит. произв., стр. 147-148.
- ¹² По общему мнению канонистов, «Апостольские Правила» были собраны в конце II и в начале III века. Некоторые же каноны имеют более позднее происхождение. См. полемику по сему вопросу у Поснова, цит. произв., стр. 317-318.
- ¹³ См. об этом в Encyclopaedia Britannica слово «Baptism», а также у Хейстинга (Hasting) в Encyclopaedia of Religion and Ethics это же слово; и в Dictionnaire de Theologie Catholique — слово «Baptême».
- ¹⁴ Привожу по книге: The Seven Ecumenical Councils. Henry Percival. Oxford, 1900, p. 40.
- ¹⁵ См. подробнее в книге Puller'a: The Primitive Saints and the See of Rome.
- ¹⁶ Привожу по книге Х. Персиваля, в его ссылке на Карфагенские Соборы.
- ¹⁷ Так определяются последователи Новациана в цитируемой нами книге Канонов Церкви, изданной по распоряжению Святейшего Правительствующего Синода: «Чистыми» называли себя еретики, последователи Новата (Новациана), римской церкви пресвитера, который учил падших во время гонения не принимать на покаяние и двоеженцев никогда не принимать в общение церковное, и в сих гордых и нечеловеколюбивых суждениях полагал чистоту своего общества» (стр. 41). К этому следует прибавить, что «кфары» («чистые»), как и монтанисты, *перекрещивали* тех православных, которые переходили из церкви в их раскол.
- ¹⁸ Ересь Павла Самосатского (260 г.) имела иудейский характер: ввела обрезание, не признавала Св. Троицы, не признавала Божества Христова по существу, но — как некое возвышение в ранге. Ересь эта дважды была осуждена на Антиохийском поместном Соборе в 264 г. и в 269 г. См. об этом подробнее в книге: J.H. Blunt'a: Dictionary of Sects, Heresies etc. 1874, p. 515 sq.
- ¹⁹ Имеется в виду Трулльский Собор.
- ²⁰ Трулльский Собор происходил в 691-692 г. Св. Василий Великий скончался в 379 г. Поместный Лаодикийский Собор происходил ок. 363 г.
- ²¹ Такое наименование читаем в Великом Требнике, нпр. изд. Киево-Печерской Лавры в 1895 г., стр. 408.
- ²² См. особую книгу, изданную по распоряжению Святейшего Правительствующего Синода в 1895 г. Это же название находим и в 3-й части Требника, изд. Джорданвилем в 1960 г.

- ²³ Х. Персиваль, цит. произв., стр. 405-406.
- ²⁴ Каноны 59 и 68.
- ²⁵ За неимением Кормчей Книги, являющейся теперь библиографической редкостью, привожу текст по книге еп. Никодима Милаша: «Православно Црквено Право». Белград, 1926 г., стр. 590.
- ²⁶ См.: Архимандрит Амвросий. «Святой Марк Ефесский и Флорентийская Уния». Джорданвиль, 1963, стр. 313.
- ²⁷ Там же, стр. 40 и 41.
- ²⁸ Там же, стр. 41.
- ²⁹ Там же, стр. 40.
- ³⁰ Там же, стр. 171.
- ³¹ Там же, стр. 214.
- ³² Nomocanonis tit. XII, c. 2. Pitra, Juris ecclesiastici Graecorum, t. II, p. 600.
- ³³ Theodori Balsamonis. Responsa ad interrogationes Marci. P.G. 138 col. 968.
- ³⁴ См. в книге архим. Амвросия, цит. произв., стр. 333-334. Окружное Послание св. Марка Ефесского § 4. Греч. текст: Patrologia Orientalis. Т. XVII, p. 460-464 и у Миня. P.G. т. 160.
- ³⁵ Афонский Патерик, т. II, стр. 230-250 и стр. 382-383.
- ³⁶ Бл. Августин отмечает, что крещение является Таинством, установленным Самим Господом нашим Иисусом Христом, и поэтому порочность или извращенность (perversitas) еретиков не может лишить это таинство его действительности. De baptismo lib V, cc. 2-3-4. P.L. 43.
- ³⁷ Св. православной церкви всегда была присуща толерантность. Как пример, один из многих, можно указать на службу в субботу первой седмицы Великого Поста, в которой говорится о том, что св. вмч. Феодор Тирон явился Константинопольскому епископу и предупредил его о том, что продукты, выставленные на базаре в этот день, осквернены идоложертвенной кровью по приказу императора Иулиана Отступника, желавшего этим надругаться над христианами (см. об этом в синаксаре субботы первой седмицы Великого Поста). Во всей этой службе местный епископ называется «архиерей», «пастыреначальник», который всю ночь молился Богу о своей пастве, «патриарх». Между тем, в то время, когда это происходило, этим Константинопольским епископом был Евдоксий, выдающийся арианин. Православного архиерея тогда и не было в Константинополе.

2. Как разрешался вопрос о принятии инославных в Русской Православной Церкви. Воззрения и церковное законодательство по сему вопросу.

Русской государственности всегда была присуща толерантность по отношению к инородцам, и это способствовало укреплению великой Российской Империи, в состав которой входили многие народы, жившие на равных началах. Эта же черта толерантности была присуща и русской православной церкви по отношению к инославным, как это справедливо отмечают русские историки. Профессор А.В. Карташев говорит: «Сравнительная веротерпимость русских по отношению к другим религиям и христианским исповеданиям была отличительной чертой до-монгольского периода».¹ Справедливо отмечает профессор Н. Тальберг: «Русская церковь отличалась терпимостью к иноверцам».² Латинские храмы, обслуживаемые латинским духовенством, находились в Киеве, в Новгороде, в Ладого, в Полоцке, в Смоленске, в Переяславле и других местах. В «Очерках по истории Русской Церкви» проф. Карташев дает интересные сведения о взаимоотношениях русских с Западом.³ Между русскими и западными народами существовали живые коммерческие и политические связи. Иностранные представители и иностранные торговцы, со всех концов Европы, прибывали в русские города. Русь приняла христианство еще до великого раскола церквей, и поэтому для нее Запад в церковном отношении не представлялся враждебным миром. Еще до крещения Руси и далее на всем протяжении истории России мы видим, что Ватикан имел большое желание иметь русскую церковь в составе своих церквей. Русские князья, начиная от св. князя Владимира, были почтительны и вежливы в своих ответах Папам, но крепко держались греческого православия. Долгое время русская церковь возглавлялась греческими митрополитами, которые после раскола церквей держались враждебной линии по отношению к латинянам. Проф. Карташев пишет: «Русские под влиянием митрополитов греков, представлявших все римское в

черном свете, в частности по мотивам соперничества из-за церковной власти над Русью, должны были постепенно усвоить эту крайнюю греческую точку зрения».⁴ Интересно отметить, что этим нашим митрополитам принадлежит ряд полемических трудов против латинян, но все они, как отмечает проф. Тальберг, написаны в спокойном и благожелательном тоне по отношению к ним;⁵ но в своих наставлениях русским они предписывали крайнюю нетерпимость к латинянам, запрещая вступать с ними в брак, приветствовать их, вкушать с ними пищу и даже кормить из своей посуды, а посуду, из которой латинянам случилось бы вкусить пищу, специально с молитвой омыть. «Однако, — как замечает проф. Карташев, — теории не сразу удается преодолеть инерцию жизненной практики, и в настоящем случае установившийся тон мирных благожелательных отношений русских к иноверцам и западноевропейским народам давал себя знать в течение всего до-монгольского периода».⁶ Наши князья продолжали родниться браками со всеми латинскими дворами, причем дочери русских князей при выходе замуж принимали западный обряд, а иногда даже и дочери иностранных государей содержали у нас на Руси свое латинское богослужение.⁷ Под влиянием дружественных связей с Италией у нас установлен был праздник перенесения мощей святителя Николая в Бари 9-го мая. На храмах Владимиро-Суздальских отразилось влияние романского стиля, поскольку они были построены итальянскими архитекторами. «Корсунские ворота» в новгородском Софийском соборе — немецкого происхождения. «В Новгороде вообще настолько близко жили с иностранцами, что простые женщины не затруднялись обращаться к латинским священникам за некоторыми требами, очевидно не боясь их еретичества и не находя их даже особенно отличными и по внешнему виду от своих священников», — отмечает проф. Карташев.⁸

Уже после раскола церквей князь Изяслав Ярославич обращается к папе Григорию VII с просьбой посодействовать ему изгнать узурпатора его престола. И это обраще-

ние — кстати, оставшееся бесплодным, — не вызывает ни удивления, ни нареkania на него.

Митрополит Киевский Кирик (по некоторым: Кирилл), в ответ на вопрос св. Нифонта епископа Новгородского (ум. 1156 г.) о том, как принимать латинян, переходящих в православие, дает ему следующее указание: «Если латинянин захочет приступить к русскому закону: пусть он ходит в нашу церковь 7 дней; да наречется ему новое имя; да читаются набожно каждый день в его присутствии четыре молитвы; пусть затем он омоется в бане; семь дней воздерживается от мяса и молочного, а на 8-й день, вымывшись, пусть придет в церковь. Над ним должны быть прочитаны четыре молитвы; его облачают в чистое одеяние, на голову ему возлагают венец или венок, он помазуется миром, в руки ему дается восковая свеча; в продолжение обедни он причащается и затем считается за нового христианина».

При таких близких отношениях между русскими и западными народами, существовавшими в до-монгольский период, едва ли можно было ожидать, чтобы русские перекрещивали тех латинян, которые изъявили желание принять православную веру. Такое перекрещивание было бы равносильно признанию их за не-христиан. В больших русских городах, имевших характер торговых и политических центров, встречались русская православная культура и западная латинская, и встречи эти были благожелательными друг к другу. Позднее, конечно, такое положение должно было измениться.

Перекрещивание латинян при переходе их в православие не практиковалось греческой церковью. Во главе древней русской церкви стояли греки-митрополиты и едва ли они проводили в русской церкви то, что было чуждо самой греческой церкви. Из вышеприведенного нами указания митрополита Киевского Кирика (или Кирилла), данного святителю Нифонту Новгородскому, мы видим, что ни о каком перекрещивании латинян, переходящих в православную веру, нет даже и помина. Что же касается русских, то, как мы видели, их отношение к латинянам было доброжелательнее того, что им пре-

подавали греческие митрополиты, возглавлявшие в те времена русскую церковь.

Среди русских святых мы видим и некоторых иностранцев, которых Бог привел в Россию, где они и послужили спасению душ русских людей, служа и спасаясь на ниве русской православной церкви, и которых Бог прославил как святых русской церкви.

Я укажу на некоторых. Преподобный Антоний Римлянин родился и воспитался в Риме, в те времена, когда Западная Церковь уже отлучилась от Восточной Православной Церкви. Родители его тайно хранили благочестие и в нем воспитали своего сына. В 1106 году чудесным образом прп. Антоний Римлянин был принесен волнами в Новгород. Здесь преподобный и прожил всю свою остальную жизнь, много и плодотворно послужив делу монашества в древней Руси. Следует отметить, что святитель Новгородский Никита принял преподобного Антония с величайшим почтением и любовью, как посланника Божия. Формально мог быть поставлен вопрос: является ли прп. Антоний православным? — Рожден и крещен он был в Риме, в те времена, когда православного духовенства в Риме не было и в помине: в те времена Рим был цитаделью Папы, не только как епископа, но и как светского властелина, которому принадлежала эта область.⁹ Ни о какой, так сказать, «катакомбной православной церкви» в Риме история никогда не слышала. Папский Рим был всегда и во всем верным латинству. Крещение и церковные таинства прп. Антоний не мог иметь в другом месте, кроме латинских церквей Рима, что и понятно. На юге Италии еще были православные области, подчиненные Византии, но там проживали греки. Прп. Антоний не был греком, а итальянцем, и проживал он в областях, принадлежащих римскому престолу. Родным языком для него был латинский язык, что свидетельствует и принесенная им латинская Библия, с которой он и был похоронен впоследствии в Новгороде. Таким образом, Новгородский святитель Никита мог формально поставить вопрос об открытом присоединении к православной церкви монаха, прибыв-

шего из латинских земель и рожденного и крещенного в Риме. Но, как мы видим из жития прп. Антония Римлянина, святитель Никита принял без малейшего колебания или сомнения прибывшего к нему по воле Божией римского монаха. На это решение Святителя могло повлиять также, кроме самой чудесности прибытия Преподобного, и то общее чувство благожелательности к инославным, которое так сильно проявлялось, как мы показали выше, в пределах Великого Новгорода, одного из самых значительных центров европейской торговли. Таким торговым центрам, независимо от господствующей в данном месте религии, свойственна веротерпимость, как мы это видим и на примере Венеции или Гамбурга.

Блаженный Исидор, Христа-ради-Юродивый, ростовский чудотворец, проживавший в XV веке, был по происхождению немцем и латинянином, как говорит его житие. Глубоко полюбив православие Руси, он здесь и отдал себя духовным подвигам, спасаясь на ниве русской церкви и служа спасению русских душ. Бог и прославил его как русского святого. Имеется пространное житие св. Исидора, и нигде мы не находим, что, принимая православие, он был перекрещен.¹⁰

Другой ростовский блаженный — св. Иоанн Власатый (ум. в 1581 г.) — судя по оставшейся после его смерти псалтири на латинском языке, которой он пользовался, также был иностранцем, возлюбившим православие и подвизавшимся в России, где Бог и прославил его святость. Хотя мало известно его житие, однако нигде нет данных, говорящих о том, что, приняв православие, он был перекрещен.¹¹

Единственный русский святой из иностранцев, о котором в Прологе говорится, что, принимая православие в Великом Новгороде, он «крестился», был св. Прокопий Устюжский. В житии св. Прокопия имеется ряд неясностей: в современном издании его жития говорится, что он «принял православие», не обозначая, каким чином он был присоединен к святой православной церкви.¹²

Нет никаких оснований предполагать, что русская церковь в до-монгольские времена перекрещивала латинян при переходе их в православие. Возглавлявшие русскую церковь греки-митрополиты принадлежали к Константинопольской Патриархии, которая, в свою очередь, не перекрещивала латинян, принимая их в православие. Только исключительные события могли привести к тому, чтобы и русская, и константинопольская церкви изменили бы этой древней практике и перешли к перекрещиванию латинян и тех протестантов, у которых крещение совершается во имя Св. Троицы. Практика перекрещивания инославных наступила гораздо позднее в истории русской церкви. Вызвана она была рядом событий, о которых кратко скажем ниже.

Неожиданно русская церковь увидела себя в крайней опасности со стороны латинян, пришедших насаждать латинство в русских областях, действуя огнем и мечом. Русскому народу, во главе с его доблестными князьями, как св. Александр Невский (ум. в 1263 г.) и св. Домонт-Тимофей Псковский (ум. в 1299 г.), приходилось своей кровью защищать свою веру и свое отечество от латинян и их посягательств. Все это не могло не произвести коренного изменения в отношении русских к инославным: прежнее благожелательство к ним сменилось на чувство огорчения и ненависти. Смирное русское монашество не могло видеть со-братьев во Христе в военных монашеских орденах, закованных в железо и несущих с собою смерть и разорение. Как некогда крестоносцы нанесли непоправимый удар в отношениях между римской церковью и греческой православной церковью, так и немецкие монахи-«меченосцы» нанесли непоправимый вред в отношениях между римской церковью и русской православной церковью.

Дальнейшие события еще более обострили эти отношения.

Через Киевского митрополита Исидора (грека) папа Евгений IV покушался покорить русскую православную церковь; с изгнанием митрополита Исидора возникла в России острая полемическая литература, направленная

против латинства. Таким образом и на практике, и в теории латиняне явились русскому народу в свете смертельных врагов православия и русскости. Страшные гонения на православных в пределах юго-западной Руси, о чем Москва знала и о чем скорбела, вызывали ненависть к латинянам.

Последовавшая затем попытка латинян, действующих при помощи католической Польши, чрез Лже-Димитрия и Марину Мнишек совершенно уничтожить русское православие в самом Московском государстве, в самом священном Кремле, переполнила чашу гнева русского народа. Народное ожесточение было таково, что после убийства Лже-Димитрия (17-го мая 1606 г.) народ, ворвавшись в Кремль, убил 3 кардиналов, 4 ксендзов и 26 «немецких учителей». Интересно отметить, что как раз во время царствования Лже-Димитрия возник вопрос об официальном принятии православия Мариной Мнишек как русской царицы. Московский митрополит Игнатий-грек принял ее в православие не чрез крещение, а чрез миропомазание, что впоследствии ставил в вину митрополиту Игнатию сменивший его патриарх Филарет. При этом проф. Карташев замечает: «Строгая и всеобщая русская практика переkreщивания была установлена только позднее, в 1620 г., патриархом Филаретом. Да и тогда часть русских епископов высказывалась против».¹³

Таким образом, церковное постановление русской церкви о переkreщивании инославных, вступающих в православную церковь, в данном случае латинян, принадлежит Московскому Собору 1620 года, и вынесено оно по требованию патриарха Филарета. Рассмотрим, чем оно вызывалось и как было вынесено.

Страдания русской церкви и лично Ростовского митрополита Филарета, будущего Патриарха Всея Руси, вынесенные во время Смутного Времени от латинян, желавших во что бы то ни стало покорить русскую церковь и склонить ее к унии с Римом, при полном игнорировании всего православного, всего русского, могли

только усилить неприязнь русских к латинянам, которых справедливо в те страшные времена видели своими смертельными духовными врагами. И все же, несмотря на это, ряд русских епископов стоял на точке зрения, что католиков, при принятии ими православной веры, достаточно лишь помазать святым миром, а не — переkreщивать. И только благодаря личному нажиму патриарха Филарета, нажиму достаточно грубому, правду сказать, Московский Собор 1620 года постановил о переkreщивании латинян, приходящих в православие.

Патриарх Филарет таким образом отзывался о свергнутом без всякого суда и следствия патриархе (или митрополите) Игнатии: «Патриарх Игнатий, угождая еретикам латинския веры, в церковь соборную Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы введе еретическия папешкия веры Маринку, святым же крещением совершенным христианского закона не крестил, но токмо единым св. миром помаза и потом венчал ю с тем росстригою и обоим сим врагом Божиим, росстриге и Маринке подаде Тело Христово и Св. Кровь Христову пити. Его же Игнатия за таковую вину священноначальницы великие святые церкви российской, яко презревшего правила св. апостол и св. отец, от престола и от святительства, по правилам святым, изринуша».¹⁴

Затем патриарх Филарет поставил в вину местоблюстителю Патриаршего Престола, митрополиту Ионе, что он не переkreщивал латинян. «До сведения патриарха Филарета, — пишет проф. Карташев, — дошло донесение двух московских священников, что митрополит Иона не велел крестить принявших православие ляхов, Яна Слободского и Матфея Свентицкого, а, миропомазав, допустил к св. причащению. Делалась ссылка по указанию Ионы на древнерусскую практику по Вопрошению Нифонта к Кирику».¹⁵ «Патриарх вызвал к себе на объяснение митрополита Иону и упрекал его, что Иона якобы вводит нечто новое, не приказывая переkreщивать латинян. Чтобы подавить Иону авторитетом, патриарх поставил вопрос на повестку очередного пленума освященного собора 16.X.1620 г. С обвинительной речью на нем

выступил сам Филарет, доказывая, что еретическое крещение не есть крещение, но «паче осквернение». Вот патр. Игнатий за то и низвергнут, что не крестил Марину... Все еретики не имеют действительного крещения. Вся богословская логика патр. Филарета свидетельствует о страшном понижении уровня знаний у тогдашней русской иерархии и особенно у самого Филарета от страстного озлобления на латино-поляков. Патр. Филарет говорил: «Латиняне-папезники суть сквернейшие и лютейшие из всех еретиков, ибо они приняли в свой закон проклятые ереси всех древних, еллинских, жидовских, агарянских и еретических вер, и со всеми погаными язычниками, со всеми проклятыми еретиками обще все мудрствуют и действуют». И, обращаясь к Ионе, Филарет задал вопрос: «Как же ты начинаешь вводить в царствующем граде противное правилам св. апостолов и св. отцов и велишь принимать латинян, сущих аки псов и ведомых врагов Божиих, не чрез крещение, а только через миропомазание»? И затем патр. Филарет наложил на митр. Иону запрещение в служении. Все доводы и ссылки, приводимые митр. Ионой, были им отвергнуты». Не стесняясь никакими архивно-историческими справками, просто, так сказать, на глаз, Филарет заявляет: «В нашем московском государстве, с самого его основания, никогда не бывало, чтобы еретиков латинян и других еретиков не крестили». По утверждению патриарха Филарета, латинство есть хранилище и итог всех ересей.¹⁶ Через две недели возник вопрос о принятии униатов, льнущих к православию, и некоторых славян, зараженных кальвинистическим духом. Патр. Филарет постановил, что всех, даже крещенных в православной церкви и потом ушедших из православия, должно перекрещивать: перекрещивать должно и всех, которые были крещены путем обливания, а не погружения. Эти ригористические решения имели печальное последствие: могущее быть массовым принятие родных соплеменников не состоялось. В 1630 г. был перекрещен даже архиепископ-униат, Афиноген Крыжановский. В начале он имел чисто православное поставление до архимандритского

сана включительно. Соблазнился лишь на архиепископский сан у униатов. После перекрещивания он был перерукоположен.¹⁷

Такое постановление Московского Освященного Собора 1620 г. о перекрещивании латинян, униатов, лютеран и кальвинистов было вскоре признано неправильным, и очень скоро отменено. Вызвано такое решение лишь ненавистью к инославным по причине гонения от них, которое претерпела русская церковь, — как и отмечает это митрополит Московский Макарий, автор замечательного труда по истории русской церкви.¹⁸ Другой историк русской церкви, архиепископ Филарет (Гумилевский) так отзывался об этом постановлении: «Постановление неправое пред учением церковным, но извиняемое ужасами времени».¹⁹ Патриарх Никон, своим сильным умом, не мог не видеть неправильности сего постановления и два раза отменял его. На церковном Соборе 1655 г. святейший Патриарх Никон и отцы Собора постановили, что вторичное крещение поляков — *незаконно*, и отменили принятие их в православие путем крещения, указывая, что оно должно совершаться путем миропомазания их.²⁰ На церковном Соборе, состоявшемся в следующем году (1666 г.) под председательством того же патриарха Никона, тот же вопрос опять был подвергнут исследованию. Митрополит Московский Макарий так об этом пишет: «Признано было нужным заняться вновь обсуждением этого предмета. На новый Собор приглашены были все русские архиереи; в числе других прибыл и митрополит Казанский. Антиохийский патриарх Макарий и теперь настаивал, что латинян не следует крестить вторично при обращении их в православие, и имел жаркий спор с русскими иерархами. Он старался убедить их ссылкой на их собственные книги закона и, кроме того, в подтверждение своей мысли, представил выписку из какой-то древней греческой книги, принесенной с Афона, представляющую подробное изложение предмета, и тем заставил русских архиереев невольно подчиниться истине. Выписка эта, скрепленная подписью патриарха Макария, была подана государю (царю Алексею Михайловичу),

переведена на русский язык, напечатана и роздана по рукам, а государь издал указ, которым запрещалось крещение поляков и других последователей той же веры. Не довольствуясь всем этим, Макарий, вскоре уехавший из Москвы, прислал еще письмо к Никону о том же предмете. Среди прочего, патриарх Макарий писал патриарху Никону, что «латинян не должно перекрещивать: они имеют все семь таинств и все семь вселенских соборов и все они крещены правильно во имя Отца и Сына и Св. Духа, с призыванием Св. Троицы. Мы должны признать их крещение. Они только схизматики; и схизма не творит человека неверным и некрещеным, а творит только отлученным от церкви. Сам Марк Ефесский, спротивник латинян, никогда не требовал перекрещивания их и признавал крещение их правильным».²¹

Последним и решающим указом по сему вопросу было постановление Большого Московского Собора 1667 г., который состоялся при патриархе Московском Иоасафе II в царствование того же Алексея Михайловича.

Об этом мы так читаем в «Истории Русской Церкви» митрополита Макария: «Чин принятия латинян в православную церковь был теперь совершенно изменен. Известно, что по соборному уложению патриарха Филарета Никитича, у нас перекрещивали латинян. И хотя при патриархе Никоне, по настоянию бывшего тогда в Москве антиохийского патриарха Макария, два раза определяли на соборах, чтобы впредь латинян не крестить, но укоренившийся обычай перекрещивания оставался еще в силе. Потому царь Алексей Михайлович предложил Большому Собору вновь обсудить и решить этот вопрос. Отцы собора сначала внимательно рассмотрели уложение патриарха Филарета Никитича и пришли к заключению, что приведенные там правила истолкованы и применены к латинянам неверно. Потом привели другие соборные правила, по которым запрещено было перекрещивать даже ариан и македониан, в случае обращения их к православию, а тем более, говорили отцы, — не должно перекрещивать латинян; сослались на собор четырех восточных патриархов, бывший в 1484 году в Константинополе и опреде-

ливший не перекрещивать латинян, при обращении их к православию, а только помазывать их св. миром, и даже составивший самый чин принятия их в церковь; сослались на премудрого Марка Ефесского, который в своем окружном послании ко всем православным преподает то же самое учение, и постановил: «не должно перекрещивать латинян, но только, после проклятия ими своих ересей и по исповедании согрешений, помазывать их св. миром и сподоблять св. пречистых таин, и таким образом приобщать их св. соборной восточной церкви по священным правилам (глава 6)».²² С 1718 года Духовный Собор постановил и протестантов, имевших крещение во имя Св. Троицы, не перекрещивать.²³ С этих пор русская церковь никогда не возвращалась к перекрещиванию латинян, лютеран, англикан и кальвинистов. Впоследствии русская церковь постановила конфирмированных римо-католиков и миропомазанных в их церквях армян принимать по 3-му чину, т.е. чрез самое покаяние и отречение от ереси; лютеран же, кальвинистов и других протестантов, у которых крещение совершается чрез тоекратное погружение (или обливание), — принимать по 2-му чину, т.е. чрез миропомазание и отречение от ереси; миропомазание совершается над ними по той причине, что во-первых такого таинства у них нет, а во-вторых, нет священства по апостольскому преемству. Англикан, епископалов также принимают по 2-му чину по той причине, что остается неизвестным, (как писал митрополит Московский Филарет), сохранилась ли у них апостольская преемственность в церкви.

Русские богословы строго держались этого взгляда о неперекрещивании латинян, армян и тех протестантов, которые были крещены в своих церквях во имя Св. Троицы. Члены царского дома, бывшие раньше протестантами, принимались в православие чрез миропомазание.

В известной «Новой Скрижали» архиепископа Вениамина читаем следующее: «Все еретики разделяются на три рода: к первому принадлежат те, которые не веруют во Святую и Единосущную Троицу и не совершают троякого погружения в воду при крещении; их, равно

как и язычников и магометан, должно крестить, как повелевает 19-е правило первого вселенского собора. Второго рода еретики суть те, которые веруют в Бога в Троице единого и крещаются троекратным погружением, но имеют свои заблуждения и ереси, и кроме крещения или совсем не признают других таинств, или, совершая другие таинства неправильно, отвергают св. миропомазание. Их крестить не должно, потому что они крещены; но после отречения их от своих ересей и исповедания православной веры должно присоединить их к церкви посредством таинства миропомазания, как предписывает 7 правило второго вселенского собора. Третьего рода еретики, называемые отступниками, содержат все семь таинств, равно как и миропомазание, но, отделившись от единства св. православной церкви, держат примешивать к чистому исповеданию веры свои заблуждения, противные древнему учению св. апостолов и отцов церкви, вводят многие пагубные мнения в церковь и, отвергая древние благочестивые обряды церкви, устанавливают новые обычаи, противные духу благочестия. Таковых во второй раз мы не крещаем и не помазываем св. миром; они после отречения от своего отступничества и раскаяния во грехах своих исповедуют символ православной веры и очищаются от грехов своих молитвами и святительским разрешением».²⁴

Епископу Смоленскому Парфению принадлежит труд «О должностях приходских священников», одобренный Синодом для всех церквей. В книге находятся правила и о том, каким чином надлежит принимать латинян и протестантов, крещенных во имя Св. Троицы, когда они переходят в православие: одних надлежит принимать по 3-му чину, других по 2-му. «Невеждами» называются те священники, которые хотели бы перекрещивать латинян и лютеран (§ 82).

Святейшим Правительствующим Синодом изданы в 1858 году подробные чины, каким образом, по какому чину принимать инославных, приходящих в православие. Один из этих чинов носит наименование: «Чин, како приимати к православней вере приходящих, иже нико-

лиже беша правоверни, но измлада воспитани быша вне православныя церкви, крещение же истинное имущих во имя Отца и Сына и Святого Духа».

Филаретом митрополитом Московским составлен чин, как принимать в православие римо-католического священника, которого положено принимать по 3-му чину, без какого-либо повторения над ним крещения, миропомазания и рукоположения.²⁵ Но этот священник может сохранить свой священнический сан в православной церкви только в том случае, если он пребывает безбрачным, т.е. не нарушил своего обета, данного при посвящении, затем женившись; если же он сочетался браком до своего перехода в православие, он принимается как мирянин и не сохраняет права на священнический чин.²⁶

Архиепископу Астраханскому Сергию принадлежит труд «О правилах и чинопоследованиях принятия неправославных христиан в православную церковь». Вятка, 1894 г. В книге излагаются три чина принятия инославных в православную церковь в том же понимании, как и у вышеприведенных авторов.

С апологетическими объяснениями, почему русская православная церковь не перекрещивает приходящих в православие латинян, лютеран и кальвинистов, — за что русскую церковь обличали старообрядцы разных толков, выступил митрополит Григорий в книге «Истинно-древняя и истинно Православная Христова Церковь» ч. 2 гл. 33 и 34. А также см. Труды Киевской Духовной Академии, июль-август 1864 г., статья «О принятии неправославных христиан в Православную Церковь, историческо-каноническое исследование против беспоповцев»; см. также статью в Христианском Чтении, июнь 1865 г., «Разбор оснований, на которых беспоповцы утверждают свой обычай перекрещивать православных при переходе в раскол».

В «Пособии к изучению Устава Богослужения Православной Церкви» прот. К. Никольского изложены чины, на основании которых православная церковь совершает перевод в православие приходящих к ней римо-католиков и протестантов. Там же собран и ряд

указаний и распоряжений церковных властей по сему вопросу.

В весьма известной «Настольной книге для священно-церковно-служителей» С.В. Булгакова приводятся подробно совершения всех 3 чинов, по которым производится принятие в православие иноверцев и инославных, а также собраны указания и постановления церковных властей по сим предметам.²⁷

И в других пособиях для приходского духовенства и в сборниках церковных постановлений по различным вопросам находим те же указания и законы.

Теперь представим ряд законодательств русской церкви по вопросу принятия в православие латинян и протестантов.

Как мы выше представили, конечным законодательством, воспреещающим перекрещивание латинян при переходе их в православие, было постановление Большого Московского Собора 1667 г., глава 6.

Последним законодательством, запрещающим перекрещивание тех протестантов, у которых крещение совершается тремя погружениями во имя Св. Троицы, было постановление Духовного Собора в 1718 году.

Основываясь на этих двух постановлениях, возникли и другие постановления и указания церковных властей. Систематически они могут быть представлены так:

1. На присоединение к православной церкви из числа римо-католиков, армян, несториан, лютеран и кальвинистов не должно каждый раз испрашивать благословение от епархиального архиерея; только особые случаи и случаи массового перехода в православие должны сообщаться архиерею для получения его благословения и указания.

Ук. Св. Синода 1840, II, 20. 1865, VIII, 25. Уст. Дух. Конс. 22, 25.

2. Присоединение к православной церкви предваряется наставлениями и утверждением в учении православной церкви, и изучением некоторых молитв.

Церк. Вед. 1893, 28. Практ. руковод. 181 и сл.

Что же касается больных, то для них делается всевозможное облегчение, и наставление им делается по мере их сил и не откладывается принятие их.

Церк. Вед. 1891, 21, 280 стр.

3. От присоединяющихся к православию берется подписка в том, что они по своей воле принимают православие, и присоединение их записывается в 1-й части метрической книги. В некоторых частях империи, где православные и инославные живут вместе, предписывается местным властям поставить в известность местного римо-католического священника или лютеранского пастора, если лицо, принадлежащее их приходу, перешло в православие.

4. Затем следует самый чин, по которому надлежит принимать инославного. Хотя мы здесь и повторяемся, однако считаем уместным повторить законоположения русской церкви по сему вопросу.

Инославных принимают по 3 чинам:

Третьим чином, выражающимся в покаянии относительно своих прежних заблуждений, отречением от них и исповеданием православной веры — постановлено принимать лиц, приходящих из римо-католического вероисповедания и армян, при условии, что первые получили конфирмацию от своего епископа, а вторые — были миропомазаны их духовенством. Если же конфирмацию они не получили или есть какое-либо сомнение в том, что они получили таковую, — то их следует помазать святым миром.

По второму чину, т.е. через покаяние, отвержение от ересей, исповедание православной веры и чрез *миропомазание*, принимаются лютеране, кальвинисты и англикане (епископалы). Лютеране и кальвинисты по той причине, что у них нет таинства миропомазания и нет духовенства апостольского преемства; англикане — по той причине, что апостольское преемство их духовенства находится под вопросом, как это отмечал Филарет митрополит Московский.

По первому чину, т.е. чрез крещение, связанное с миропомазанием, принимаются язычники, евреи, магометане и те секты, у которых нет верования во Св. Троицу и крещение не совершается троекратным погружением во имя Лиц Св. Троицы.

Лиц, которые на смертном одре желают принять православие, положено принимать чрез возложение руки священника и исповедь умирающего, после чего его причащают Святых Тайн; так поступать надлежит в отношении римо-католика или армянина; лютеранина же и кальвиниста, как и епископала — следует принимать чрез помазывание св. миром на челе, после чего его причащают Святых Тайн. Похороны бывают, конечно, по православному чину.

Ук. Св. Синода 1800 г., февр. 20, н. 4.²⁸

Таковы основные законы русской церкви относительно принятия в православие инославных.²⁹

У Булгакова чин принятия в православие инославных суммируется следующими словами:

«Для принятия обращающихся к православной церкви существуют *три чина*: крещение, миропомазание и покаяние с приобщением Св. Таин.

Посредством крещения принимаются в православную церковь язычники, евреи и магометане. Кроме того посредством крещения же должны приниматься такие последователи христианских сект, которые заблуждаются в коренных догматах православной веры, извращают православное учение о Св. Троице и совершение таинства крещения (например, евномиане, которые отвергали равенство Лиц Св. Троицы и совершали крещение единократным погружением в смерть Христову, или монтанисты, которые совершали крещение во имя Отца и Сына и в Монтана и Прискиллу).

Посредством миропомазания должны приниматься такие сектанты, которые совершают крещение правильно в три погружения с произнесением Богоуоставленных слов: «во имя Отца и Сына и Святого Духа», и заблуждаются в частных догматах веры (ариане, македониане и др.).

Посредством покаяния и отречения от своих заблуждений должны быть принимаемы церковные раскольники, имеющие иерархию законного происхождения, но отделившиеся от православной церкви из-за вопросов нравственного, обрядового и дисциплинарного свойства, а также догматических учений второстепенного значения (донатисты, евхиты, несториане).

Согласно с правилами древней церкви поступает в подобных случаях и русская православная церковь. Признавая крещение необходимым условием для вступления в число ее членов, она евреев, магометан, язычников и извращающих коренные догматы православной веры сектантов принимает чрез крещение; протестантов она принимает чрез миропомазание; тех из католиков и армян, которые не получили конфирмации или миропомазания от своих пастырей, она также принимает чрез миропомазание; получивших же миропомазание или конфирмацию католиков и армян она принимает третьим чином, посредством покаяния, отречения от заблуждения и причащения Св. Таин.³⁰

Относительно членов англиканской церкви Булгаков держится мнения, что священник не может брать на себя ответственность принимать их по 3-му чину, а должен принимать их по 2-му чину, чрез миропомазание, как это и делалось во времена Филарета митрополита Московского. В случае сомнения, ему надлежит известить епархиальное начальство.³¹

Прот. Никольский так суммирует вопрос о принятии инославных:

«Таинство миропомазания отдельно от крещения совершается над иноверцами, присоединяющимися к православной церкви, но только над теми, кои, получив правильное крещение, не были миропомазаны, как например: лютеране, кальвинисты и даже те из римских католиков и армян, которые не помазаны миром (не конфирмованы)».³²

Римо-католическое духовенство, как мы выше говорили, принимается в сущем сане, после принесения покаяния, отречения от ереси и исповедания православной

веры. Самый чин принятия священника римской церкви в православие составлен Филаретом митрополитом Московским.³³

Относительно англиканского духовенства, то действительность англиканской иерархии митрополит Филарет и не отрицал и не признавал, и советовал перерукополагать таковое при переходе в православие, соблюдая при сем условную форму: «Аще не посвящен есть». По мнению некоторых русских ученых (например, проф. В.А. Солодова), англиканская церковь сохранила апостольское преемство и все таинства церкви. По мнению иных, дело обстоит не так. Никаких определенных постановлений церкви по сему вопросу не имеется.³⁴

Русская Церковь с величайшим радушием принимала униатов, желавших вернуться в лоно православной церкви. Переходили они в православие и как отдельные лица, и как приходы, и как целые епархии. В царствование Екатерины Великой до двух миллионов униатов присоединились к святой русской церкви. В XIX веке униаты переходили в православие в числе десятков тысяч. Как же их принимала русская православная церковь? — Принимала их с любовью: самое их желание воссоединиться со святой православной церковью она принимала за довлеющее для того, чтобы объявить их своими чадами. Любовь матери церкви отстранила все препятствия и все чины, какими их следовало принимать в православие. Епископ Порфирий Успенский, описывая свою аудиенцию у Константинопольского Патриарха в 1843 г., говорит, что он сообщил патриарху о том, что в 1841 г. 13 000 униатов воссоединились с русской православной церковью. Патриарх спросил: «Крестили их?» На что епископ (тогда архимандрит) Порфирий Успенский дал отрицательный ответ, разъяснив патриарху, что «униаты по своему внутреннему убеждению и вере всегда находились в общении с нашей церковью, и потому не имели нужды в перекрещивании».³⁵ При воссоединении униатов с православной церковью в 1916 г., когда русская армия заняла Галицию, русская церковь опять же проявила исключительное радушие:

униатов принимали как «своих»; ни в малейшей мере не подчеркивалось, что они от чего-то уходят и к чему-то новому приходят. В ответ на самое их желание быть чадами православной церкви святая русская церковь так и принимала их как своих чад. Государь император Николай Александрович всецело одобрял такое деликатное и великодушное отношение к ним.³⁶

Таким образом, суммируя представленный материал сего отдела, мы скажем, что в древности русская церковь не перекрещивала латинян, переходящих в православие. Перекрещивание было введено на короткое время (с 1620 до 1667 гг.) в результате тех ужасов, которые русской церкви и русскому народу пришлось пережить от латинян и от католической Польши в Смутное Время. С 1667 г. — в отношении латинян, и с 1718 г. — в отношении лютеран и кальвинистов, закон о перекрещивании был отменен раз и навсегда. Согласно воззрениям наших известных богословов создавалось и церковное законодательство русской православной церкви и был выработан чин принятия инославных в православную веру. Эти воззрения и эти законы отличались гуманностью и терпимостью, которая была присуща Русской Церкви. Где Правда — там и сила и великодушие. О, как прекрасна наша благая и мудрая русская церковь!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Проф. А.В. Карташев. «Очерки по истории Русской Церкви», т. I, стр. 264-265.

² Проф. Н. Тальберг. «История Русской Церкви», стр. 71.

³ Проф. Карташев, цит. произв., глава «Разобщение с Западом», стр. 263-266.

⁴ Там же, стр. 263.

⁵ Проф. Тальберг, цит. произв., стр. 71, 73.

⁶ Карташев, стр. 264.

⁷ Там же, стр. 264.

⁸ Там же, стр. 266.

Обзору отношений между русской церковью и западным миром посвящено много трудов. Одним из самых значительных трудов по сему вопросу, по нашему скромному мнению, является трехтомный труд П. Пиерлинга, «La Russie et le Saint Siègе», Paris, 1897.

⁹ Папы были строгими властителями. Так, один папа заслужил добрую память тем, что сделал улицы Рима безопасными для жителей и пилигримов: сделал он это тем, что приказал повесить всех подозрительных «типов». Папы имели хорошую и преданную им полицию. «Санта Уффици» («Святая Канцелярия») и имевшиеся «Бока де ля Верита» («Уста Правды») — отверстия в стене для подкидывания анонимных доносов, наводили большой страх на жителей Рима. У пап еще могли быть личные враги, но врагов по принципу веры папы могли не бояться: таких Рим не знал.

¹⁰ Жития Святых, составленные св. Димитрием, митрополитом Ростовским, месяца мая 14. См. также: «Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви», свящ. Иоанн Ковалевский. Москва, 1895 г., стр. 238-249.

¹¹ Ковалевский, стр. 249-251.

¹² Там же, стр. 161 и др.

¹³ Можем при этом заметить, что принятие православия Мариной Мнишек историками русской церкви характеризуется как просто политический акт, потому что вся политика Лже-Дмитрия была проникнута стремлением латинизировать русскую церковь. См.: митрополит Макарий. «История Русской Церкви», т. X, стр. 99-122. См. также: проф. Карташев. «Очерки по истории Русской Церкви», том II, стр. 60.

Относительно намерений Лже-Дмитрия имеется также мнение, что, возможно, он готов был стать истинным русским царем, а не служителем Рима и Варшавы. Проф. Платонов, в своей книге о Борисе Годунове, справедливо указывает, что самая ужасная вещь — клеветать на мертвого, который не может ничего возразить и сказать.

¹⁴ Карташев, том II, стр. 68.

¹⁵ Мы привели это указание выше.

¹⁶ Карташев, стр. 96-97.

¹⁷ Там же, стр. 99.

¹⁸ Митр. Московский Макарий. «История Русской Церкви», т. XI, стр. 232.

¹⁹ Привожу по книге проф. Тальберга, цит. соч. стр. 467.

²⁰ Митр. Макарий, цит. произв., т. XII, стр. 174-175.

²¹ Там же, стр. 196-197.

²² Там же, стр. 786. Оригинальный текст см.: «Деяния Московских Соборов 1666-1667 года». Москва, 1893 г., стр. 174-175.

²³ Привожу по книге еп. Никодима Милаша, цит. произв., стр. 592, прим. II-е.

²⁴ «Новая Скрижаль» архиепископа Вениамина. 16-е изд. СПб., 1899 г., стр. 475-476.

²⁵ Помещается у прот. К. Никольского: «Пособие к изучению устава богослужений», изд. 1900 г., стр. 685-686.

²⁶ Булгаков. «Настольная Книга для священно-церк.-служителей». 1900, стр. 947, прим. 2.

²⁷ Булгаков, стр. 929 и 948 примечание.

²⁸ Подробнее о сем см. у прот. Никольского, цит. произв., стр. 684.

²⁹ Некоторые особые случаи при принятии иноверцами православия, не имеющие непосредственного отношения к нашей теме, см. в «Своде указаний и заметок по вопросам пастырской практики». Москва, 1875 г., стр. 73-75.

³⁰ Булгаков, цит. произв., стр. 928-929.

³¹ Там же, стр. 929, прим. I.

³² Прот. Никольский, цит. произв., стр. 678.

³³ В журнале «Чтения Императорского Общества Истории и Древностей» (1892 г., кн. 3) изложены основания тому, что клирики, присоединяющиеся к православной церкви из еретиков, при несомненном их крещении и рукоположении, должны приниматься только давая письменное исповедание православной веры и проклиная свою ересь, как практиковалось Седьмым Вселенским Собором относительно обратившихся епископов и других клириков иконоборствовавших, и должны приниматься согласно 8-му правилу Первого Вселенского Собора, каждый в своей священнической степени, а потому и присущем их сану облачении. См.: прот. Никольский, стр. 686, прим. I.

³⁴ См. об этом у Булгакова, стр. 948, прим.

³⁵ Порфирий Успенский. «Книга бытия моего», т. 1, стр. 173.

³⁶ Прот. Георгий Шавельский. «Воспоминания последнего протопресвитера русской Армии и Флота», т. II, стр. 33 и др.

ПАМЯТИ БРОДСКОГО

Иосиф Бродский. Стокгольм, 10 декабря 1987 г.
За несколько часов до церемонии вручения Нобелевской премии. Фото Виталия Амурского.

«Deus conservat omnia» — эту латинскую надпись на фронте дома, где жила и умерла Ахматова, Иосиф Бродский, ее преемник, поставил своим девизом и заглавием стихотворного цикла. След во времени, иероглиф, знак, прихотливый жест Клио, китайская изощренность письма, которым запечатляется вечность на наших памятниках и в нас самих, — вот в чем величие поэта, вот

Русская церковь была толерантна к инославным. В книге проф. Н. Зернова: «Orthodox Encounter» изд. 1961 г. приводится исторический материал о встречах русских богословов и иерархов с богословами и иерархами инославных церквей и особенно — англиканской, из чего можно судить о широте взглядов русской церкви. Узость взглядов и конфессиональный фанатизм был ей чужд. От себя хочу прибавить, что в бытность мою в Йоркском древнем соборе я видел там хранимый под стеклом с величайшей тщательностью омофор одного русского иерарха, который тот подарил Йоркскому архиепископу. Можем вспомнить: с какой любовью русская церковь принимала знаменитого Пальмера и как всячески шла ему навстречу, который, со своей стороны, обогатил русскую богословскую литературу замечательным трудом о Патриархе Никоне.

Русские иерархи в большинстве случаев держались принципа, что «перегородки между христианскими вероисповеданиями не доходят до неба». Известно, с какой ласковостью и вниманием относился праведный отец Иоанн Кронштадтский к инославным, поддерживая переписку с ними. Королева Виктория, которой был посвящен английский перевод сочинения св. отца Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе», с благоговением приняла книгу и с величайшим уважением отозвалась об ее авторе. Приведем отрывок из книги «Два дня в Кронштадте», изд. 1902 г., стр. 277-295: «Лицо его (св. прав. отца Иоанна) было, по обыкновению, спокойно и сияло светлой улыбкой. Он с трудом продвигался сквозь ряды прислуги, теснившей его и старавшейся поцеловать у него руку или принять от него благословение. В числе таких я заметил (пишет англиканский богослов Бирберк) не только нескольких немцев-лютеран из прислуги, но и двух татар магометан, половых из ресторана, которые тоже просили у него и получили благословение; влияние его простирается далеко за пределы православного населения». Отец Иоанн Кронштадтский вел беседы с англиканским архиепископом, и при выходе его из гостиницы повторилось то же явление (в составлении этой книги принимал участие, как известно, и блаженнейший митрополит Анастасий, в бытность свою студентом Духовной Академии).

Вот такую добротой и благородством дышало отношение русской православной церкви к инославным! Вряд ли кто-нибудь мог бы заподозрить святителя Филарета, митрополита Московского и святого праведного отца Иоанна Кронштадтского в нетвердости в православии?! Напротив, именно их и всю русскую церковь эта незыблемая твердость в православии и делала великодушными и толерантными в подходе к инославным. Там, где — Правда, там — и свобода и сила и великодушие.

(Продолжение следует)

что делало его поэтом европейским по языку, русским по привязанностям и культуре, но и не мешало непринужденно чувствовать себя как на набережной Гудзона или венецианского Большого Канала, так и на бережных Невы.

«Старение! В теле все больше смертного», — писал Бродский еще в 1972 году. Став Нобелевским лауреатом в сорок восемь, умерев пятидесяти пяти, Бродский ощущал, как наплывает смертное, как наливается тяжестью часть речи. Та, которой он стал в русском языке, не сотрется в памяти. Его поэтическое рождение связано с великой русской поэзией XX века, особенно с передавшей ему свой скипетр Ахматовой, с метафизикой английского барокко и Джоном Доном, родоначальником того перечня имен сущего, в котором мир представляется то непроницаемо немым, то сообщительным без меры. Бродский воспел поэта и перевел стихи.

Поэт форума, поэт обезглавленных статуй, изъеденного временем папируса, Бродский неотступно следил за тяжелой поступью Алариха, разбивающего в прах поверженные останки колонн.

У советской власти было удивительное чутье на гениев, с которыми ей никогда не удавалось сладить. И процесс Бродского, на котором он был осужден в 1964 году как тунеядец, останется в анналах тщетного спора между поэтом и властью. Если вы не состоите в Союзе писателей, то кто вам сказал, что вы поэт? — спросила судья. Ответ Бродского запечатлен навечно — «Бог, наверно». Элегический поэт, замороженный античностью, которую он знал только в замечательных переводах советской переводческой школы (среди них его друг, «гениальный Симон Маркиш»), дитя города-острова, как его родной Петербург, но также и Венеция, которой он славил *acqua alta* и рыбные ряды (где мы с ним побывали вместе), обитатель Манхэттена, в котором он жил гражданином мира, посетитель Стокгольма, города Нобелевской премии, милого сердечному больному своей постоянной свежестью, — Бродский, как он пишет в

Колыбельной Трескового Мыса, «махнулся империей», но еще, вдобавок к этому, преступил все культурные рубежи нашей истории, был дерзким нарушителем границ, прирожденным бродягой, в узелке которого лежали русский язык, цепкая кириллица и горстка почитаемых им английских поэтов: Оден, Элиот, и еще Орвелл, этот знаток тиранологии.

После того, как его выслали, Бродский, по слову Китса, очутился «еще дальше в человечестве». Изгнание, это особое метафизическое состояние, вынесло его на свободу, как монгольфьер. Но у монгольфьера было непреодолимое свойство искать те воздушные пути, что вынесут к речному устью, где император положил основу русскому флоту и прекрасной русской классике.

Бродского считали величайшим из живущих поэтов. По какому-то упорству и многообразным сложным причинам, он в Россию не возвращался. Но книги его стали выходить одна за другой, читатель настаивал, и поэт вдохнул, и еще долго будет вдыхать, новый воздух в легкие русской поэзии. *Остановка в пустыне*, *Конец прекрасной эпохи*, *Часть речи*, *Римские элегии*, *Новые Стансы Августе*, небольшие пьесы для театра, как, например, *Мрамор*, аллегория из римской жизни, в которой Тиберий переносится в эпоху кибернетики, англоязычные эссе, толстый второй том которых вышел в Нью-Йорке: эта краткая и блестящая череда поэтических свершений составляет путь к «*post aetatem nostram*», к посмертному, в которое он теперь вступил.

Поэт-диссидент, да, но не только советский, — диссидент времени, диссидент насилия. Бродский, со своей смесью жаргонных словечек и изысканности, со своим переносом строки, в который опрокидывался мир, со своим *salto mortale* китайского канатоходца, замысловатой эротикой, был великим поэтом барокко, более в борьбе с метрономом Хроноса, сына Урании, нежели с Клио, юной музой истории. Последнее изгнание Бродского началось, и мы видим, что он творил свою смерть, как вторую Флоренцию, и все пространство,

отвердевшее в его стихах, стало надгробием, которое он
одновременно созидает и рушит:

Быть и причиной и следствием! чтобы,
[N лет спустя,
отказаться от памяти в пользу
[жертв катастрофы.

(«Из Парменида»)

Жорж НИВА
Женева

Шарль ПЕГИ

ВРАТА, ВВОДЯЩИЕ В ТАИНСТВО ВТОРОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ

(отрывок)

Это от нас Бог ожидает
свершения или крушения одной из Своих надежд.

Ужасающая любовь, ужасающая милость,
Ужасающая надежда, ответственность, ужаснее которой
ничего и не сыщешь:

Создатель зависим от Своего создания, Он поставил
Себя в зависимость от Своего создания.

Он не может ничего сделать без его согласия.

Это монарх, отдавший в руки каждого из своих под-
данных

Верховнейшую Свою власть.

Бог зависим от нас, Бог зависим от Своего создания.
Он словно бы осудил Себя на это, приговорил Себя к
этому.

Его подводим мы, Его подводят Его же создания.

Тот, Кто есть всё, зависит от того, кто — ничто.

Тот, Кто может всё, зависит от того, кто ничего не
может.

Он передал Свои полномочия.

Тот, Кто есть всё, — ничто без того, кто — ничто.

Тот, Кто может всё, — не может ничего без того, кто
ничего не может.

А потому девочка Надежда
Воспринимает, возрождает,
Восстанавливает все таинства,
Как она же восстанавливает все добродетели.

Мы можем подвести Его.
Не ответить на Его призыв.

Не ответить на Его надежду. Быть прорехой. Быть недостаечей. Не явиться.
Ужасающая возможность.
Из-за нас расчеты Бога могут не сойтись.
Предуготовления, предвидения, предвидения Бога
Могут не сойтись из-за нас,
По вине грешного человека.
Из-за нас умыслы Бога могут не сбыться.
Из-за нас Премудрость Бога может потерпеть неудачу.
О, эта ужасающая свобода человека.
Мы можем сделать, чтобы все пропало.
Мы можем оказаться в нетях.
Не быть на месте в день, когда Он нас призовет.
Мы можем не отозваться на Его призыв
(Кроме Судного Дня.)
Ужасающая привилегия.
Мы можем подвести Бога.
Вот в какое положение Он Сам поставил Себя.
В какое тяжкое положение.
Он Сам обрек Себя на то, чтобы нуждаться в нас.
Какая неосторожность. Какая доверчивость.
Оправданная, неоправданная, — это зависит от нас.
Какая надежда, какая горячность, какая пристрастность,
какая неисправимая сила надежды.
Надежды на нас.
Какое отречение от Себя, от Своей власти.
Какая неосторожность.
Какая непредусмотрительность, какая неосмотрительность,
Какая непромыслительность промысла Божия.
Мы можем погрешить.
Мы можем согрешить.
Мы можем вызвать погрешность.

Ужасная привилегия, ужасный дар.
Сотворивший всё обращается к тому, кто не может сотворить ничего.
Сотворивший всё нуждается в том, кто не может сотворить ничего.

И как мы трезвоним во все колокола на нашу Пасху,
Во всю мочь всех колоколов,
В наших бедных, в наших торжествующих храмах,
Под солнцем, под ясным небом пасхального дня,
Так Бог звонит во все колокола в честь вечной Пасхи
Ради каждой души, обретшей спасение.
И Он говорит: «Подумать только, Я не ошибся.
Я недаром поверил в этого малого.
Это был хороший человек. Хорошей породы.
Сын хорошей матери. Это был француз.
Я недаром оказал ему Мое доверие.
А теперь Мы с ним отпразднуем наш воскресный день,
Наш славный воскресный день, пасхальное воскресенье,
И пасхальный понедельник,
И даже пасхальный вторник, который тоже — день
 праздничный,
До того велик праздник».
(Это праздничный день Св. Лупа.)
Ведь и у Бога в небесах тоже есть свои воскресные дни.
Свои пасхальные воскресенья.
И даже свои колокола, уж если Он так пожелает.

А в чем там еще дело с этими десятью драхмами?
Это все равно, что сказать : десять парижских ливров.
Что там за история с десятью драхмами?
Что это за драхма, равноценная девяти остальным?
Ну и чудной счет — всё одно, что сказать: один парижский ливр стоит девять остальных парижских ливров.
Девять таких же. Ну и чудная арифметика.
И всё же, дитя мое, именно так ведутся расчеты Божьи.

Именно так велись, дитя моё, расчеты Иисуса. Этого нет
возможности отрицать. Нет никакого сомнения,
что в небесах — две разных породы святых.
Два разных вида святых.
(Какая радость, что они мирно уживаются вместе.)
Это как солдаты короля и военачальники короля —

Одни одной, другие другой породы, но все — французы,
И вместе они составляют одно войско.

И они все — солдаты короля, королевского войска, и его
военачальники.

Но родом-то они кто из этой, а кто из той местности.
Или из пограничного округа. Одни отсюда, другие
оттуда.

Из края по ту сторону Луары или по сю сторону Луары.
Так же (и по-другому!) есть — отважмся выговорить
это слово — в небесах есть две породы святых.

Две породы по мирскому счету.

Два вида святых.

Конечно, все на свете — грешники. Всякий человек —
грешник. И всё же есть две великие породы, два
воинских набора.

Есть двойной воинский набор святых, пребывающих в
небесах.

Есть такие, которые приходят, которые происходят из
числа праведников.

И есть такие, которые происходят из числа грешников.

И очень, очень трудно,

Более того, невозможно для человека —

Распознать, какие святые более велики.

Они так велики — и те, и другие.

Есть два происхождения — но при этом все они в небе-
сах святые. На равной ноге. Святые Божьи.

Есть два происхождения — из числа праведников и из
числа грешников.

Те, за которых никогда не приходилось всерьез трево-
житься,

И те, за которых нужно было тревожиться

Смертельной тревогой.

Те, что не рисковали надеждой, и те, что рисковали.

Те, за которых никогда не случалось всерьез страшить-
ся, всерьез опасаться, — и те, которые внушали
такое отчаяние, что Боже сохрани!

За которых шла страшная борьба.

Те, о ком никто не говорил худого слова,

И те, о ком говорились

Слова роковые.

Есть два разряда, есть два происхождения, есть две
породы святых в небесах.

Святые Божьи выходят из двух разных школ.

Из школы праведника и из школы грешника.

Из ненадежной школы греха.

По счастью, учитель и в той, и в другой школе один:
Бог.

Одни приходят из числа праведников, другие приходят
из числа грешников.

И те, и другие бывают уважены.

По счастью, на небесах нет распри о первенстве.

Напротив.

Ибо там есть Общение Святых.

По счастью, одни не имеют никакого спора о первенстве
с другими.

Напротив, они все вместе связаны между собой,
как пальцы одной руки.

Ибо все вместе они проводят всё свое время, весь свой
святой день, в том, чтобы поддерживать одни
других в заговоре против Бога.

Перед лицом Бога.

Дабы от шагов Справедливости

Ни на шаг не отставали шаги Милосердия.

Они причиняют насилие Богу. Как хорошие воины, они
бьются плечом к плечу,

— Воюют они против Справедливости,

Напрягая все силы, —

Ради спасения душ, обретающихся в опасности.

Они славно бьются. В порыве, в восторге надежды,

Не отступая перед Богом.

(Но и то сказать, у них есть помощь, и подмога, и
высокое покровительство.

Какой Покровитель, дети, и какая Покровительница!

Какой заговор превыше них, покрывающий их великий
заговор,

Пособляющий их великому заговору!

Какая Предстательница пред Богом!

(Advocata nostra).

Ибо наши покровители и наши святые, наши святые
покровители

Сами имеют Покровителя и Покровительницу,

Что настолько же

— Нет, семидесятикратно более! — превышает их, как
они сами превышают нас.

Что для них являют Себя тем же, чем они являют себя
для нас, и семидесятикратно большим, чем они
являют себя для нас.

Таково безумие надежды.

И вот они, покрываемые и ободряемые этим высоким
заговором,

Покровительством этого высокого заговора,

Всецело вскормленные надеждой, они славно бьются,
как хорошие воины,

Они дерутся плечом к плечу, они стоят стеной плечом
к плечу.

Невообразимо, чего они только не делают, до чего
только не додумываются

Ради спасения душ, подвергающихся опасности.

Лоскут за лоскутом они исторгают

Из царства растления

Гибнущую душу.

Ибо Бог не пожелал,

Ему не было благоугодно,

Чтобы в концерте звучал один только голос.

Не так соизволилось Его премудрости

И Его благоволению.

Он не пожелал, чтобы один только голос,

Один только хор

Славил Его

И причинял Ему насилие.

Нет, как в деревенском храме звучат разные голоса,

Которые славят Бога,

Например, голоса мужчин и женщин,

Или еще голоса взрослых и детей,

Так и в небесах угодно было Его премудрости

И Его благоволению,

Чтобы Его славили, Его хвалили, причиняли Ему наси-
лие два разных голоса.

Два разных языка, два разных хора.

Праведники былых времен и грешники былых времен.

Дабы шаг за шагом Правосудие отступало

Перед натиском Милосердия.

И чтобы Милосердие шло на штурм.

И чтобы Милосердие одолевало.

Потому что будь на свете одно только Правосудие, не
вяжись в спор Милосердие,

Кто был бы спасен?

Какая женщина, имея десять драхм,

— Это тоже из Евангелия от Луки, дитя моё, —

Если потеряет одну драхму,

Одну, только одну,

Не зажжет свечи,

И не станет мести комнату

И разыскивать со тщанием,

Пока не найдет?

А когда найдет,

Созовет поруг и соседа,

— В этих притчах всегда созывают друзей и соседей, —

И скажет:

«Порадуйтесь со мною,

Ибо я нашла потерянную драхму».

Так, говорю вам,

Бывает радость у Ангелов Божиих

И об одном грешнике кающемся.

Был великий крестный ход, и во главе его шествовали
три Притчи :

повесть о потерянной овце;
повесть о потерянной драхме;
повесть о потерянном сыне.

Но поскольку сын дороже, чем овца,
И бесконечно дороже, чем драхма,
Поскольку сын дороже для сердца своего отца,
— Который в то же время, который от начала, который
изначально есть также и пастырь для своего
сына, —

Чем даже и овца может быть дорога для сердца
(доброе) пастыря,
Постольку третья Притча,
Постольку Притча о потерянном сыне
Еще прекраснее, если это возможно, и еще дороже,
И еще более велика, чем обе предшествующие Притчи:
Чем повесть о потерянной овце
И чем повесть о потерянной драхме.

Все притчи прекрасны, дитя мое, все притчи велики,
все притчи дороги.

Все притчи суть слово и, более того, Слово;
слово Божье, слово Иисусово.

Они все в равной степени, они все в совокупности
составляют

слово Божье, слово Иисусово.

На равной ноге.

(Бог поставил Себя в такое положение, дитя мое,

В такое тяжкое положение,

Что Он нуждается в нас.)

Все притчи в равной мере идут от сердца, все идут к
сердцу,

Говорят к сердцу.

Но между всеми притчами три Притчи надежды

Имеют преимущество,

Между всеми притчами они более других велики и
верны, более других умирительны и любвеобиль-
ны, более других прекрасны, более других
дороги и близки сердцу.

Между всеми притчами они более других близки чело-
веческому сердцу, более других дороги человече-
скому сердцу.

Им дано особое место, даже и не скажешь, какое.

В них есть, пожалуй, что-то особое, даже и не скажешь,
что, чего нет в других.

Дело в том, пожалуй, что они имеют свойство словно бы
некоей молодости, словно бы некоего детства,
которого не примечают.

О котором не подозревают.

Между всеми притчами они моложе других, свежее
других, более других сохраняют в себе нерастра-
ченное детство.

Нестареющее детство.

Нерастроченное, неиссякающее.

Вот уже тринадцать и вот уже четырнадцать столетий,
что они несут свое служение, и через две тысячи
лет, и во веки веков они будут юны, как в первый
день.

Свежие, невинные, не испорченные опытом,

Не утратившие детства, как в первый день.

И вот уже тринадцать столетий, с той поры, как суще-
ствуют на свете христиане, вот уже четырнадцать
столетий,

Этим трем притчам — да простит нас Господь! —

Принадлежит в нашем сердце потаенное место.

Да простит нас Господь; пока будут на свете христиане,

Иначе говоря, до конца времен и во веки веков,

Будет для этих трех притчей

Потаенное место в нашем сердце.

И все три — это притчи надежды.

Все вместе.

В равной мере юные, в равной мере дорогие.

Равные между собой.

Сестры друг другу, как совсем юные дети.

В равной мере любимые, в равной мере потаенные.

Любимые потаенной любовью. Любимые равной
любовью.

И в сравнении со всеми другими как бы более
внутренние.
Как бы отвечающие на более глубокий внутренний зов.
Но между всеми, между всеми тремя преимущество
имеет третья притча.
И она-то, дитя мое, эта третья притча надежды, —
Она не просто новая, словно в первый день.
Как обе другие,
Ее сестры.
Она не только во веки веков пребудет новой,
Такой же новой до последнего дня.
Но вот уже четырнадцать столетий, вот уже два тыся-
челетия как она совершает своё служение,
Как ее рассказывают неисчислимым слушателям,
— После того, как она была рассказана в первый раз, —
Как ее рассказывают неисчислимым христианам;
И вот, нужно иметь, мягко говоря, сердце из камня,
Чтобы слушать ее и не расплакаться.
Вот уже четырнадцать столетий, вот уже два тысячеле-
тия, как она заставляет плакать неисчислимых
слушателей.
В роды и роды.
Неисчислимых христиан.
Она задела в сердце человеческом особое место, сокро-
венное место, тайное место.
— (Она задела за живое.)
— Место, недоступное для всех других.
Даже и не скажешь, какое место: самое внутреннее,
самое глубокое.
Неисчислимые слушатели, с тех пор, как она совершает
свое служение, неисчислимые христиане плакали
над ней.
(Иначе нужно иметь, мягко говоря, сердце из камня.)
Плакали над ней.
И будут плакать во веки веков.
Достаточно подумать о ней, достаточно, если кто в
силах, поглядеть на нее.
Разве можно удержать слёзы.

Во веки, в вечности люди будут плакать над ней, из-за
нее,
Верующие, неверующие.
В вечности, до Судного Дня.
Даже в Судный День. Даже на Суде. Так,
Это слово Иисуса попадает в самую отдаленную цель,
мое дитя.
Оно оказалось самым успешным
Во времени и в вечности.
Оно пробудило в сердце
Даже и не скажешь, какой ответ.
Не сравнимый ни с чем.
Оно славится даже у нечестивцев.
Даже там оно нашло для себя вход.
Может быть, оно одно остается утвержденным в сердце
нечестивца,
Как острие нежности.
И еще Он сказал: у некоторого человека было два сына.
Даже для того, кто слышит это в сотый раз,
Всё словно бы в первый раз.
Словно бы он слышит в первый раз.
У некоторого человека было два сына. Это слово прекрас-
но у Луки. Оно прекрасно везде.
Оно есть только у Луки, но оно везде.
Оно прекрасно на земле и на небе. Оно прекрасно
везде.
Стоит подумать о нем, и рыдание подступает к
гортани.
Это то среди слов Иисуса, которое порождает самый
сильный отзвук.
В мире.
Которое получает самый глубокий отголосок
В мире и в человеке.
В сердце человека.
В сердце верующего, в сердце неверующего.

(перевод Сергея Аверинцева)

СТИХИ ДЖОВАННИ ПАСКОЛИ

Поэзия Джованни Пасколи (1855-1912) — одна из крупнейших лапун в нашем знании об итальянской поэзии начала XX в. Не менее известный у себя на родине, чем его современник и идейный антагонист Габриэле Д'Аннунцио, он прошел почти незамеченным по страницам российских революционных журналов, где перед Первой мировой войной промелькнули пять-шесть его стихотворений в переводе ныне почти забытых популяризаторов зарубежной Музы (С. Астрова или Е. Студенской).

Четвертый сын в семье, Пасколи рано потерял мать. Небольшая стипендия позволила ему поступить в университет в Болонье, где в то время преподавал будущий нобелевский лауреат, трибун итальянского освобождения и филолог-эрудит Джозуэ Кардуччи. Несколько лет спустя, Пасколи сменил его на должности заведующего кафедрой литературы, а пока, в 1875 году, лишенный финансовой поддержки, он вынужден оставить университет из-за участия в студенческой демонстрации. Так начинается короткий «политический» период в жизни поэта. Он вступает в Интернационал, арестовывается за организацию беспорядков во время судебного процесса, попадает в тюрьму. В 1879 г. Пасколи оставляет свои радикальные взгляды и возвращается к академической карьере: заканчивает образование, преподает латынь, сначала в провинциальном лицее, а затем в различных университетах Италии — в Болонье, Мессине, Пизе. В те же годы начинает публиковать стихи — на итальянском и латыни. Последние приносят ему золотую медаль в Амстердаме. В 1891 г. он выпускает свой первый сборник «Тамариски» (*Muricae*), за которым следуют «Песни Кастельвеккьо» (*Canti di Castelvecchio*, 1903), «Застольные песни» (*Poemi conviviali*, 1904), «Оды и гимны» (*Odi e inni*, 1906), «Новые стихи» (*Nuovi poemi*, 1909) и многие другие. Пасколи — автор нескольких

прозаических произведений и трехтомного труда по текстологии «Божественной комедии». Не меньшую популярность поэту принесли его публикации в крупнейших литературных журналах эпохи — «*Convito*» (Пир) и «*Vita nuova*» (Новая жизнь), — в которых получила наилучшее выражение его спонтанная, интуитивная и, в целом, «антилитературная» поэзия.

Все переведенные стихи, кроме дважды напечатанного «*Fides*», публикуются на русском языке впервые.

ВОЛЫНКИ

Я, засыпая, песню услышал,
точно волынки плакали где-то.
Месяц на небо звездное вышел,
в праздничных окнах — отблески света.

Сходят волынки с темных предгорий,
не освещенных месяцем бледным,
входят на радость, входят на горе
в хижины к людям добрым и бедным.

Добрые люди встали с постели,
лампу под крышей спешно раздули, —
кто-то в потемках бродит без цели,
кто-то, зевая, дремлет на стуле.

Свет в каждом доме, свет над деревней, —
только с зарею окна погасли, —
мир осветился, юный и древний,
как в Вифлееме некогда — ясли!

Звезды застыли и не уходят,
видно, чего-то ждут в нетерпенье. —
Слышишь, волынки снова заводят
милое сердцу хриплое пенье.

Будят волынки церковь и келью,
в поле разносят голос домашний, —
плач материнский над колыбелью,
плач без причины, давний, всегдашний.

Плачут волынки, и до рассвета
звезды свечного пламени краше:
звездам понятно таинство это,
чуждое правде таинство наше.

Завтра придется думать о хлебе,
с сеном возиться, с печкой, с дровами, —
плачьте до звона в утреннем небе! —
сердцу поплакать радостно с вами.

С вами, волынки! — сердце о многом
плачет сегодня, плачет неволью,
и остается там, за порогом,
боль, от которой больше не больно.

Новую муку мы позабудем
перед рыданьем жалостным этим, —
людям несчастным, радостным людям
хочется плакать, плакать, как детям!

КОГДА-ТО

Когда-то — во сне, наяву? —
затеряна в памяти дата, —
любил я и ныне живу
любовью, мелькнувшей когда-то.

Счастливый, единственный год, —
о годы, изгнать не смогли вы
из десятилетий невзгод
тот год бесконечно-счастливый!

Я прежде не прожил ни дня
в такой безрассудной надежде,

о сердце, такого огня
не знал я ни после, ни прежде.

Минута из многих минут,
растаявшая почему-то, —
мне годы тебя не вернут,
рожденная счастьем минута.

СТАРИК

Кого он славит на горе?
Слова каких молений
возносит утренней заре,
склоняясь на колени?

Два легких облачка на миг
заря позолотила
над бездной, где седой старик
приветствует светило.

В руке зажал он черенок,
терзаемый ветрами,
земля покоится у ног —
алтарь в небесном храме.

Алтарь в пылающих свечах —
от гор до синей дали! —
Давно ли виноград зачах,
и рощи опадали?

В лазури тают облачка,
обрывки перламутра, —
увы, зима уже близка,
ненастным будет утро.

А он, лучам лицо открыв,
сжимает куст, как посох, —
у самых ног его обрыв
в сырых клоках белёсых.

А он сажает деревцо,
он счастлив, он не слышит,
как вьюгами ему в лицо
туман осенний дышит,

как подступают холода,
как тяжелеют тучи,
он верит : пролетят года,
и дуб его могучий

поднимется на крутизне
во всем своем величье,
и зелень веток по весне
облепят гнезда птичьи!

ЛЕС

Старинный лес, прибежище грибов,
здесь ночь, здесь земляничная прохлада,
здесь в полумраке верещит цикада,
и стонут сучья колдовских дубов.

Здесь фавны космами рогатых лбов
шумят в листве, и от чужого взгляда
бежит златоволосая дриада,
мелькая среди солнечных столбов.

В густой тени — внезапных бликов пятна
(как поцелуй небес), и непонятно,
зачем следить дриаде за тобой?

Исчезла вновь... а чаща жизнью дышит,
качается барвинок голубой
и ветками акация колышет.

ПРАЧКИ

Уж скоро год, как пахарь утром хмурым
распряг быков и плуг оставил старый
ржаветь под изморосью в поле буром.

С протоки, где белье полощут прачки,
размеренные слышатся удары,
протяжно, жалобно поют батрачки:

«В саду деревья облетели снова,
вздыхает ветер — плачу поневоле!
Зачем ушел ты из села родного?
Я без тебя, как плуг, забытый в поле».

FIDES

Вечерняя заря блеснула ало
на золотом от солнца кипарисе,
и маленькому сыну мать сказала :
«Из золота сады в небесной выси!»
Всю ночь ребенку снятся золотые
деревья — золотые-золотые,
а кипарис во мраке черном тонет
и под безжалостною бурей стонет.

НИЩИЙ

Над тихой озерной водой,
придавленной сизою мглою,
старик примостился седой
с иглою
и ниткой суровой.
Он шьет, а над лесом впотьмах
разбуженный ухает филин,
и крыльев зловецкий размах
всесилен
над бездной багровой.
Он шьет, а внизу пузыри
вонзаются в пальцы бескровно,
и рубище в блеске зари
полощется ровно.

На озеро дымка легла
и, тучам сырым уступая,

в воде надломилась игла
тупая,
и лопнула нитка.
И филин ночной в свой черед
заухал из темного бора,
и понял старик, что умрет,
что скоро
окончится пытка.
В игольное видит ушко
он солнце из смертной латуни
и шепчет: «Уйду я легко,
спасибо Фортуне!»

Меня в этот мир, в глубину,
ты бросила, мачеха злая,
так гальку бросает в волну,
играя,
мальчишка беспечный.
Смеялась ты, жизнь мне даря
и руку — с Христовым распятым,
и голос, вызывающий зря
к собратьям,
и путь бесконечный.
Ты сердцу, что рвется вперед,
надежду дала поначалу —
с тех пор оно лодкой плывет,
прибитой к причалу.

А ветер был неудержим,
гоня листву по дорогам,
меня приводил он к чужим
порогам,
где, чуткие к стуку,
собаки, не веря замкам,
на гостя бросались, залаая, —
напрасно тянул я к рукам
хозяев
такую же руку...
Конца я достиг — так прибой

в объятьях гранитного ложа
гробницей лежит голубой,
что с люлькою схожа.

Фортуне мой лик незнаком,
но с хриплым от жадности плачем
сжигать не хочу я зрачком
незрячим
бескровные веки.
Была моя жизнь не сладка,
но вкуса не знал я иного
и не пожалел, что глотка
хмельного
не выпью вовеки.
От жёлчи пьянеть — мой удел,
спасибо за легкую ношу! —
Того, чем, живя, не владел,
я в мире не брошу.

Подачек с чужого стола
не ждал я в компании нищей,
и нет у меня ни угла,
ни пищи,
ни теплой одежды.
Но смерть я не встречу, как трус,
впервые за жизнь не заплачу :
набивший оскомину вкус
я спрячу
за плотные вежды.
В конце отгоревшего дня
твержу я, бродяга пропащий :
«Светило мертво для меня —
что может быть слаще!

За то, что захлопнула дверь,
и холод, и голод даруя,
спасибо! — без страха теперь
умру я,
к несчастьям приучен.
На этот последний порог

взойду, не молясь и не каюсь:
уставший от стольких дорог
спускаюсь,
стыдом не измучен.
Спускаюсь в могильную тишь
к таким же голодным и сырым :
ты пасынка, знаю, простишь,
почившего с миром».

Над озером горным закат
сменяется светом белесым,
и тягостен стрекот цикад
над плесом,
где волны колышут
лохмотьев бесформенный ком.
Упруга от лунного блеска
вода над седым стариком,
но плеска
он больше не слышит.
Он замер, в мечтах ни о чем
закрыв равнодушные веки,
качаемый лунным лучом,
уснувший навеки.

(перевел с итальянского Роман Дубровин)

ПИСЬМА Т.И. МАНУХИНОЙ К ВЕРЕ НИКОЛАЕВНЕ БУНИНОЙ

(Публикация Т. Пахмусс)

Татьяна Ивановна Манухина (урожденная Крундышева, 1885-1962), жена широко известного еще до революции врача Ивана Ивановича Манухина, закончила Педагогический институт в Петербурге. В течение нескольких лет работала в Париже под руководством профессора Durkheim'a в области социологии и первобытных религий. В качестве журналиста, уже в эмиграции, принимала участие в экуменических конференциях в Лозанне (1927) и Эдинбурге (1937). Была одним из близких друзей Зинаиды Гиппиус, которая делилась с ней своими самыми сокровенными мыслями. Познакомились они еще до революции 1917 г. в Петербурге, где жили в одном доме на Сергиевской улице. В 1933 г. в Париже вышел роман Манухиной Отечество под псевдонимом «Т. Таманин».

Вторая ее книга, Святая блаженная княгиня Анна Кашинская, появилась в 1954 г. Ею были также написаны статьи о матери Марии, Горьком, Замятине и др. С 1935 по 1940 она редактировала книгу воспоминаний митрополита Евлогия, Путь моей жизни, вышедшую уже после его смерти (1947).

Манухина принимала живое участие в различных эмигрантских благотворительных и церковных организациях. До конца жизни она с мужем неукоснительно посещала богослужения, каждое воскресенье причащаясь в нижнем храме парижского Александро-Невского собора.

Из переписки Манухиной с Верой Буниной мы узнаем об их совместном чтении духовных книг, в частности, о католических и русских святых; о многих ярких представителях эмиграции: Илье Бунакове-Фондаминском и его жене Амалии, о Зинаиде Гиппиус, о матери Марии и основанной ею общине «миссионерской, просветительной, действующей пером, словом и делом», об историке и богослове Мирре

Лот-Бородиной, об Игоре Платоновиче Демидове и его работе в «Последних Новостях», о Ремизове, о «Клозонских сестрах», Лопатиной и ее подруге, на свои средства создавших в Клозоне, на юге Франции, санаторий для больных детей. Интерес Манухиной к «Клозонским сестрам» объясняется духовными исканиями Лопатиной и Еремеевой и их жертвенной деятельностью в эмиграции.

Письма Манухиной проливают свет на яркую личность писательницы, ее участливость к близким ей по духу людям, желание всем помочь, беспокойство по поводу трудной жизни русских в эмиграции; и ее беззаветную любовь к России — «без большевиков».¹ Они свидетельствуют и о ее широкой религиозной культуре.

Письма Манухиной были мне любезно предоставлены Dr. M.E. Greene, Edinburgh, England, за что я приношу ей глубокую благодарность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. о Манухиной в публикациях Т. Пахмусс, *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondance of Zinaida Hippus* (1972), *Новый журнал* (№ 92, 1968), «З. Гиппиус — Дневник 1933 г.» и «A Literary Quartet: Zinaida Hippus versus Tatjana Manuxina», *The Estonian Learned Society in America Yearbook IV; 1964-1967* (1967).

Paris
16.IV.32

Дорогая Вера Николаевна!

Очень Вы меня обрадовали тем, что книги Вам понравились! Признаюсь, сомнения у меня почти не было, что понравятся. Простите, что не писала так долго. Хотелось поговорить с Вами о книгах, которые Вам понравились. Мне всегда казалось, что именно такой литературы нам и не хватает. Монашеская, специальная («Добротолубие» и т.д.) — далека и нам непопутна, хотя, конечно, и в ней много назидательного. Мысль о переводах католических книг для православной интеллигенции была

еще в 80-ых годах у еп. Феофана Затворника. В одном из его бесчисленных писем я нашла примечательные строки (Письма к Лукомской):

«Что Вам пр[еподобный] Серафим говорил об употреблении во благо Вашего знания французского языка, то надо исполнить. ...Для перевода с французского надо взять *Руководство к христианской жизни* Франциска де Саля. У меня есть она... При ней приложено множество писем, преимущественно в утешение и предостережение мирянам... Эти письма могут составить особый том, а руководство — особо...» И еще в другом письме: «Сделайте извлечение из его (Фр. де Саля) жизнеописания, самое краткое — в 10 строк ... ну, страничку одну, печатную... сказав самое нужное, затем — развязка и так далее... Никакой нет нужды строго держаться буквы. Так переведите, как бы речь шла от вас, из вашего сердца... гладко, ясно, плавно, тепло... Инде можно прибавить что, инде сократить, инде изменить. В виду иметь назидание и удобоприменимость к жизни...»

Речь идет об «Introduction à la vie dévote» Sale'я, о классическом настольном руководстве всякой католички. (Эта книга у меня есть, но, по-моему, она сейчас не ко времени.) Но примечательно самое желание еп. Феофана иметь перевод Саля.

В эмиграции Вы и я не исключение, многие читают — и с тем же удовлетворением — те же католические книги. Почему? Да потому, что ни патристика, ни отцы-пустынники, ни модный *Путь*,¹ ни *Сергиевские листки*² нам не по мерке. В этой же биографической литературе мы соприкасаемся с инославной святостью, с живыми душами и воспринимаем их, как просвещающее нас и восхищающее новое «знакомство» — именно этого и хочется. Повторяю, я очень рада, что мы с Вами в этом созвучны и — кто знает? — быть может, нам суждено попытаться стать и сорботниками?..

Мне кажется, еп. Феофан прав: перевод таких книг не техническая, литературная работа, а религиозный труд, потому что надо переводить для русского читателя, имея в виду его косно-православную неприязнь к католиче-

ству. Надо пробиться через всю клерикальную скорлупу к живому ядру — католической мистике, столь своеобразной, неповторимой, огненной и, скажу откровенно, нашей тихой, светлой православной святости — страшной... Одна жажда страданий чего стоит!

На этих днях я Вам вышлю: 1) Elisabeth Leseur,³ *Lettre sur la souffrance*. (Она умерла [в] 1914 г.). После Leseur остались дневник и письма, много писем. К сожалению, у меня только эти, а дневника нет. 2) Cornelia Connely, *Fondatrice de la Société de Holy Child Jesus* (умерла [в] 1879). Американка. Очень интересная и драматическая судьба. Наконец, 3) *Femmes héroïques*. Серые сестры, миссионерка в полярных странах. Книга плохо написана, но содержание увлекательное, что-то из Майн-Рида.

Очень буду рада, если и эти книги Вас увлекут! А как Вам понравилась Ste Thérèse?⁵ Если бы Вы ей заинтересовались, то это чтение на целую зиму: 5 томов сочинений и 3 тома писем!

Вот, кажется, и все о книжных страстях, а теперь — о другом. Как жаль, что Вам не уехать никуда на лето! Но, может быть, в тишине Грасса этим летом Вы и начнете что-нибудь писать, пользуясь прочитанными книгами?

Спасибо за сведения об Екатерине Михайловне.⁶ Напишу ей из Швейцарии. (Мы уедем около 25-го). Мы долго с ней не видались, пожалуй, года четыре, и это сказалось на внешней стороне отношений. Я знаю и узнаю о ней все, что только возможно узнать, но пишу редко, думаю же о ней всегда со светлым чувством и жалею, что судьба нас не сводит для общего дела.

А теперь — целую Вас, дорогая Вера Николаевна, и прошу, если будет время и желание, напишите мне. Я пришлю Вам наш швейцарский адрес, а можно писать и на Париж — перешлют.

Привет Ивана Ивановича,⁷ Верочки и мой — дорогому Ивану Алексеевичу. Как здоровье Вашего больного? Желаю Вам приятного, плодотворного лета.

Душевно Ваша
Татьяна М.

P.S. Книги получила, благодарю за столь непривычно поспешный возврат. Обычно мои читатели читают их так долго, что я забываю, у кого какая книга.

P.P.S. О русской женской святости — в следующем письме. Пожалуйста, не возвращайте мне книг раньше сентября.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Путь — орган русской религиозной мысли (Париж, 1925–1940, № 1-61).

² Сергиевские листки — тетради, издававшиеся студентами Сергиева Подворья.

³ Leseur Elisabeth (1866–1914). См. о ней: M.L. Herking, *Elisabeth Leseur nous parle*, (Paris, 1955).

⁴ Мать Корнелия Коннелли (1809–1879), основательница Общества Святого Младенца Иисуса. Перешла в католичество в 1836 г.

⁵ Св. Тереза Авильская. О ней см.: Д.С. Мережковский. «Испанские мистики». Под ред. и со вступ. статьей Темиры Пахмусс (Брюссель, Жизнь с Богом, 1988).

⁶ Екатерина Михайловна Лопатина (1865–1935), сестра философа Л. Лопатина, писательница, близкий друг З.Н. Гиппиус еще со времен Петербурга. Вместе с Ольгой Александровной Еремеевой, Лопатина создала на юге Франции, на свои собственные средства, санаторий для больных детей, которых Лопатина и Еремеева сами обслуживали. Гиппиус, Манухина и Бунина называли их «Клозонскими сестрами» и часто их посещали.

⁷ Иван Иванович — здесь и дальше: Манухин, известный врач, муж Т.И. Манухиной.

Pontresina
26.VII.32

Дорогая Вера Николаевна!

По получении Вашего письма принялась расспрашивать Ивана Ивановича о Вашем здоровье. Вы указали

лекарства доктора Мака, и мне хотелось узнать, хорошо ли он Вам прописал.

(Право, тут менее недоверия к доктору Мака, чем желанья убедиться, что средство радикальное). К сожалению, Иван Иванович никогда Вас не выслушивал и высказать свое мнение не решился. Как жаль, что Иван Алексеевич и Вы заболели! Я поняла, что Ивану Алексеевичу лучше, и у Вас самое худшее состояние, слава Богу, позади. Хорошо еще, что на ночь, говорят, нет сейчас жары. Мне кажется, в жару переносить недомогание очень тяжело. Если бы Вы жили в Париже, Иван Иванович со всей заботливостью Вас всех бы полечил. (Если бы Вы хотели...)

Ваши письма и мне — утешение, милая Вера Николаевна. Не так часто случалось мне встречать за эти годы людей, которые с такой живостью откликнулись на самое в жизни важное. Обычно — прочтут: «Да, интересно...» — и все. Чувствуешь, что в душу ничего не запало — едва ее коснулось. Вы так верно: «что по сравнению с прочитанным все перелеты через океан...»

Как странно! Из всех биографий Вы выбрали *Julienne de Norwich*, а я ее сейчас в Понтрезине вновь перечитываю (в который раз за эти три года!) — и с тем же все восхищением. Ее книга названа: *Révélations de l'Amour divin à Julienne de Norwich recluse du XIV siècle*. Сегодня я прочитала последнюю страницу и на днях отошлю книгу Вам. Это одна из самых светлых книг, которые я когда-либо читала, именно «светлая книга», иначе я не могу определить ее тонкую, ясную прелесть. Жюльене открылось что-то глубокое о тайне любви Божией к нам, о той любви, которая не то, что прощает нам все наши грехи, ошибки, слабости, но которая все преображает, все исправляет, все возвращает к совершенному первообразу — творит добро из зла. Это книга утешения, и не сентиментального утешения, а богословского.

Не знаю, с какой стороны она воздействует на Вас, — мне она открыла смысл надежды, эту таинственную силу души, которую я долго понять не могла.

К сожалению, книга моя вся испачкана, и начеркали там достаточно и Зина,¹ и я, когда читали. Мы очень ею увлекались, а разузнала я о ее существовании необыкновенным путем — через мою модистку (!). Вот уж никогда не знаешь, откуда засияет свет! Позвольте мне поделиться своим опытом. Эта книга довольно трудная, и я ее поняла только тогда по-настоящему, когда дала себе труд ее прочитать очень медленно (по 5-6 страниц в день). Написана она необычайно просто, ясно, с какой-то детской непосредственностью, но суть ее так глубока, что иначе ее я никак вместить не могла, да и польза совсем иная, когда над всякой фразой пораздумать. (Как бы пережить.)

Если бы Илья Исидорович² мог бы нам помочь в ИМКА! К сожалению, мне думается, надежд мало, потому что ИМКА³ ведет линию практического христианства с его социальными и экономическими задачами, поощряет религиозно-философские работы православных наших мыслителей, не прочь печатать биографии наших святых (и то в меру), а католиков? Не захочет, пожалуй.

Carmel Vaussard' а я читала. Есть у меня из того же круга *Les ordres monastiques — Les Clarisses*. К сожалению, книгу с апреля держит мать Мария (Скобцова)⁴ и я не смогу ее достать раньше встречи с ней. (Это на тот случай, если бы Вы хотели прочесть и о клариссах.)

Напишите мне, пожалуйста, как Вам понравилась святая Тереза Испанская. Мне это очень интересно знать. О соединении церковей я напишу в следующий раз. (Ваш вопрос...)

Сейчас уже поздно. Вся наша маленькая гостиница уже спит. Пора и мне.

Мы здесь до 2-3.VIII, отсюда дней на 12 — в Рагац. Близость к Италии спасает нас от непрерывных дождей. Нет-нет и солнце, хотя сплошных ясных дней тоже не видим. Третьего дня шел снег, настоящая русская метель. К сожалению, не очень долго, но запорошило все-таки до иллюзии зимы. К утру стаяло. Неустойчивая погода не дает нам храбрости ехать, куда собирались. Если

здесь пасмурно, там будем сидеть в облаках и дрожать от холода. Высота 2 500 метров — голые скалы, ни травинок, есть небольшое озеро, где еще в июне плавают льдинки, а снег лежит местами у самых железнодорожных рельсов. Сейчас просто холодная пустыня, вероятно, а если солнце, то оно, кажется, печет до пузырей.

Целую Вас, милая Вера Николаевна. Наш привет Ивану Алексеевичу. Обоим пожелания поскорее выздороветь! Буду ждать от Вас весточки. Если не удастся мне получить ответ в Понтрезине, буду надеяться, что получу в Рагаце. Адрес наш там: Park Hôtel Flora, Bad Ragaz, Suisse.

Ваша Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и дальше — Зинаида Николаевна Гиппиус. См. о ней: Temira Pachmuss, «Zinaida Hippus: An intellectual profile» (Carbondale: Southern Illinois University Press, 1971).

² Илья Исидорович Бунаков-Фондаминский (1880-1942), редактор журналов «Современные Записки» и «Новый Град». Близкий друг Мережковских. Арестованный 22 июня 1941 г., умер в Освенциме 19-го ноября 1942 г.

³ Издательство ИМКА-Пресс в Париже, в котором вышли все три книги Т. Манухиной.

⁴ Мать Мария Скобцова (1891-1945, погибла в Равенсбрюке).

Hôtel Steinbok
Pontresina
Engadine
Suisse
16.IV.32

Ваше письмо, дорогая Вера Николаевна, я читала на сундуке (пришло оно накануне нашего отъезда), и я очень была рада, что успела его получить.

Мне так приятно, что книги Вам нравятся, и Вы их воспринимаете так глубоко. Они, верно, какие-то взрывчатые, и после них — Вы это отмечаете — беллетристи-

ка, даже самая художественная, уже не влечет. Думаю, что причина тому красота самой действительности, которая сильнее всякого искусства. Очарование этих божественно прожитых жизней так велико! Это не красота, воплощенная в слове, а Красота, воплощенная в жизни. Вероятно, в этом вся неотразимость.

Я не помню, в последнюю нашу встречу, когда мы беседовали об Héléne Tauvé (миссионерке), рассказала ли я Вам про счастливую случайность — встречу с ее матерью. В одном католическом (миссионерском) собрании нас познакомили. Я сказала, что мы, эмигранты, с восхищением читаем письма ее дочери. Старушка была очень тронута, благодарила, а потом порылась в сумочке и вынула маленькую фотографию Héléne: «Вот вам, русским, на память от ее матери...» — и тут же с милой простотой: «Я буду молиться за бедную вашу родину, я обещаю вам...» Светлая, печальная, черноглазая старушка в вечном трауре, очень похожая на дочь. Такой и запомнилась мне. Во время беседы я сказала, что я не «catholique», а «orthodoxe grecque», но старушка это мимо ушей, точно единственно важно для нее наша любовь к Héléne и ее, матери, за нее благодарность, а остальное, разъединяющее, значения не имеет. В этой встрече было много поучительного для меня, православной, — поэтому я о ней и упоминаю. Она как-то связана с мечтами о переводах католических книг.

Вы тоже согласны со мною, что такие переводы нам всем на пользу. Я ссылалась на Феофана, чтобы уцепиться за ниточку церковной православной традиции. Самая идея ознакомления с благочестием католичества совсем нашей Церкви не чужда (Святой Дмитрий Ростовский¹ тоже тому пример). Но если за традицию не цепляться, то остается просто дерзать по убеждению, что во всех святых жизнях «Дух Истины». Вероисповедание отходит тут на второй план, подобно тому, как для оценки человека не важно, богато ли, бедно ли он одет — просто не об этом речь.

Вам понравилась Mère Churin. Мне, повторяю, кажется, что ее ангельская доброта, мудрая и кроткая, только

и имеет значение в ее биографии. История заставила ее изживать свой чудный Божий дар — доброту — в католической Церкви, но ведь суть не в вероисповедании, а в даре, в ней просиявшем.

Если Вы спросите меня: что переводить? Я отвечу: не знаю. Как издать? — Тоже не знаю. Я верю, что нужное и при беззаботности о нем не пропадет, а ненужное пропадет бесследно, как о нем ни пекись. Этим руководствуясь, тружусь над 2-ой половиной перевода автобиографии Терезы Испанской, предоставляя перевод его судьбе. И что можно было бы сейчас предвидеть, толково рассчитать, когда и наша-то судьба, не только судьба наших начинаний — чудо и полная непредусмотренность. Думаю, не только переводы, но также истолкования биографий таких лиц, как Mère Chupin, Hélène Tauvé, Madelene Lemerc, Foucauld... хорошо и вдохновенно написанные, вне вероисповедной предвзятости, лишь в радости узнавания святости и в чужом — есть живое дело православного просвещения данного времени... Может быть, эмиграция тоже и к тому призвана, чтобы «о чужом рассказывать по-своему»?

Как жаль, что газеты, вместо того, чтобы печатать длиннейшие фельетоны о Madame Дюбарри или о королеве Изабелле Арагонской, не дает (и думать нечего!) доступа [к] интересующим нас с Вами биографиям! Пршлым летом прорвался один Foucauld (Словцов² написал), но, кажется, без ведома редактора: начальству тема не понравилась потому, что «не в линии мирозерцания газеты...»

Не буду Вас, милая Вера Николаевна, утомлять длинным письмом. Хочу надеяться, что наши письменные беседы будут продолжаться. Буду очень рада, если напишете — опять поделитесь Вашими мыслями и впечатлениями.

Привет душевный Вам от Ивана Ивановича, от нас обоих — дорогому Ивану Алексеичу, а Вас я целую крепко.

Татьяна

P.S. Здесь мы до 1-3 августа на высоте 1850 м, но хотим на 3-4 дня подняться еще выше, к снегам (на 2300). Ивана Ивановича интересует, что с нами станется на такой высоте. Едем для опыта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Святитель Дмитрий Ростовский (1651-1709), проповедник, автор Житий святых (Четьи-Минеи).

² П. Словцов (псевдоним Николая Викторовича Калишевича, 1881-1941), журналист, сотрудник газеты «Последние новости» и альманаха «Временник» Общества друзей русской книги. Речь здесь, вероятно, идет о книге Рене де Базэн (René de Bazin), посвященной известному католическому подвижнику Шарлю де Фуко, убитому туарегами в 1914 г.

Понедельник
26.IX.32
Париж

Дорогая Вера Николаевна!

Простите меня великодушно: я очень перед Вами виновата! Не писала так давно — не ответила на Ваше милое письмо. И причин никаких не было, а так... день за днем, день за днем, и все время самое доброе намерение: «написать Вере Николаевне непременно...» А в результате, вот видите, что получилось!

Мне очень радостно, что Вы обрели в католической литературе потребную духовную пищу. Так было и со мной. Не знаю, чем и объяснить, что для некоторых душ именно такие книги источник воодушевления. Читайте их, милая, спокойно, не торопясь, во славу Божию, как Вы их и читаете... Так я поняла Ваши слова: «Радоваться нужно, что на земле высокая душа жила...»

Слышала, что в августе Иван Алексеич все еще не совсем хорошо себя чувствовал. Воображаю, как было всем вам тяжело в жару! Мы возвращались из Швейца-

рии в самый-то зной, и в вагоне, дорбгой, только и думали: доехать бы, вынести бы это пекло.

Как Ваши парижские планы? Переберетесь ли Вы с юга — или нет? Очень обрадовали бы Вы меня, если бы зимовать приехали сюда.

Читала Вашего Верхарна.¹ (Я ведь всегда все Ваше читаю с вниманием). Почему Вы так редко пишете в Последних Новостях?²

Что Вам рассказать интересного про Париж? Наверно, у Вас есть друзья-корреспонденты Ваши, которые лучше чем я осведомлены обо всем. В круге моей жизни проскакивает мало нового извне. Была на днях Скобцова (мать Мария). Она в полном воодушевлении! Задалась хорошей и мудрой целью — организовать общежитие для женской эмигрантской молодежи (студенток, служащих, работниц). Рассчитывает на самокупаемость предприятия и уже дом в Медоне, большой и удобный, присмотрела. Денег, конечно, — никаких! Но вера в предначертанье благого плана, в помощь Божию — большая. В основе учреждения — монастырская община, обслуживающая этот своеобразный home cooeratif. Эта община, по мысли матери Марии, — миссионерская, просветительная, действующая пером, словом и делом во всех эмигрантских рабочих центрах, где — это ей показал опыт ее последних лет — большая темнота, распушенность и одичание всяческого рода. Очень хорошее впечатление осталось у меня от этой монахини совсем нового духа и душевного стиля. Много в ней светлой ровной веселости, врожденной доброты (в такой доброте есть что-то стихийное) и при этом разумность, даже рассудительность и деловитость русской женщины-хозяйки.

Этим данным просто цены нет — так они редки в одном человеке, а для основательницы такого нужного и доброго дела нельзя было и придумать более подходящего человека.

Это все — объективно, а теперь — субъективно: православна она, на мой взгляд, до полной в православии замкнутости, до равнодушия (пожалуй, больше: до подозрительности) ко всему инославному.

Завершенный тип народницы-эсерки, вознесенный в план православной русской церковности. Это говорю не в суд и осуждение, а для ясности ее облика. Может быть, в узости и вся ее сила? Может быть, с «массой» эмигрантской другого языка не найти? А ведь дело она затеяла общественное, эмигрантское, рассчитанное на национально настроенную, православно-(церковно) воспитанную молодежь, не говоря уже о миссионерском воздействии на рабочие центры, где кабачок и храм — культурное средоточие для всего русского населения.

Пишу Вам о матери Марии так подробно, думая, что она, право, того стоит, чтобы о ней рассказать. Мы с ней целый вечер просидели, «пили чай и говорили о божественном...» Эту формулу «пить чай и говорить о божественном...» я заимствовала у Екатерины Михайловны; она мне очень нравилась, но Екатерина Михайловна еще прибавляла: «Какое это тонкое удовольствие!»

Милая Вера Николаевна, не огорчайтесь, что Вас православные не хотят и слушать, когда говорите о своем восхищении нашими инославными братьями-сестрами. Вселенское течение в христианстве требует и вселенской души человеческой, а такая душа образуется медленно, ай, как медленно... Тут даже знание языков играет большую роль, не говоря уже об истории и литературе разных народов.

Кончаю письмо и понесу его сейчас на почту, чтобы скорее долетело, а с ним вместе и мое раскаяние, что не ответила.

Целую Вас, милая, и приветствую Ивана Алексеевича с пожеланиями здоровья. Буду ждать письма с нетерпением.

Татьяна

P.S. Мережковские так-таки никуда и не смогли поехать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Верхарн, Эмиль (1855-1916), бельгийский поэт.

² «Последние новости» — русская газета в Париже (1920-1940).

Дорогая Вера Николаевна!

Спасибо за книги. Я их получила. Вероятно, они скоро уплывут к новым читателям. Если бы у меня была материальная возможность, с каким бы удовольствием я устроила «Летучую библиотеку» религиозных книг, наподобие католической «Bibliothèque des familles».

Очень рада, что *Julienne* у Вас и Вам по душе! Это так сближает людей, когда им дорого одно и то же. Постараюсь раздобыть Вам дневник *Madame Leseur* (или книжку о ней). При жизни ее судьба была довольно обыкновенна: семья, светская парижская жизнь, путешествия, несколько друзей, любящий ее, но духовно далекий муж (атеист), частые болезни... Ничего яркого. А после смерти точно восход солнца... Разбирая ее вещи, Monsieur Leseur напал на ее дневники — и все так переменялось! Сейчас он монах-доминиканец, исключительной силы проповедник (и адвокатское красноречие пригодились!), но его проповедь — об одном, всегда и всюду об одном: о душе «de ma chère Elizabeth» (так он ее именует в своих речах); об ее учении о страдании, о ее книгах, ее личности, о силе любви, которая преображает, одухотворяет любимого человека, чему свидетельство — он сам, его белая одежда доминиканца. (Он это подчеркивает.)

Волею судьбы мне посчастливилось, 2 года тому назад, присутствовать на его *conférence*. Странная у него внешность! Так легко его вообразить таким, каким он, верно, и был: самодовольный, величественный адвокат, катит, развалившись в лимузине с сигарой, после доброго завтрака у *Lagu*... Сейчас в нем что-то измученно-светлое, чуть трагическое... Кажется, этим он аудиторию и покоряет. (На его лекцию просто «ломались».) Тут не высокие слова о религии, а свидетельство собою. Какая это сила!

Вы верно пишете: вся эта святость — в наши дни. В удивительную эпоху мы живем и какая на нас ответственность!

Вот милая мать Мария по-своему эту ответственность поняла и понесла. Я очень в нее верю. И «чай с божественным» не ее, а мой стиль. Она вся сейчас — действие и решимость. И по дерзновению — плоды. Уже нанят маленький особняк (15 комнат) с садом на *avenue de Saxe*, в тихом тупичке, таком тихом, в таком глухом углу его, точно и не в Париже (хотя *avenue de Saxe* в приятном чопорном квартале в районе *Invalides—Ecole Militaire*). Бок-о-бок, с одной стороны — монастырь *кларисс*; с другой — чей-то сад. Особняк — бывшее общежитие для студенток (монахинь-августинок). Все произошло чудесно. И обретение этого помещения, и те свалившиеся с неба деньги на первый терм, без которых все бы сорвалось. Теперь нужно собрать тысячи 2-3 на обстановку — и общежитие готово. (300 frs. — дортуар-пансион. Где же — дешевле?) Пока что — в пустом нетопленном доме нет буквально ничего, даже газ еще не действует. Бедная мать Мария спит одна-одинешенька на полу под иконой Покрова; тут же в кучке ее *скарбишко*: книжки, стопочка бедного белья... На камине — хлеб в газете.

Дом отличный: чистый-чистый, всюду умывальники (*eau courante*), удобная ванна и... (не могу умолчать, это ужасно важно!) безукоризненные «ноль-нолики»... Сад очень маленький, со всех сторон закрытый — монастырский. В него глядит только статуя святой Клары (с соседней стены); ликующей францисканской бедности предстоит восхищаться русской нищетой... — «Только бы нам дома нашего не загадить, — деловито говорит мать Мария, — в такой чистоте *августинки* все оставили».

Да, только бы... Не очень-то мы, русские, понимаем, что иногда чистоплотность лишь простейшее материальное проявление духоносности. Ну, ничего, может быть, и с этим недостатком справимся.

На крыльце наша милая *fondatrice* вздыхает: «Все хорошо, да только в саду шоколадом пахнет...» (Где-то поблизости шоколадная фабрика.) Я ее утешаю:

— Истолкуем символически: *c'est l'odeur de la santeté*... — самый подходящий запах.

Сейчас мать Мария в поисках пожертвований. Думаю, что она преуспеет. Общежитие — потребность дня. Сколько переплачивают русские труженицы французским грязным маленьким hôte'l'ям... И дорого, и так одиноко...

В ядре — задумана монастырская община. Но от монахинь мать Мария требует сотрудничества и заработка. Пусть служит, кто может, на стороне или прирабатывает шитьем, вязаньем... Словом, чтобы на avenue de Saxe не смотрели как «на упоение в молитве». Сама она прирабатывает в *Последних Новостях* своими статьями... К ней, прослышав о ее затее, повлекся целый сонм старушек, но ей со «старушками» не по пути...

Однако я увлеклась. Уже время кончать, а то и письма нынче не отослать.

Буду ждать от Вас весточки. Я и читаю Вас, и пишу Вам всегда с радостью. Даже и отчета не могу себе дать, почему мне так приятна наша переписка. Только, я думаю, мы должны писать друг другу, не думая об эпистолярном искусстве. И Вы, и я знаем, что переписка (подлинная) — беседа двух людей о чем-то их интересующем, и чем беседа свободнее, чем больше уверенность в том, что ей нет и не будет оценки (никакой: ни хорошей, ни нехорошей) — тем она живее и душевнее. Бывают дни, когда пишется легко и как-то ловко (Вы это, наверно, тоже испытали?), а иногда мысли нечетки, слова неудачны... И все-таки дело не в этом, и забвение «литературности» придает письмам значительность простых и искренних слов. Будем писать так — хотите? Ничего нового, интересного о Париже рассказать Вам не могу. Все на своих местах, все за своим делом.

Передайте от нас с Иваном Ивановичем сердечный привет и лучшие пожелания Ивану Алексеевичу. Слава Богу, что самое мучительное в болезни миновало! Вас — целую.

Татьяна

Понедельник

7.XI.32

Париж

Дорогая Вера Николаевна!

Как странно! Вы писали мне в «Казанскую», а я Вам начала письмо в канун «Казанской», дописать его не успела — пришлось торопиться ко всенощной — хотела дописать на следующий день, но это был наш семейный праздник (серебряная наша свадьба), и не удалось мне дописать моего письма! Вчера и в субботу тоже была суета и гости. Так и добежало время до понедельника, а нынче Ваше милое письмецо! Почему-то все эти дни вспоминались Вы мне, и хотелось побеседовать. Может быть, и к лучшему, что письмо не дописалось, потому что я в нем излагала громоподобную весть о переходе «сестер» в Петелевскую¹ церковь, а Вы все уже это знаете, вероятно, лучше даже, чем я.

Зинаида Николаевна и я очень горюем о бедных сестрах. Тут какой-то тонкий соблазн неправдой, потому что все об англиканском кощунстве — неправда. Англиканская церковь включает в себя множество «церквей»: от «епископальной», совпадающей с «православием» почти до тожества, — до свободных всяких христианских общин протестантского уклона. Наша церковь уже давно, еще в конце XIX века, склонялась к соединению с англиканами, с ее «епископальной» ветвью. Это движение имеет свою долгую историю и завещано нам прошлым. Когда люди говорят о «кощунстве», надо их спросить, знают ли они, о какой англиканской церкви идет речь: о High Church или о Low Church или о Free Church или о Presbyterian Church... или еще о какой-нибудь Church... Относительно правоверности митрополита Евлогия не может быть и речи. Никому никогда православия он не предаст: ни католикам, ни англиканам, ни... большевикам; но духовные его устремления, правда, центробежны: он не чурается никакой Божией Правды, никакой инославной святости. Этим летом довелось ему прожить недели 2 у

траппистов (молчальников), суровом монастыре (по уставу) в Савойе. И вот его заключение: «Рим — Римом, а то, чему я был там свидетелем, вызывает во мне одно желание: я готов в ноги поклониться этим святым подвижникам: глядя на них, я все вспоминал Преподобного Сергия с братией...»

Неужели же милая, чуткая Екатерина Михайловна обольстилась формальным заявлением, что католики «признают» Петель? Не выдвинуто ли это утверждение специально для уловления ее, дабы всунуть в Петель и любовь ее к Cambrai?² И потом разве сейчас в «признании» одной церковной организацией другой — дело? (Если допустить, что «признание» — правда).

Поговорила бы она с еп. Вениамином³ о Святой Терезе или о культе «Сердца Иисусова» или о любимом Cambrai — может быть, все и объяснилось бы. Нет! Елевфериевская⁴ церковь никакого желанья даже не имеет к соединению; в эту сторону и не смотрит, чурается инославия и вся повернута к русской национальной обособленности. «Уж если есть истина, то лишь у нас». Теперь пошли еще дальше. (Читали Вы статью Лаговского,⁵ деятельного петелевца, в «Новом Граде»?): «настоящее, обновленное христианство в России, в сочетании с коммунизмом. Правда — в сочетании Христа и Ленина...» Тошнотворная, невыносимая статья!

Как хорошо я понимаю, милая Вера Николаевна, грусть воспоминаний о Ваших родных местах. Так иногда мне вспоминается Петербург. Но когда я думаю о том, что дали последние годы (вся жизнь в эмиграции), как многообразно обогатился жизненный опыт, как много познано и узнано — милое прошлое кажется уже бедным. А сколько впереди еще нового, неизведанного, влекущего именно недосыгаемостью... Надо только крепко и устойчиво «встать на камень», так я называю обретение смысла своего на земле призвания (религиозного, конечно) — и тогда с «камня» видно, куда вьется твоя тропочка... И все зовет вперед, а не назад. Да, вера обладает необычайной динамической силой. Этому научают все святые книги, которые и Вы, и я читали.

Спасибо, Madeleine Lemer я получила. Буду теперь искать для Вас Madame Leseur. Кажется, у нашей Верочки она есть, а Верочка Вам ее даст, я уверена, с восторгом. Постараюсь еще что-нибудь подыскать Вам в том же духе.

Простите, забыла написать Вам в прошлом письме о просьбе Ивана Ивановича — передать Вам его горячую благодарность за медицинскую справку. Она ему очень пригодилась. Что Вам рассказать о Париже? В моем единении я так мало знаю и вижу нового. Знаю все же, что у матери Марии уже 19 «насельниц», по мирскому попросту «жилиц» — и все, кажется, «старушки». Вы правы, что есть люди вне возраста, но увы! обычно люди «покорны возрасту», и «старушки» — старушки, озабоченные лишь своими немощами и семейными делами, склонные к мелочам и пересудам — они довольно в общечитии несносны, а под энергичной, но малоопытной десницей матери Марии несомненно ополчатся на нее всяческой критикой... Так думается, а впрочем, может быть, все и «образуется»...

Ко дню нашей свадьбы подросла утешительная весточка; мой роман согласилась издать YMCA-Press, и мне сказали, что мое детище появится на свет Божий к началу года.⁶ Очень я благодарна Провидению, что так сложились обстоятельства, потому что кризис и моя литературная безвестность казались мне трудностями неодолимыми. Делюсь с Вами моей радостью. Целую Вас, дорогая, и простите, что ответ опоздал. Но в суете у меня ничего не выходит, а была суета.

Татьяна

Привет Ивану Алексеевичу от нас обоих. Как жаль, что мы не знали о дне Ангела!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приход на улице Rétel, оставшийся в единении с Московской Патриархией, когда митр. Евлогий перешел под омофор Вселенского Патриарха.

² Подразумевается, вероятно, любовь к Фенелону (1651-1715), архиепископу города Камбре.

³ Епископ Вениамин (Федченко, 1882-1962), оставшийся в единении с Московской Патриархией после 1931 г.

⁴ Часть эмигрантской Церкви, оставшаяся в единении с Московской Патриархией, называлась по имени ее возглавителя мит. Елевферия, управлявшего ею из Литвы.

⁵ Иван Аркадьевич Лаговский (1889-1941). Речь идет о статье «Бог и социальная правда в СССР», «Новый Град» № 4 (Париж, 1932 г.), стр. 40-54, в которой несколько наивно, на основании советской прессы, И. Лаговский отмечал положительное отношение некоторых христиан к социальным изменениям в стране. Но фразы в кавычках принадлежат не Лаговскому, а выражают впечатление, вынесенное Т. Манухиной из статьи.

7.XII.32

Париж

Дорогая Вера Николаевна!

Послала Вам вчера Eve Lavalière. Я думаю, что она Вам понравится. Прелестный, трагический образ. Если до войны Вам удавалось бывать в парижских драматических театрах, Вы ее, конечно, помните. Я ее хорошо помню. «Мария Египетская» наших дней. И кто мог думать, видя ее на сцене во всем великолепии красоты и молодости, что такова будет ее судьба.

Простите, что не писала. Только сегодня у меня день передышки: я завалена корректурами. При моей неопытности и невнимательности эта работа доводит меня до изнеможения. К 20-XII надо все кончить и приходится очень торопиться.

Спасибо сердечное за Ваш поощрительный отзыв. Я с большой благодарностью принимаю всякую критику. Ведь все на пользу, и суровый отзыв имеет умудряющее значение уже потому, что узнаешь, каким литературным требованиям не отвечаешь. Я знаю, что до «belles lettres» мне далеко. Мне просто хотелось что-то «сказать», и

трудность была в том, чтобы этого достичь малыми литературными средствами. Вы спрашиваете о длине романа? Кажется, 22-23 листа, но не в 40 000 букв, а меньше (точно не знаю цифру, боюсь напутать).

Очень рада, что Вы полюбили Жюльену. Держите ее, сколько хотите. Если бы Вы написали о ней статью в *Путь!* Глава о ней в *Culture féminine* могла бы Вам тоже пригодиться. Если нужно, я верну *Culture* сейчас же. Мне кажется, Жюльена так значительна и своеобразна, что статья о ней может оживить весь номер этого отвлеченно-богословского (и скучноватого) журнала. Жюльену русские совсем не знают, даже знакомые с католической мистикой. А в ней есть что-то «православное» — прикрытый тихой благодатью религиозный огонь. Ее устремленность ко второму Пришествию, к преображению мира — совсем православное восприятие христианства. Если бы Вы надумали писать, я пришлю Вам статью Мирры Ивановны Lot-Бородиной¹ — ее доклад, прочитанный в обществе Ренана прошлой зимой: «La doctrine de la “deification” dans l’Eglise grecque jusqu’au XI siècle». Она сумела — и очень отчетливо — наметить все различия в самом учении о Боге, мире и человеке у православных и у католических богословов. Доклад этот, думается, нужен для фундамента. На нем можно возводить постройку статьи о Жюльене.

Зинаида Николаевна хотела прислать Вам блаженного Августина Папини. Это очень интересная и хорошо написанная книга. Мы ее читали с большим интересом. Она приближает далекого нам Августина к нашей эпохе. Именно так надо писать, мне кажется, биографии святых.

Вас ждут еще 2 книги. Я пошлю их, когда Зинаида Николаевна их вернет. *Elisabeth Besler* и *Les étapes de Dehial dans les voies de l’amour divin*. Первая — молоденькая француженка, милая девочка, отдавшая Богу себя в жертву, «чтобы спасти Францию» во время последней войны (маленькая Жанна Д’Арк); второй — Dehial — солдат фронта, подвизавшийся в окопах. Каких людей дала Франция за эти последние 15-20 лет! В какую эпоху мы живем!

Дописала листок и беру второй.

Хочется обо многом еще поговорить.

Вы спрашиваете про мать Марию. У нее уже около 20 жилищ («насельниц», как любит писать мать Евгения (Митрофанова) о своих старушках). Конечно, многого не хватает и не все хорошо, но это неизбежно, когда денег мало, а рук рабочих и совсем нет. Она одна на все общежитие. Остальные, кажется, работают по мере доброго желания ей помочь.

«Монастыря», т.е. дарового труда (но обязательного) еще нет.

В субботу устраивает концерт. Перед концертом 2 речи: ее и рэг'а Gillet.² Бог даст, соберут те 2 000 франков, которые ей так нужны. Продавая билеты, я обнаружила, что у нее много недоброжелателей, больше еще недоброжелательниц. Говорят о ней со вздохами и покиваниями; не нравится ее не монастырская генеалогия: «И во послушницах не была, прямо в мантию постригли...» Не нравится ее «мирской» уклон и «зачем семейную жизнь бросила...» — словом, теснят бедную мать Марию со всех сторон. А она не унывает. Бодра, жизнерадостна, в непоколебимой вере, что «Общежитие» — воля Божия, и готова за него лечь костями. Только так и достигать можно недостижимого. Мне очень нравится, как она мне сказала: «Есть люди, которые ходят по суше, а другие — по воде. Апостол Петр тому пример. Опасно — но ходить можно, если крепкая вера...» Мне злые шепоты даже нравятся — это признак, что затея ее неплохая. Все fondations (так говорят книги) создавались в атмосфере недружелюбия, даже преследований (Ste Thérèse). Однако пора кончать, иначе я и сегодня не допишу письма.

Обнимаю Вас. Привет И. И. и мой Ивану Алексеевичу.

Как хорошо, что у Вас впереди свободное и покойное время. Вы пишете, что надеетесь его использовать. Вот бы написали о Жюльене. Подумайте об этом. Я готова все прислать, что только для этого Вам нужно. Привет душевный.

Ваша Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лот-Бородина М.И. (1882-1957), ученый-медиевист, поэт, богослов, автор трудов о Николае Кавасиле.

² Отец Лев Жилле (1893 - 1980), бенедиктинский иеромонах, перешедший в православие в 1926 г., вдохновенный проповедник. См. о нем монографию E. Behr-Sigel. Lev Gillet. Un moine de l'Eglise d'Orient. Paris, 1993, 638 p.

Понедельник
20.II.33

Дорогая Вера Николаевна!

Сердечно Вас благодарю: Вы так внимательно, так вдумчиво отнеслись к моей книге. Знаю, что Ваш отзыв искренний, потому он мне и дорог. Я была бы очень Вам признательна, если бы Вы указали мне и недостатки. Вам они виднее, а мне узнать — польза большая.

Да, дорогая Вера Николаевна, я о своих художественных способностях всегда была мнения весьма скромного. Когда писала, меньше всего думала, чтобы было «художественно», а чтобы поточнее рассказать. К такому отношению к слову меня приучили религиозные книги. Я вычеркивала целые куски, когда ловила себя на искушении «красиво сказать». Особенно жестоко расправлялась с описаниями и подробностями. Мне казалось, что этого требует тема.

Ваши милые, добрые слова я передала Ивану Ивановичу. (Обычно Ваших писем я никому не читаю.) Он был тронут, просил Вас сердечно поблагодарить. Так уж мы, люди, устроены, что все доброе трогает.

Получила Женевьеву и жду дальнейших указаний, что Вам еще прислать. Если *Mère Marie de Jésus* Вам не скучна, и Вы монашескую литературу читаете с удовольствием, я могу Вам послать несколько книг. Их у меня много. Я не знала, интересуется ли Вас монашеская литература, потому и не посылала.

Католические монахини очень много пишут, и начальство монастырское о них тоже много пишет, если находит кого-нибудь этой чести достойной. В Кармеле, например, литература — традиция ордена в память великой Мèге — Св. Терезы. Монахинь обучают стихосложению и требуют записей «медитаций», многие ведут духовные дневники. Дневник маленькой Терезы¹ — обычный дневничок, лишь в обработанном виде. Так создалась большая монашеская литература — неисчерпаемый клад мистического опыта. Вам понравились *Conférences Mège Marie*? Как мудро-просто все ее поучения! И как они все там в Кармеле знают Св. Писание! Вот уж кто, действительно, в нем, как дома!

В Кармеле *Paray — le Monial* (об основании его ведь и речь в книге) мы с Иваном Ивановичем были 5 лет тому назад. Мне очень понравилась ее монастырская церковь: мрамор, светлый дуб, кое-где позолота. Очень красиво. Мне рассказывали, что внешним благополучием этот бедный провинциальный кармелитский монастырь обязан автомобильной фирме *Panhard*. Благочестивая *Mlle Panhard* и воздвигла эту чудесную *chapelle*.

Вы пишете, что свобода и гармония монашеских душ (подобных *Mège Marie*) Вам кажется недостижимой. Я думаю, Вы правы. (Вы сравниваете их с завидной ловкостью гимнастов.) Монашество мне тоже кажется особым призванием, особой духовно-религиозной одаренностью, избранничеством. («Позвал на гору, кого хотел...») Но кроме дарованного, нет ли и заданного всем людям? Какое-то «*saïto*» (так наименовал мой знакомый эмигрант, цирковой гимнаст — Вася Кисляков, сын нашего петербургского старого дворника — непонятный мне, хитрый «трюк», которому он уже выучился в цирке Гамбурга) нам все же задано. Не очень сложное, не очень рискованное — в меру наших сил — но все же заданное. А заданного не обойти, если вообще «рваться к недостижимому», как определяет о. Сергей Булгаков религиозную жизнь христианской души. Мне думается, что ответим мы не за достижения, а за усилия.

Вы спрашиваете о моей статье. Я еще за нее и не принималась. Устала, да и не до нее сейчас. За эту зиму пришлось все забросить, даже самое житейски нужное, и теперь приходится заниматься хозяйственными делами и моим жалким гардеробом. Так в праздной суете и живу. Не очень это занимательно, но нужно, да и отдых после корректур.

Вы спрашиваете об издании *Ste Thérèse*. Лучшее — *Beauchesne*, 117, rue de Rennes (1909 г.) (перевод кармелиток), но оно, кажется, дорогое (в 6-ти томах) — Полное собрание сочинений, кроме ее писем (3 тома). Письма с 60-ых годов не переиздавались. Я брала из их библиотеки.

Есть еще дешевое издание, кажется, *Gabalda* (перевод *Voix'a*). Перевод хуже.

Слышала, что года 3 тому назад появилось еще какое-то издание, маленькими книжками (ее автобиография). Перевод еще хуже (по-моему). Одну книжку я просмотрела, но издательства не запомнила. Терезу упростили, приблизили язык к современному, легкому, словом, «модернизировали», и вся прелесть ее стиля исчезла.

Я пользуюсь первым из вышеуказанных изданий. Очень хороши ее письма. Я пыталась их добыть, но не удалось. Все издание давно распродано. В письмах ее так много свойственной ей непосредственности. Очень любопытны ее письма королю и «великим мира сего», деловые, умно и тонко написанные, не без дипломатии. Особенно увлекательны ее письма к *Mège Marie-Joseph* (ее подруге), игуменье Кармеля Гренады. Множество писем *Грациану* (*Mon père et mon fils!*).

Если бы Вы захотели их прочесть, можно устроить: библиотека (*Bibliothèque des familles* на rue *St-Placide*) пересылает книги. Кстати, это отличная библиотека (религиозный отдел лучший). Какие там можно получить интересные книги! У меня сохранился каталог. Если хотите, пришлю. Только книги, конечно, на срок и за просрочку библиотека штрафует неумолимо, я уже это испытала, когда увезла книги в Швейцарию и срок пропустила.

Целую Вас, дорогая Вера Николаевна. Буду ждать письма с указаниями, что Вам прислать, и подумайте о библиотеке. Может быть, это именно сейчас то, что Вам нужно — выбор книг по своему вкусу. Во всяком случае, монашеская моя полка в Вашем распоряжении. И прежде всего я Вам пошлю Терезу Дижонскую, кармелитку. Она умерла не так давно, но уже паломников привлекает ее могила, которая уставлена вся ex-voto. (Верочка летом была.) Чудесная кармелиточка! О ней — толстая обстоятельная книга.

Привет наш с Иваном Ивановичем — Ивану Алексеевичу.

Ваша Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маленькая Тереза — Ste-Thérèse de Lisieux (1873-1897). См. кн. Мережковского «Маленькая Тереза» со вступ. статьей и комментариями Т. Пахмусс (Ann Arbor, MI: Эрмитаж, 1984).

Среда 1.III.33

Милая Вера Николаевна!

Наши письма разошлись. По-видимому, мы писали друг другу в тот же день, может быть, даже час. Это письмо не считайте «ответным», а лишь записочкой, на которую я не жду ответа.

Очень рада, что *Marie de Jésus* Вам так понравилась. Теперь смело посылаю Вам две маленькие книжки. Елизавету Дижонскую (я ее по ошибке назвала, кажется, Терезой) и *Marie-Thérèse fondatrice de la congrégation de l'Adoration Réparatrice*. *Marie-Thérèse* тоже замечательна. Я иногда захожу на *rue Cortambert* (от нас близко) в их *chapelle*. Там непрерывно, день и ночь, годами, больше — десятилетиями, совершается это самое «adoration». (По-

русски нет, мне кажется, вполне точного слова.) И если подумать, что с революции 48-го года «они» — эти христианские весталки — стоят перед алтарем в молитве, покаяние за покаянием!.. До окончания века? По мысли основательницы так выходит. У них очень красивый костюм: все белое — и ряса, и вуаль. Стоят не шелохнут-ся, обычно по две, как часовые. Тишина гробовая. В 5 часов у них — *salus*. Тогда собирается весь белый рой монахинь и начинается служба. Вы прочтете — это очень интересная страница — как эта конгрегация создавалась инициативой одной верующей души во время уличных боев кровавых дней, в частной квартире, в порыве защитить Св. Дары от погрома уличной черни, которая могла ворваться в церковь... С тех пор и стоят... Теперь конгрегация имеет разветвления по всей Франции. *Maison mère* на *rue d'Ulm*, около Пантеона. Я там, к сожалению, ни разу не была. Там и гробница *Mère Marie-Thérèse*.

О Елизавете Дижонской я Вам уже писала в прошлом письме. Мне она привлекательна, думаю, потому, что кармелитки — моя слабость. Может быть, в память *Ste-Thérèse Испанской*, которую люблю больше всех католических писателей и всех католических святых. А сколько их! И сколько женщин! И все с литературным талантом, с умением либо высказать, либо выпевать свои религиозные — высокие и сложные — переживания. Вас ожидает целый сонм: св. Бригита (Шведская),¹ св. Гертруда,² св. Хильдегарда,³ св. Катерина Сиенская,⁴ св. Катерина Генуэзская, *Angèle de Foligno*, *Maria de Cortone*, *Ste Marguerite-Marie*. (Эта без литературы)... Пошлю Вам в свой час и одну скромную протестанточку *Adèle Kamm*, нашу современницу. Она не уступает католичкам. Такой трогательно-милый образ!

Хотела написать 2 слова, а вышло, как и не думала. Кончаю. Целую. Обо всем остальном в ответном письме, когда получу Ваше. Привет Ивану Алексеевичу.

Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вдова шведского губернатора, имела 8 детей (среди них св. Екатерина Шведская), создала монастырь в Вадстене и орден Спасителя (бригитинцы). Скончалась с Рима в 1373 г. Ее *Откровения* были напечатаны в 1492 г.

² Немецкая бенедиктинская монахиня, мистик (1255-1301), автор «Откровений».

³ Монахиня бенедиктинка (1098-1179), автор, в частности, мистической книги *Sei vias* (Знай пути).

⁴ Итальянская монахиня, писательница-мистик (1347-1380). Описала свои видения в *Диалоге о Божественном Провидении*, в письмах и стихах.

11.Ш.33
Париж

Дорогая Вера Николаевна!

Ваше письмо совсем не грязно написано — очень хорошо. И как бы Вы мне ни написали, это никакого значения для меня не имеет. Как напишется, так и отлично. Чем меньше Вы будете думать о форме письма, тем мне отраднее — для меня знак, что Вы чувствуете, как я рада всякому Вашему письму.

У Вас теперь на юге рай — и у нас не плохо. Первые весенние дни: еще надо в теплом выходить, но уже в воздухе весна и трава кое-где зазеленела, почки вот-вот раскроются. Хожу в Булонский лес, но дальше детской карусели в парк Мюзетт обычно мой путь не лежит. Люблю смотреть на милых парижских детей — на их игры, забавные ссоры и беготню на роликах.

Вы мне пишете, что в богословии не чувствуете себя «дома». Тут мы с Вами созвучны. Я уже убедилась, что никогда в богословии дома не буду, сколько ни старайся. Могу осилить книгу, запомнить содержание, а все остается внешним, органически с душою не срастается. Так

можно «не-естественнице» изучить химию и физику, а неспособность свою в этой области все равно будешь чувствовать.

Для души багаж, а не пища духовная. А с багажом только отягощение. Сначала (и долго) этого не понимала, принуждала себя, а потом нашла объяснение своей богословской бездарности в одной католической книжке (какой — не помню). Из нее узнала, что религиозные души по своим дарованиям и путям различны.

Есть души de la piété liturgique, dogmatique и piété séraphique (ou bien émotive). К третьей категории, например, относятся св. Франциск, св. Тереза... Тут я и поняла, почему так бесконечно милы сердцу моему именно эти святые, и почему я ничего не понимаю в св. Доминике (2-ой путь), ни в св. Бенедикте (1-ый путь) — просто они не «свои», не к их путям душа предназначена. Вероятно, и Ваш путь piété émotive, оттого Norwich, Ste-Thérèse, Mère Marie de Jésus (тоже кармелитка) Вашей душе «говорят». Как чудесно устроено, что на своем пути легко, свободно, утешительно, интересно... а если вступаешь, по неведению, на другой, тут же оплывает тебя не то скука, не то томление духа, и сколько себя ни укоряй, ни стыди, — ничего не поможет: не туда душа забрела. Впоследствии узнала и больше этого (у Ste-Thérèse где-то подробно об этом), что скука, непонятное бесчувствие, даже какая-то странная сонливость находят на человека, когда он чего-то не должен делать, где-нибудь бывать, что-либо читать. Это знак, что «не надо», «не для тебя».

Только теперь нашла я объяснение моей нелюбви к Гоголю. С детства и по сей день — неодолимая нелюбовь. Всегда читала его с надсадом, с чувством принуждения, как урок, да еще трудный и скучный. И сказать даже неловко, что Гоголя не любишь. Как? Гоголя? Заикнулась, было, Ремизову — только, кажется, пожалел меня, что не понимаю величия этого писателя. Зинаида Николаевна всегда меня упрекает за мое «не по моему нраву» и говорит, что так нельзя относиться к литературе. Если быть критиком, конечно, так. А если в книгах искать друзей, попутчиков и учителей (для себя), то как же без личной

оценки обойтись? Тут не сама решаешь, а что-то за тебя решает, куда и с кем держать путь.

Как хорошо, что Вы с утра пишете, что сделать за день! Я подумала: а вот бы и мне, как Вера Николаевна. А то теперь дни бегут, а потом стыдно вспомнить, на какую праздную суету ушло время. Нужное не сделано, трудное откладываете со дня на день. У Вас же проглянул уже росток «правила».

Вы спрашиваете про мать Марию. У ней много всяких тревог и затруднений, но лодочка ее не потонет, а бурь будет много. Без них из нее опытной тѣге не выйдет. Монастыря еще нет, да, по ее словам, женскую молодежь клобук не прельщает. Но она организовала союз «трудниц» (из кучки более молодых своих пансионеров). Устав легкий: небольшое молитвенное правило, посильная помощь общегитию (не денежная, а кто и чем может и хочет, например, хоть окна вымыть или пол натереть...), изучение православия (кто какую отрасль хочет) — вот и все, насколько могу припомнить. Устав принимается на срок (на какой хотят), закрепляется исповедью, крестным целованием и причащением. Не знаю, подлежит ли ее начинание широкой огласке (думаю, о нем широким кругам лучше не знать), но секрета она тоже из этого не делает. Язва общегития — неплатеж, и, конечно, не по злему умыслу, а из-за кризиса. Потеря заработка всегда непредвиденная. (Это ведь и Клозон губит материально.) Приходится бедной матери Марии выкручиваться — и как! Все это беды эмигрантские, очень понятные. Сама она очень хороша: бодра, энергична, радостна, душа дома — и по-монашески жертвенна. О себе не думает, ни о здоровье, ни о покое.

Дописала второй листок. Пора кончать. Целую Вас нежно, милая Вера Николаевна. Наш с Иваном Ивановичем сердечный привет Ивану Алексеевичу.

Ваша душевно Татьяна

P.S. Посылаю Вам цветочек с горы Елеонской (сейчас, в марте, вокруг Иерусалима везде анемоны. Мне

их прислала одна русская монахиня — эмигрантка, постриженная в Вифлеемском монастыре.

31. III. 33

Париж

Дорогая Вера Николаевна!

Вот и нашлась наконец свободная минутка побеседовать с Вами. Как же Вы, милая, себя теперь чувствуете? Все эти дни нет-нет и вспомню о Вас...

Сегодня в церкви служба «Похвала Богородице» (утреня). В прошлом году была на ней впервые. Это одно из самых прекрасных православных богослужений.

Неумолкаемый с начала и до конца гимн Богородице. Все богослужение сосредоточено только на ней. И как гармонично! Какой нежностью проникнуты все песнопения «похвалы»! Как жаль, что Вы далеко! Будь Вы здесь, наверно, пошли бы вместе?

Хочу нынче развлечь Вас, как уж умею, рассказом об общине матери Марии.

У нее не все идет, конечно, гладко, но неуклонно община развивается. Комнаты все заняты. Нашелся благодетель, базарный торговец (Halles de Trassa), который ежедневно к концу торговли отдает матери Марии даром оставшиеся: рыбу, мясные консервы, кое-когда и зелень... — и в таком количестве все это попадает на avenue de Saxe, что все сыты, и рыбу даже стали мариновать и продавать. Устроили и церковь; попали счастливым случаем кровати и шкапы. Словом, с миру по нитке...

Но это еще не все. Приехала из Крыма одна девица (по отцу француженка), оказалось, уже 6 лет она в тайном постриге, на прошлой неделе тайное стало явным, и в общине было большое торжество. Митрополит, молебен, облачение новой инокини (Евдокии) в монашеские одежды — и трапеза.¹ Говорят, было очень радостно. Теперь в общине уже 2 монахини.

День торжества совпал с годовщиной пострига матери Марии. Я это знала — и поехала днем ее поздравить. Стучусь в ворота. Открывает ее мать, ласковая старушка. — «Дома, дома мать Мария, в кухне обед стряпает»... Верно, мать Мария на кухне, у плиты: юбка подоткнута, рукава засучены, апостольник, в руке ножик... Радостная, веселая. Я привезла ей белой сирени. Она в ликованиях! Именно цветов-то и не хватало для торжественной трапезы. Ведут меня в церковь. Мать Мария показывает сшитую ею фелонь. Край искусно вышит простой веревочкой и красным шелком. «Это, чтобы фасон держала, — поясняет старушка, — а вот епитрахиль работы матери Марии» (сплошь вышита гладью). «Это она вышивала, еще когда в поездах от «Montparnasse'a» в командировку ездила». Я смотрю на мать Марию, и так мне ясно, что она действительно «the right man on the right place»: подлинная, Богом преуготовленная основательница монастыря. В ней есть все, что для этого надо: необычайная работоспособность, физическая выносливость (несмотря на слабое здоровье), многообразие способностей, религиозная талантливость и душевное богатство: ум, сердечность, незлобие, большая и стремительная воля, склонность к жертвенности и дар личного обаяния. На восхищение всем (Верочка рассказывала) она с равным усердием возится с топкой *chauffage'a*, стряпает, стирает, моет окна, таскает мешки с *Halles'a*, читает доклады, молится, пишет статьи и руководит религиозным просвещением своих «трудниц»... Митрополит сказал мне как-то: «Мать Мария мое большое утешение...» Я со стороны на нее гляжу — и тоже утешаюсь. Хоть она-то! Хоть ее-то Бог избрал из всей нашей женской эмигрантской рати!

Вчера она зашла ко мне. К сожалению, меня не было дома. В это время мы с Зинаидой Николаевной сидели вместе в новом *bar'e* на *que Passy*. Очень я жалела, что все так вышло. Мать Мария очень занята, заходит редко, но всегда мы с ней долго и сердечно беседуем. (Переселилась в комнату Ивана Ивановича. Пришла *femme de ménage* мыть окно, пришлось уйти. Продолжаю.) Вот и все, что могу сегодня Вам рассказать об общине.

Слышала, что в Берлине объявилась тоже тайная монахиня (тоже стала явной) и организует подобную же общину с одобрения митрополита. Думаю, что понемногу возникнет «движение». Пример многих может увлечь. Все это еще незаметно и скромно по размеру, но ничего: так ведь все подлинное и возникает. Какие-то «ясли» нужны во всяком Божьем деле.

О чтении Вас не спрашиваю. Наверно, Вам еще трудно много читать. Я пришла на практике к выводу, которым хотелось бы поделиться. Раньше я «зачитывалась» книгами, а теперь читаю очень мало, но много над всякой строчкой думаю — и польза от этого больше. Вероятно, смысл чтения религиозных книг не в усвоении памяти содержания, а в старании пережить, воспроизвести в сознании то, что читаешь (как читают молитвы).

Целую Вас, дорогая Вера Николаевна. Простите, в прошлом письме я не передала Вам от Ивана Ивановича его самое живое соболезнование. Он жалел очень, что я не написала по свойственной мне забывчивости. Привет душевный Ивану Алексеевичу.

Ваша Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мать Евдокия (рожд. de Courtin, в замужестве Мещерякова). Овдовев в 1919 г. на втором году брака, стала в Крыму тайной монахиней. От матери Марии потом отделилась, создала собственную общину Покровского монастыря, до сих пор благополучно существующего в Бургундии (*Bussy-en-Othe*).

Среда 3.V.33
Париж

Дорогая Вера Николаевна!

Утешать Вас не буду, знаю, что бывают дни, когда только молчание и облегчает тяжесть душевного состояния, но хотелось бы облегчить Ваше физическое недо-

могание. Я высылаю Вам ландыш с валерьяной (25 капель 3 раза в день), высылаю не рецепт, а капли, потому что «ландыш» в аптеках, даже в парижских, плохой. Есть аптека, в которой — мы знаем — настой крепкий, оттуда и пошлю. Вам они, наверно, помогут.

Целую Вас, дорогая. Дай Вам Бог крепости духа.

Ни о книгах, ни о чем не спрашиваю. До книг ли Вам сейчас!

Зинаида Николаевна пишет нынче вечером Вам письмо. Мережковские уезжают в субботу в Страсбург на 3 дня. Эта поездка — одно утомление. Такой короткий срок.

У нас все по-старому. «Новое» лишь приезд моего племянника из Бельгии, вернее, переезд: он у нас останется. Нас с Иваном Ивановичем заботит ответственность за молодую душу. Мы так неопытны. Но у моего племянника родители в России и вся надежда его отца — моего брата — что мы его единственного сына не оставим. Ему 25-ый год. В Бельгии он жил несколько лет самостоятельно, но теперь хочет серьезно учиться и вообще вся его мечта — наш семейный очаг. Ждем его в ближайшее время, как только окончатся хлопоты с визами.

Читала Ваш последний фельетон. Мы говорили с Игорем¹ о Вас. Нам очень нравится Ваш стиль: простой, ясный, похожий на непринужденную разговорную речь. Только почему Вы себя так тщательно прячете от читателя?

Еще целую. Душевно часто с Вами...

Ваша Татьяна

P.S. Благодарю за Пильского.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Игорь Платонович Демидов, ближайший сотрудник П. Миллюкова по «Последним Новостям».

Дорогая Вера Николаевна!

Как давно я Вам не писала! Не думайте, что я Вас забыла: это не так легко со мной случается. Нет, милая! Не писала Вам поначалу из-за глупой суеты: хлопот всяческих и забот семейных и хозяйственных, а потом прочитала в газете задолго до «Праздника Русской Культуры», что приедет Иван Алексеевич, и почему-то вообразила, что увижусь и с Вами, была нелепо уверена, что Вы приедете и мы встретимся. Решила: скоро «Праздник Культуры» — писать уже не стоит. Очень удивилась, что понадеялась напрасно. От Ивана Алексеевича кое-что узнала о Вас, но толком и расспросить не сумела.

Как же Вы, милая, сейчас поживаете? Как Вы? Получила книжки. Спасибо. На днях пошлю Вам маленькую, утешительную — *journal d'une mère de famille*. Многим она очень нравится. А «пророков» не смогу. Не кончила. Накопились книги, с возвратом без промедления, и пришлось «пророков» отложить до более спокойного времени. Получили вчера телеграмму, что племянник наш приедет на этих днях — тут будет не до «пророков».

Вы дали мне добрый совет, как относиться к «детям», только я боюсь — не сумею мне так поступать, как Вы. Уж очень мне мало отпущено дарований для этого: ни терпения, ни снисхождения... И если что-нибудь не по мне — ожесточаюсь.

Нового ничего сообщить не могу. Мать Мария возится со своей общинкой, перетягивает с терма до терма с великим трудом. Нехватка, хозяйственные всякие недочеты... но все это болезнь роста ее общинки. Иначе и быть не могло. Дух в общежитии хороший: ни ссор, ни сплетен, а это много при женском скопище. Из-за «духа» многие все и выносят безропотно. Так наша Верочка, хоть и морщится немного, а общежития покинуть уже не может. А, ведь, это победа матери Марии.

Как мне жаль бедных клозонских сестер! Сколько труда и любви положено ими на Клозон! И почему сад

не процвел, а захирел? И общины не вышло. А какие были планы! В чем-то ошибка, невольная, может быть, даже и бессознательная. Ведь были годы, когда Клозон вот-вот мог стать излюбленным прибежищем и для «ищущих» взрослых и для детей. А теперь о нем перестают говорить, а если и говорят, то как-то кисло. Вот в Asnières, при русской церкви возникло общежитие для старушек (пока их там 8), без денег, на «самоокупаемости», а уж пустило корни и завоевало симпатии иноверцев. Правда, во главе всеми любимый отец Мефодий (сын Н.К. Кульмана.¹ Может быть, причина успеха в нем? Не знаю, но только есть какой-то секрет, чтобы начинание росло. А в чем он заключается? Читаю сейчас (тоже книга, данная мне на короткий срок) *Летопись Дивеевского монастыря*. Очаровательное повествование о возникновении Дивеева, об отношениях преподобного Серафима к «сиротам» (так он называл свою дивеевскую общинку), о всей этой многотрудной жизни (сколько препятствий и неприятностей доставляли ему монахи Саровского монастыря! Сколько нареканий!) святого старца в окружении подвижниц. Только с «сиротами», видимо, и отдыхала его душа. Остальное кругом него — темнота, грубость и грех. Все рассказы «Летописи» напоминают «Цветочки св. Франциска Ассизского»: сочетание милой наивности с глубокой мудростью. Очень утешаюсь я этой книгой! Как далека католицизму наша русская святость! Кто знает, что среди сестер Дивеева была 19-летняя «Мария Семеновна» (поступила 13 лет) — подлинная святая, точь-в-точь «Маленькая Тереза»? Преп. Серафим после ее смерти говорил о ней всегда с восхищением и, оказалось, тайно постриг ее в схиму в 19 лет (в год ее смерти). Но как все у нас незаметно, просто и в молчании. Точно «Марии Семеновны» и не было. Очевидно, пути церковные у нас с католиками разные: у них все оформлено общественно-церковно, а у нас — лично, от человека к человеку...

Пришлось прервать. Взглянула на часы — и ужаснулась: чуть не пропустила назначенного мне часа зубного врача. Лечу к нему...

Суббота...

Не смогла кончить письма вчера вечером. Вернулась от зубного врача, а у нас дома — волнение: приехал в мое отсутствие «маленький Ваня» (так именуется у нас мой племянник в отличие от Ивана Ивановича). Ну, конечно, разговоры до поздней ночи, хозяйственные всякие заботы об его устройстве... присесть к столу и думать было нечего.

Хочу сегодня, непременно сегодня, отослать Вам эти строки, иначе опять что-нибудь отвлечет. Буду помнить Ваши добрые советы. (Вчера вечером уже кое-что применила — и не без успеха.) Целую Вас, милая Вера Николаевна. Не сетуйте, что не писала, — и откликнитесь поскорее. Мое молчание я Вам объяснила.

Сердечный привет наш Ивану Алексеичу. Иван Иванович просит Вам передать, что сердце у Ивана Алексеича в хорошем состоянии.

Сердечно Ваша
Татьяна

P.S. Получила Marie-Thérèse и брошюру M. Lot [Бородиной]. Спасибо.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сын профессора литературы Николая Карловича Кульмана (1871–1940), отец Мефодий стал впоследствии епископом.

7.VII.33

Дорогая Вера Николаевна!

Хочу написать Вам сегодня: боюсь, что потом, ближе к отъезду, не смогу.

Вы остались без любимых книг, и я с этим не примирюсь. Пороюсь в шкафу и вышлю, что найду интересного. J.N. Norwitch, пожалуйста, оставьте у себя — «на

память». Она Вам по душе, а милую душе книжку надо иметь всегда под рукой. Одно меня смущает: она, ведь, потрепанная и вся чирканная, а я... «на память».

Вышлю Вам «Дружбу со Христом» (автора не помню). Отшельника Rolle (английский мистик) и еще одну: St. Jean de la Croix. Это один из самых суровых и глубоких мистиков в католицизме. Мрачен, но свят. В книге о «дружбе» сказаны мудрые слова об этих редких взаимоотношениях людей. Дружба трудное дело и явление очень редкое. Часто «дружбой» называют обыкновенное «доброе знакомство», «приятельство»... А это совсем не то... Автор ставит дружбу «во Христе» выше брака и в этом высшем союзе духа видит осуществление замысла Божия о дружбе. Мне эта книга очень понравилась и прочитала я ее с пользой. Вот мне и хочется знать о ней Ваше мнение.

Узнала от Амалии Осиповны,¹ что Ваш брат выздоровел, и порадовалась за Вас.

Как идет Ваше писанье? А я все свои планы откладываю до Швейцарии. Живу в такой суете, что не до них. Паспорта, визы, экзамены «маленького Вани» (он поступил в русский техникум) и по дому уборка и хлопоты... Едва справляюсь с «Дивеевым».

Милая! Вы «ожесточение» мое не так поняли. Я ведь не о себе и не о своем... Давно уже, как и Вы, привыкла во всем видеть волю Божию, что бы ни случилось, и ей покоряюсь, веря так же крепко, как и Вы, что все с нами — «как надо», только позже увидим, почему было так, а не иначе, и, конечно, окажется нам ко благу. Я — не об этом. Имела в виду тот zèle intempestif, который свойствен неопытному в руководстве другими людьми человеку. Волю Божию по отношению к нам он видит ясно, ужасается, что люди ей противятся, предвидит последствия: беды и скорби, хочет помочь, остановить — и впадает в то яростное рвение, которое я и назвала «ожесточением». Оттого я и писала о моей материнской бездарности. Матери чутьем берут, как надо влиять и спасать, а когда дара нет, все и выходит на́косо! Но и тут я стала больше полагаться на Бога и не ужасаться, когда «не по мне»,

т.е. не по тому, как бы человеку, по глубокой вере моей, надо поступать. А может быть, непокорность со всеми тяжкими последствиями — единственный путь к опытному познанию воли Божией? Тут рвение должно уступить место терпению. Удивительная это добродетель! Какой силы надежды на Бога, живой и религиозно-дейтельной! Из всех vertus théologiques (католики именуют так веру-надежду-любовь) надежда самая мне дорогая. А Вам? Думаю и Вашей душе она созвучна, потому что Вы полюбили Жюльену. Вся ее книга — о надежде, всепобеждающей силе благой Божией воли. Мне кажется, что православие познало эту силу, как ни одно христианское вероисповедание, и без дара надежды, которой Бог наделил нашу Церковь, многое в ней непонятно, так же непонятно, как непонятно католичество со всеми «подражаниями и сораспятиями Христу» без особого ему ниспосланного дара любви. Мы никогда не пойдем ни монашенок-«petites victimes», ни их культа Страстей Господних, ни стигматов... многого никогда не пойдем, потому что нам той меры любви (героической) ко Христу не дано. Но и им нашего молчаливого терпения, немой святости не понять никогда. Они в них найдут, быть может, одну досадную пассивность.

Переводите ли Вы J. Norwitch? Она самая «православная» из всех католических мистиков, самая близкая. Ей не могут не заинтересоваться православные читатели. В католических же кругах ее знают лишь специалисты, а религиозно настроенные миряне прочтут обеих Терез, св. Бернара, обеих Катерин, François de Sales'a, a J. Norwitch им чужда.

Что же Вам рассказать о парижской жизни? Информатор я плохой. Сижу в своем углу и в этом нахожу большое удовольствие. Была только на Зеленом кольце.² Я этой пьесе не видела раньше. Пьеса имела успех, хотя труппа, на мой вкус, средняя: актеры переигрывают, грим грубый, в массовых сценах каша: все реплики пропадают. Но в общем по бедственному нашему эмигрантскому положению и такой театр всех взбудоражил и доставил, кажется (весь репертуар), большое удоволь-

ствие. Вот и все мои выезды в свет. Ах, нет, была еще на Летучей Мыши, и то ради «маленького Вани» больше в порядке «mortification».

Целую Вас, милая Вера Николаевна. Если ответите, буду сердечно рада письму, как всегда Вашим письмам радуюсь, потому что Вы всегда о том, что и мне дорого и близко. Только, милая, для этого Вам придется написать не позже среды: в субботу утром мы уезжаем. Куда? Еще не решили. Вероятно, в Zermatt. Может быть, Вам на этих днях не до письма. Я это чудесно понимаю, что писать не всегда возможно. Тогда я Вам напишу из Швейцарии, как только устроюсь.

Привет наш Ивану Алексеевичу. Иван Иванович Вам шлет свои «запасные поздравления».

Ваша Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Амалия Осиповна Фондаминская (ум. 1933), жена И.И. Бунакова-Фондаминского, близкий друг З. Гиппиус.

² «Зеленое кольцо» (1914), пьеса З. Гиппиус, впервые поставленная Вс. Мейерхольдом в Александринском театре в Петербурге в 1915 г.

Hôtel Waldesruhe,
Zermatt (Valais)
28.VII.33

Дорогая Вера Николаевна,

Не успела написать Вам до отъезда, и здесь первые дни, как всегда на такой высоте (1750 м), чувствовала себя вялой и «не писалось». Сейчас уже привыкла к новым условиям и взялась за письма.

Отослала Вам из Парижа книги, но, к сожалению моему, не удалось мне отыскать отшельника Rolle (l'Hermite d'Hamplone).¹ Мы с Зинаидой Николаевной перерыли всю

ее полку, где она хранит мои книги, но Rolle там не оказалось. Вероятно, куда-нибудь я ее засунула в моем шкафу. Послала Вам взамен Rolle то, что нашлось. Была суета перед отъездом, и я спешила. Письма к M-lle T., по моему, очень интересны. Père Didon, их автор, «гремел» в свое время. В записках своих (не в дневнике) о нем упоминает М. Башкирцева.² Она добивалась его согласия ей позировать для портрета, но Père Didon уклонился от ее настойчивых просьб. Честолюбивой и очаровательной Башкирцевой, конечно, очень хотелось написать портрет «знаменитости», до его духовного облика ей было мало дела. Письма Д., к сожалению, не в уровень его корреспондентки (M-lle T.). Явно, весь духовный его пыл ей не по плечу. Но это не мешает им быть очень интересными. И за какие пустяки ее, бедняжку, засадили на Корсику! За идеи христианской общественности! А теперь папа только об этом и твердит в своих последних энциклопедиях — и еще радикальнее. Вот, что значит — опередить эпоху.

Послала Вам еще Père Sanson. Это — Père Didon наших дней. Он года 3 тому назад в Notre Dame проповедовал в течение великого поста. Имел такой успех и столько собирал слушателей и так шумно и восторженно о нем вся католическая Франция заговорила, что его «убрали», обвиняя его в неустойчивости догматических его взглядов на первородный грех. (Серия его проповедей у меня есть, называется «De l'inquiétude humaine».) «О страдании» он читал прошлой зимой уже не перед «массаами» Notre Dame, а в светском Institut des Annales. К сожалению, уже нет в этих лекциях пророческого диапазона, как раньше, он приспособляется к аудитории, питая ее «млеком», а не твердой пищей. И вообще, есть опаска и оглядка. Говорят, он болен туберкулезом и, вообще, смирение перед Римом ему далось не легко.

Что мне Вам, милая, рассказать о нашей жизни здесь? Путешествуем мы втроем: мы и наш племянник. Пришлось с этим считаться и устроиться дешевле, чем обычно. Из экономии поселились не в Zermatt, а над ним, на горе, в маленьком очень опрятном hôtel'e.

У нас «деревня»: сенокос, коровы, мухи... тишина и глушь. Прогулки — не парковые дорожки, а лесные тропинки, каменистые, подчас крутые, но зато во все стороны и на любую высоту. В Zermatt мы ходим изредка, когда почувствуем, что одичали. Там — культурный центр: хорошие hôtels и кондитерские, музыка и т.д. К нам из Zermatt даже дороги удобной нет — тропинка, и добираются в наш hôtel туристы либо пешком, либо на муле. Нам глушь наша нравится. Луга и леса от порога дома. Мне на утешенье есть маленькая часовня неподалеку от дома, очень приятная: престол всегда в свежих цветах, старинное распятие и большой запрестольный образ мученицы Ste Lucie. Служб там не бывает, разве в hôtel'е поселится какой-нибудь аббат. Сегодня как раз и поселился у нас curé — значит начнутся службы. Только не будет ли он коситься на меня, orthodoxe-grecque? Среди католического духовенства есть, ведь, такие узкие взгляды!

Иван Иванович благодарит Вас сердечно за память о дне его именин и шлет сердечный привет Вам и Ивану Алексеевичу (я тоже).

Напишите мне, милая Вера Николаевна, как Выживаете? Мы здесь до 6 августа. Читаем о парижской жаре и ужасаемся: очень жаль мне Мережковских. Они, ведь, третье лето в городе. И столько всяких материальных затруднений... а здоровье Зинаиды Николаевны последние годы не прежнее — часто простужается и долго не может с заболеванием справиться. Не та уже выносливость, не те силы. А тут еще жара, духота, пыль... и нет возможности подышать свежим воздухом.

Целую Вас, милая, и буду ждать весточки. Если напишете вскоре, получу Ваше письмо еще здесь. И буду сердечно рада. Я от Вас так давно не имела ни строчки — и соскучилась. Напишите, как понравились Вам книги. Меня очень интересует совместное наше чтение. Бог даст, не только будем вместе читать, но и беседовать о прочитанном (и не прочитанном), когда Вы поселитесь в Париже... До свидания!

Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Rolle de Hamplone, Richard (1300-1349). Автор сочинений «De incendio amoris», «Ego dormio» и др.

² М.К. Башкирцева (1860-1884). Русская художница, автор многотомного «Дневника» на французском языке.

5.IX.33

Париж

Дорогая Вера Николаевна!

Пишу из Парижа. Кончились наши каникулы и теперь до будущего лета... г. Raynouard! В этом году поездка наша очень удалась. Я писала Вам из Zermatt'a, как там было хорошо; еще лучше — в Montreux, где мы прожили две недели. Погода все 6 недель стояла чудная, и условия жизни в этом году оказались неожиданно благоприятные: дешево, цены (в hôtel'ях) упали, и мы втроем жили, и совсем недурно, на наш обычный каникулярный бюджет.

Ваше письмо я получила в Zermatt'е незадолго до отъезда и ему очень обрадовалась. Опечалила меня лишь весть, что Вы остаетесь в Грассе на зиму, т.е. что мы не увидимся. Ну, что же делать, значит, так нужно. Я поняла Ваши соображения. Как бы трудно материально ни было, жить и легче и приятнее на лоне природы, в тишине и одиночестве. Эмигрантский Париж год от году все серее, беднее, и уныние все глубже. Помните, балы литераторов — под Новый год? Когда-то, я слышала, — сама ни разу не была — эти балы бывали не без пышности. В этом году, мне рассказывали, грустно было смотреть на этот убогий праздник... И так во всем. Безработица, отняли «шомажные»,¹ а тут еще наехало много немцев, и нашим, особенно женщинам, трудно с ними бороться. (Все хорошие хозяйки, а потому и хорошая из них выходит прислуга, к тому же они соглашаются на

ничтожное вознаграждение.) Не знаю, что зимой и будет...

Во всем мире так мрачно, что лучше бы уж и газет не читать.

Что Вы, милая, поделываете? Пишете ли? Что читаете? И здоровье хорошо ли? Напишите мне. Я давно Вам не писала, но Вы мне это простите. В Мопгеух я очень разленилась, а по приезде сюда — обычная суতোлка житейских дел. Надо было искать комнату Ване (племяннику), надо было привести в порядок дом.

Вы спрашиваете, как отразилась на мне новообразовавшаяся у нас «семья»? Ваня ничего в жизни моей не изменил, его молодость, редкая жизнерадостность, увы, для меня... «не в коня корм». Я не могу отделаться от мыслей о молодости: как она внешне ни привлекательна, она все же незрелость; вновь надо ей проделать то, что мы уже пережили: знаешь, как долго и сложно это будет, опять все сначала... И сознаешь, что на твою долю выпадет лишь терпеливое ожидание чужого созревания, помощь по мере сил — и все! Странно, молодежь даже в молодые годы меня всегда интересовала менее людей уже «зрелых лет». И теперь, к старости, чужая молодость тоже меня не молодит. Живем мы очень дружно, Ваня к нам привязался, мы тоже его искренне полюбили. Но Вы не об этом меня спрашивали.

Что мне рассказать Вам о Париже? Болела Амалия Осиповна. Плеврит. С ним она с самого приезда с юга не может справиться. То лучше, то опять хуже. Эти дни опять была высокая температура. Сегодня лучше.

Мережковские так никуда и не уехали, но, слава Богу, бодро перенесли жару. Я очень рада, потому что волновалась за Зинаиду Николаевну: весной она часто болела, и лето в городе, мне казалось, ей будет трудно пережить без последствий.

Мать Мария — вчера она была у меня — собирается переезжать в новое помещение, хочет нанять большой дом, потому что прежний уже мал. Желаящих к ней попасть так много! Надеется и на комбинацию с «отступным». Энергична и полна жизни. Жалует об одном, что

нет созвучных ей душ: «прошло через общежитие человек 50, но никто не прирос». Это, конечно, не ее вина, а ее беда. Она с удовольствием бы уловила в свои сети (в хорошем, апостольском смысле) всякую душу, устремленную к подвигу самопожертвования, да только такой и нет.

Не надо ли Вам книг? Напишите, милая. Вот видите, как Вы преуспели! Вас «Amitié» уже не удовлетворяет. Я понимаю, отчего она показалась элементарной: там повторяется все, что Вы читали в биографиях святых. Что же мне теперь Вам предложить? Надо подумать.

А сейчас целую Вас, дорогая, шлю привет Ивану Алексеевичу и жду от Вас вестей. Не забываете.

Татьяна

P.S. Иван Иванович кланяется Вам обоим.
P.P.S. Эти эдельвейсы из Zermatt'a.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Chômage — безработица.

18.IX.33
Париж

Дорогая Вера Николаевна!

Наши письма разошлись... Вы писали свое, вероятно, в тот же час, как и я, и почтовые поезда, которые везли наши письма, встретились где-нибудь около Лиона. Одно у меня сомненье: получили ли Вы мое. Оно было толстенькое, я положила в него эдельвейсы, а послала не заказным.

Из описаний Вашего недуга заключаю, что у Вас, верно, ишиас или что-нибудь в этом роде, простудное. Это мучительно и длиться может очень долго. Тут греться на солнце хорошо, только солнце-то теперь не жаркое. А если и будете греться, то не вся (сердцу вредно), а как-нибудь надо устроиться, чтобы лишь больное место.

Я знаю хорошо этот недуг по Зинаиде Николаевне. Она страдала несколько лет тому назад, после поездки в Белград, почти полгода. И как! Бессонные ночи всю зиму и что-то только не применяла, чтобы утишить боль. Ничего не помогало. В конце концов помогло освещение селезенки, а потом в июне уже окончательно исчезли боли в Канне: грела ногу на балконе в солнечные дни. Опасайтесь сырости, охлаждения, носите фланель, бойтесь сквозняков... Все эти советы я передаю, как попугай, так часто их слышала в подобных случаях, и опять-таки помню, что так было с Зинаидой Николаевной: всегда ухудшение при малейшей неосторожности. Случилась же эта беда после гриппа как его скверное последствие.

Хорошо понимаю, милая, как должны Вас тревожить вести из России о Ваших близких. «Родные», это что-то совсем особенное в нашей жизни, отношений с ними никто заменить не может, и не потому, что не может быть иных, даже прекраснее этих, нет, а потому что по свойству своему они незаменимы. А если к родственному чувству прибавляется еще и понимание друг друга, и доверие беспредельное и прелесть воспоминаний о юности, о «вместе» прожитом детстве! Ах, какое это замечательное слово «вместе»... Дай Вам Бог, милая, какую-нибудь утешительную весточку от своих! Какое это облегчение сердцу! Знаю по себе, когда изредка приходят кружным путем вести от брата (мы не переписываемся), и они хорошие (всегда, конечно, сравнительно с возможными дурными) — как я этому радуюсь!

Получила книжки. Спасибо. Теперь вышлю Вам *Didon'a Jésus Christ*. Он у меня есть. Я, к стыду моему, книгу имею давно, ее не прочитала. Вам понравилась. Мне тоже. В них есть огонь. Так жаль его, что Mlle T., по-видимому, его надежд не оправдала. Он из нее хотел сделать что-то необыкновенное — святую, подвижницу, быть может вторую Chantal...¹ А она... замуж! Конечно, и это неплохо, но по его, видимо, воззрениям тут перемена направления. Св. Тереза Испанская выражалась так (приблизительно помню ее слова): конечно, можно ползти и

черепашым шагом, но не по крутой тропинке, и дальше: замужество — это блуждание по захолустным тропкам благочестия. Ничего не поделать, в монашестве есть религиозный максимализм — споры здесь бесполезны. И католическое, и православное церковное учение неизменно различает путь «предписанного всем» и путь «советов» для избранных. (*Préceptes et conseils.*) В том-то и драма с Mlle T., что она не была призвана, а Didon вздохнул о недарованном.

Была у меня мать Мария. Она затевает что-то просто страшное. (За нее). Хочет нанять огромный дом, чуть не в 40 комнат, чтобы «развернуть общежитие». Уверяет, что кандидаток столько, что на rue Saxe некуда их девать. Уверяет, что самокупится...

Да еще дом где-то около Etoile! Тут же план — организация при общежитии миссионерских курсов... и еще, еще что-то. Смело, но страшно. А монахинь две: она и мать Евдокия (из Советской России, рясофорная) — и никого на горизонте. Жалуеться, что благочестивых женщин много (все благочестивыми стали!), а на подвиг идти не хотят. Я думаю это потому, что сама жизнь труженицы сейчас подвиг предельный, и в нем чистота полной бесславы, скромности... Ни одной и в голову не приходит, что она «подвижница», а надень она клобук, может быть, и выросла бы в своих глазах. А тут покат в духовную гордыню. Для общественной работы монашеская ряса, конечно, много значит. Мать Мария часто на это ссылается, но «общественность» природе женщин чужда. Этим я объясняю «отсутствие людей», на которое жалуеться мать Мария, как когда-то жаловалась милая Екатерина Михайловна.

Вы так хорошо написали про нее, что я не удержалась и прочитала эту страничку Игорю.² (Он знает Лопатиных еще по Москве.) Щенки... Римский Папа... Шато в 50 комнат... Священники... Это такая русская путаница, что она неволью заставляет рассмеяться. Игорь смеялся буквально до упаду. Не посетуйте на меня, милая, что я не удержалась — и тем дала возможность человеку посмеяться, но в жизни Игоря, после смерти жены, так

мало веселых минут и так много забот, что минутка смеха — облегчение.

Целую Вас, дорогая. Спешу отнести письмо на почту. Привет Ивану Алексеевичу.

Душевно Ваша Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Св. Жанна де Шанталь (1572–1641). Овдовев, стала монахиней под руководством св. Франциска Сальского и основала орден Св. Встречи, распространившийся по всей Франции.

² Здесь и далее, Игорь Платонович Демидов (1873–1946), ближайший сотрудник «Современных Записок».

Пятница 29.IX.33
Париж

Дорогая Вера Николаевна!

Крепко Вас целую и поздравляю с днем Ангела. Дай Вам Бог всяких утешений, радостей, добрых вестей от родных, здоровья... всего-всего светлого...

Как-то Вы проведете этот день? Удастся ли поехать в церковь? Как Ваша невралгическая боль? Давно не имею от Вас письма и уже беспокоюсь, не хуже ли стало.

Сижу с насморком и не знаю, куда простуда соблаговолит двинуться: в горло, бронхи или в большой зуб: редко насморком одним она ограничивается.

Высылаю Вам книги. Не могла раньше, боялась рыться в пыльном шкафу с большим глазом: книжная пыль самая скверная, а у меня был злой ячмень и пришлось с ним долго возиться. У нас осень уже настоящая — дождь и дождь. Только холода нет, а так по-осеннему уже уныло.

Амалия Осиповна медленно выздоравливает. У нее было 3 воспалительных фокуса в легких, один за другим.

От плеврита в августе она очень ослабела, а тут еще новая болезнь ее настигла. Ослабело и сердце от этих двух серьезных заболеваний. Лечит ее Иван Иванович. Я ее посещать не смею. Иван Иванович потребовал, чтобы никаких посетителей не было. Они ее утомляли. Слава Богу, что ей лучше: она уже сидит в постели и температура нормальная.

Тороплюсь опустить письмо. Хочется, чтобы Вы его получили вовремя.

Еще раз целую Вас, дорогая, Иван Иванович тоже сердечно Вас поздравляет и шлет лучшие пожелания. Привет и душевные поздравления с именинницей Ивану Алексеевичу.

20.X.33
Париж

Дорогая Вера Николаевна!

Давно не писала Вам, дорогая Вера Николаевна. Мы болели гриппом всем домом. Началось с меня, и последовательно зараза обошла нас всех. Сидели в карантине, чтобы не передать грипп добрым знакомым, и только с неделю как закрылся наш домашний госпиталь. Грипп ходит скверный, какой-то стойкий, а по выздоровлении долго держится слабость. Осень стоит чудная, не понимаешь, почему эта эпидемия в тепло, в солнце...

Вы мне пишете о болезни бедного д-ра Рахманова. Ведь я его, жену его и мать так хорошо помню! Дни нашей молодости, Париж, 1912–1913 г. Рахмановы, братья Караффа–Корбут — общие друзья — их веселая энергичная тетушка К.У. Вериги, совместные развлечения по воскресеньям... потом Рождество 1913 г. опять в той же милой компании в Берлине — веселая «елка»... затем Москва 1915–1916 — и последняя мимолетная встреча с Рахмановым в Москве, 1920 г., на грязной лестнице комиссариата здравоохранения... Как все это было давно! И какие разные судьбы!

С большим восхищением прочитала Ваши строки о стирке. Какой Вы молодец! Я бы, наверно, не решилась приступить к такому трудному делу, горевала бы, недоумевала, как выйти из трудного положения, а за работу не догадалась приняться. А надо — как Вы...

Посылаю Вам книжки. Отобрала те, которые, мне кажется, Вам могут быть интересны. Из них, по-моему, «Рассказы странника» (боюсь, что Вы их уже читали) самая любопытная (и язык хороший). Эта книжонка переведена на английский и вообще поплыла по белу-свету. В ней есть что-то такое ценное по искренности слов и чистоте религиозного чувства, что славу свою она заслужила в полной мере. А мог ли думать этот скромный мужичок, сторожа гороховое поле, что над его рассказами будут ломать голову англичане и американцы? Впрочем, такая же судьба и писаний о. Иоанна Кронштадтского. Переводят, говорят, сейчас в Англии и наши акафисты, молитвы и богослужебные книги. «Открывают» православие, как античный мир в эпоху Возрождения. Не знаю, как Вы, милая, а я понемногу отхожу от книг о святых и перехожу к иной пище. Перечитала Паскаля — и не без пользы. (Кстати, признаюсь, хотя это и звучит неуважительно по отношению к столь знаменитому мыслителю, о котором написаны тома и тома: «красавец, а мне не нравится...») Потом попался мне Барт.¹ Это самый боевой протестантский богослов наших дней и создал уже свою школу «бартианства» — возвращение к духу Реформации, яростная борьба с косностью церквей, уклон к мистике пророков, словом, призыв к духовной революции в духе Кальвина. Эта книга у меня есть. Если заинтересовались бы ей — пришлю, с удовольствием. Она интересна для нашей эпохи, но нам, православным, не созвучна.

В часы отдыха перечитываю Тургенева. Из классиков он самый любимый мой писатель. Перечитала на днях «Бежин луг», и опять с восхищением. Там есть, помимо литературы, еще какая-то музыка — музыкальность самого восприятия мира, самого жизнеощущения. И хотя мальчишки — чуть фарфоровые — чувство реальности

читателя не покидает. Замечательная вещь! Римский-Корсаков вдохновлялся Гоголем — не Тургеневым, а между тем «Бежин луг» одно сплошное звучание... Я не знаю, как иначе определить его тонкую прелесть, кажется переливается уже за грань слова — в сферу бессловесной гармонии.

Что рассказать Вам про Париж? Эмигрантская жизнь все тише, общения людей все меньше. Все беднеют: одни скорее, другие медленнее, но это дела не меняет. Всем тревожно, невесело. Вы счастливица, что на юге, на воле. Природа такое утешение во всех тяготах и скорбях, а парижские эмигранты этого лишены.

Приезжал о. Алексей Киреевский² из своего скита под Реймсом. Их там трое: он (игумен) и два монаха — бывшие офицеры. Построили хибарку, развели огород и «предстоят Богу». Захолустье. На 4 км нет в округе жилья. Рядом кладбище — 600 русских могил. Живут в бедности, питаются очень плохо, молятся целыми ночами и... сияют. По крайней мере, о. Алексей произвел на нас самое отрадное впечатление — светлой, благовествующей евангельской бедности. Приехал побираться, Христа ради, на скит и «побрался»: кто что мог, уделил от своего достатка, не стесняясь ни размером, ни качеством даяний.

В связи с множеством впечатлений и встреч за эту осень, много думаю о бедности как бедности, то есть вне всяких предвзятых о ней учений. Что-то мне сдается — на основании всего св. Писания — что она не только экономическая категория, а в ней заложен глубокий религиозный смысл. Но это до другого раза. А сейчас, крепко Вас, дорогая, целую. И будьте уверены, хоть иногда долго не пишу, а помню Вас: такое уже мое свойство — крепкая память о людях, если я сознаю, что Бог с ними свел.

Привет Ивана Ивановича и мой Ивану Алексеевичу, а Иван Иванович шлет Вам привет еще особо и пожелание избавиться от невралгических болей.

Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карл Барт (1886–1968), швейцарский протестантский богослов.

² Родился около 1870 г. 29 лет подвизался на Афоне, во Францию прибыл в 1925 г. Скончался 8 ноября 1945 г.

7.XI.33

Париж

Вера Николаевна, милая! Я немного повременила с этими строками, представляя себе ясно, что у Вас творится! Сегодня узнала, что в конце недели Вы приедете в Париж, и мне захотелось, чтобы мое письмо Вы получили до отъезда.

Поздравлений наших дорогому лауреату не возобновляю. Мы высказали наши чувства в нашей телеграмме.¹ Сейчас скажу только об одном: общее отношение к событию (насколько я могла разобраться за эти дни) — торжество русских национальных чувств и трогательная симпатия к Ивану Алексеевичу, как к любимому русскому современному писателю. Эмиграция ужасно вся радуется, точно увидала в зеркале литературной славы Ивана Алексеевича неувядаемо-прекрасные черты любимой России. Подъем патриотического чувства гордости, самоутверждения и вера, что русская культура не погибла, если не погибла, а прославлена ее литература, — вот эмоции эмигрантского Парижа. Вас, несомненно, ждут горячие объятия соотечественников и множество патриотических речей... Ваша радость, оказывается, растрогала все русские сердца. Тут есть органическая нерасторжимость цветка со своим корнем — и слава Богу, что все так хорошо.

Это — о литературной славе Ивана Алексеевича и немножко об «общественности», а теперь — о Вас, дорогая, лично о Вас...

Если бы Вы знали, как я радуюсь, что кончилась Ваша трудная жизнь лишений, хозяйственных утомительных забот, неослабного труда! Я весьма бездарна в сострадании, а сорадование... это другое дело. Очень люблю радость всякую, где бы на пути она мне ни встретилась, и почему-то мне легко дается восприятие чужой радости как своей. Когда я вообразила, что кончились стирка, посуда и прочее, и Вы можете отдохнуть, я обрадовалась, и, признаюсь, это сорадование Вам — во мне сильнее всех других чувств, вызванных знаменательным событием.

Не скрою, я предвижу, что отрада отдыха, такого Вам необходимого, такого заслуженного, может смениться новой тяготой, если Вы полюбили духовную жизнь, ее тихое, ни с чем не сравнимое очарование: шум славы, вечное «на людях», больше светской суеты, чем интимного живого общения с людскими душами, тяжесть духовного пути в обстановке этому пути чуждой, яркое ощущение духовного одиночества, которое будет утомлять душу, быть может, не меньше, чем тело — стирка... — всего этого не избежать. Но это еще впереди, да и силы даются на все в свой час. А сейчас будем радоваться Божьей милости детски-простосердечно и благодарно...

Вы скоро приедете. Значит, мы увидимся? Нужно ли мне говорить, что я жду встречи?

Мы оба обнимаем Вас и дорогого Ивана Алексеевича.

Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В связи с получением Буниным Нобелевской премии.

Noël 25.XII.33

Paris

Конечно, дорогая Вера Николаевна, никто Вашего адреса от меня не узнает.

Спасибо, что написали. Из Стокгольма я не ждала вестей и, расставаясь с Вами, не хотела связывать просьбой мне написать: так легко было вообразить суету, которая Вас ожидала! В такое время человеку не до писем, да еще таких, какие Вы обычно мне писали. Так до времени я вестей и не ждала.

Судя по Вашему письму, воспоминания о Швеции у Вас чудные. Рада за Вас, что стокгольмские дни доставили Вам удовольствие. Это так понятно! Новые встречи, новый быт, разнообразие впечатлений... Жизненный опыт славы Вам был, по-видимому, нужен. Почему? Вы одна сможете потом дать себе отчет — почему, никто другой.

Как мне было досадно, что в день отъезда мне не удалось прислать св. Бригитту. Я сокрушалась, что Вы остались без книги, хоть прочитывать ее, такую толстую, Вам, наверно, и не удалось бы, а все-таки... Не думаю, милая, чтобы Вы могли после Стокгольма разлюбить наше с Вами любимое... Кто раз его познал, тот всегда к нему возвращается: никакие земные утехи заменить духовных радостей не могут, такова уж их сила. Простите, что пишу кратко. Хочу сегодня же отослать письмо. Нынче «вселенское» Рождество. Целую Вас, поздравляю с праздником и наступающим Новым Годом и желаю преуспевания на том пути, на который Вы давно уже вступили. Мне он кажется единственным, отвечающим Божьему замыслу о человеке; все остальное, что входит в нашу жизнь, — ступени бесконечной «лестницы восхождения...» И от нас зависит, чтобы неумоимо идти все дальше и дальше, не останавливаясь подолгу на каждой ступени.

Еще раз целую Вас нежно на прощанье. Прошу передать от нас обоим душевный привет и новогодние поздравления Ивану Алексеевичу. Иван Иванович сердечно приветствует Вас и шлет лучшие пожелания. До встречи! Когда?

Татьяна

Без даты

Милая Верочка!

Не написала Вам, как хотела, потому, что не удалось переговорить с Игорем относительно Л.Ф.¹ Сейчас узнала следующее. Игорь постарается напечатать статью на этой неделе. Если бы этого не случилось, — не он будет повинен, а «шеф»,² который уже два раза снимал статью с очереди и печатал материал, который, по его мнению, требовал спешного (по содержанию) опубликования. Вот все, что я узнала. Увидим. Во всяком случае, Игорь готов помочь беде. Спешу отослать Вам это письмецо. Снесу его на почту, чтобы скорее оно дошло. У нас холодно, как прежде. Топим. И в зимнем. Сегодня чуть теплее. Очень надоело мерзнуть.

Неделя (прошлая) была совсем пустая: без гостей и суеты. Хорошо поработала. Кое-что и почитала. Возьму с притчами Соломона. «Читать» их нельзя, а «повозиться» полезно. Для этого приходится разбираться что к чему; тогда получается не сборник мудрых советов *rêle-mêle*, а стройный кодекс Божественных законов духовной жизни. Об этом — при случае — в каком-нибудь «длинном» письме.

Целую Вас. Напишу Вам скоро. Думаю о Вас, милая, все эти дни. Очень мне было приятно вчера. Владимир Ананьевич³ с такой искренней теплотой говорил о Вас. Я так люблю, когда люди друг о друге — с добрым чувством... Привет Л.Ф.

Ваша Татьяна

В. Петр[овна] благодарит и приветствует Вас. О ней тоже после.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Леонид Федорович Зуров (1902–1971), писатель, жил у Буниных.

² Шеф — П.Н. Милоков, главный редактор «Последних Новостей».

³ Владимир Ананьевич Злобин (1894–1967), поэт, секретарь Мережковских.

Дорогая Вера Николаевна!

Простите, что я так долго не откликнулась и до сих пор не поблагодарила за поздравление, за милую открытку с Лаурой. В наказание я не знаю ничего и о Вас. Как Вы, милая, поживаете? Вы уехали утомленной. Вам хотелось отдыха и покоя. Что Вы делаете? Напишите о себе, о здоровье, обо всем.

Мое молчание объясняется житейскими делами: приехала на неделю подруга моей покойной сестры из Льежа. С ней я проводила много времени. Потом прихворнула не серьезно, но долго чувствовала себя вялой, а затем набежали всякие суетные дела в связи с одной научной статьей Ивана Ивановича. К старости ли дело идет или от непривычки быстро и споро со всем справляться, но на все идет много времени, а к вечеру иногда и усталость бывает. Это все обстоятельства внешние, которые не дали мне нужного досуга и тишины душевной, чтобы написать Вам. Но это ничего не значит: мысленно я часто бывала с Вами, а тут еще Цветаевский «Иловайский»¹ подвернулся, посвященный Вам.

Прочитала я эту статью с интересом. Не знаю, любите ли Вы Цветаеву как прозаика.

Мне не очень по душе ее вычурность и щегольство слов. За Цветаевой надо разглядывать Иловайского, а хотелось бы наоборот. Конечно, это дело вкуса, но по моему, чем проще, тем лучше. И мифа о Хроносе мне не надо, а просто: «Иловайский — дожил до глубокой старости, а все дети умирали молодыми!» Вероятно, играла роковую роль наследственность, и пожирающий своих детей Хронос тут ни при чем. Это лишь пример излишней завитушки мысли, а этих завитушек у нее довольно много. И все же прочла с интересом, и эскизный портрет Иловайского она дала. К тому же, читая ее, вспоминала ее, а она мне очень понравилась. Мне кажется, у нее милая, чистая душа. И вся она светлая, а бурное клочкотанье

ее стиля от чрезмерной живости ее психики, которую она не всегда может подчинить своей воле. Отсюда и некоторая хаотичность мыслей.

Прочли ли Вы «Маленькую Терезу» и как она Вам понравилась?

Ко мне приплывают с разных концов книги о «старчестве» и «старцах». Такая уж полоса. К сожалению, книги даются на срок, и я не могу ими распорядиться, как бы хотелось; а хотелось бы мне очень, чтобы и Вы эти книги прочитали. Все они издания Оптинской пустыни, написаны весьма бесхитростно (не то что католические, с их умелой разработкой своих тем), но именно благодаря их непритязательности сохранились живо, и свежо воспоминание об этих мудрых водителях нашей религиозной народной жизни. Для примера приведу хотя бы запись словечек старца Амвросия.

«От ласки у ней бывают иные глазки».

Как жить? — спросил я старца Амвросия. Он ответил: «Живи — не тужи, никого не осуждай, никому не докучай и всем мое вам почтение...»

* * *

Сказал одной монахини, которая боялась спать в номере гостиницы («потолок, батюшка, над постелью нависает, вот-вот на меня упадет...» — очевидно спала в мансарде): «Хоть ты и монахиня, а дурак набитый...»

* * *

Когда нападает гордость, скажи себе: «чудачка ходит...»

* * *

О себе суди по истине и правде, о других — по милости. О Достоевском отозвался: «Это кающийся», а о Соловьеве дал неодобрительный отзыв.

* * *

Я сказала, что те личности, которые при нем постоянно находятся, как при старце, по-моему, малодуховны.

— «А ты почему знаешь?» — спросил он. — «Да ведь чувствуется это», — отвечала я. — «А у них, может, есть такое тайное добро, которое выкупает все другие их недостатки, — ответил мне он, — да ты-то их не видишь. Милости у тебя мало, почему и судишь всех без снисхождения, смотришь только на дурную сторону, а не вглядываешься в хорошую».

* * * * *

Любимая пословица старца Амвросия: «Правда груба, да Богу мила».

* * *

«Жить просто — значит не осуждать, не зазирать никого. Например, идет Е. Прощла — и только. Это значит, думать просто. А то при виде проходящей Е. подумать о ней с худой стороны: она такая-то, характер у ней такой-то. Вот уже это непросто...»

* * *

«Если зацепят тебя, скажи: не ситцевая, не полиняешь».

* * *

«Раздражение и осуждение происходят от гордости», и т.д.

Я сделала эту выписку, думая, что она Вам будет интересна. К сожалению, интересно в книге все, да я не могу всего передать. Сейчас читаю старца Антония Оптинского, обещан мне старец Лев, а старца Моисея, основателя Оптинского старчества, я уже прочла. История возникновения старчества на Руси в книге о Моисее приведена полностью. Оно исторически связано с разгромом монастырей (иначе нельзя назвать) законодательством Екатерины II о монастырском хозяйственном устройстве.

Однако я, кажется, никогда не кончу. Если Вам интересна выписка моя, я с удовольствием спишу все, что сама записала. Записала я и два зловещих сна, которые были присланы в Оптинскую пустынь старцам на истол-

кование. Один 1866 г.; другой — в 1871 г.: О гонении на Церковь и о гибели России. И это 60 лет тому назад! Страшные, вещие сны...

Целую Вас нежно, дорогая. Привет Ивану Алексеевичу.

Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о произведении М. Цветаевой «Дом у старого Пимена» («Современные записки», 1934) с посвящением: «Вере Муромцевой, одних со мной корней».

28.II.34

Paris

Спасибо, дорогая, за Ваше доброе письмо. Наши письма встретились; вероятно мы писали и читали их одновременно.

Вы так ласково предлагаете перейти на имена, и я откликаюсь на это с радостью. Мы этим отметим этап наших отношений: географически мы неизменно разобщены, а душевно чем-то уже связаны. Верю, что из всего вместе передуманного и перечитанного, из нашей переписки, общего религиозного влечения к совершенству и искреннего желания понять и помочь друг другу — Бог создаст то редкое, что именуется «нелицемерной дружбой». Мне кажется, что дружба — редкий дар небес, очень редкий; может быть, более редкий, чем любовь. Мы только привыкли дружбой называть отношения просто приятельские. Дружба, ведь, не «добрые отношения», и не симпатия, и даже не общность интересов или гармония характеров, а все это вместе, плюс какой-то еще X. Мне всегда казалось, что X этот — предназначенность свыше двух душ для дружбы. И признак этого в радостном чувстве необходимости...

Написала «необходимости» и взглянула в окно... Снег! Снег!.. Кружится пушинками...

Продолжаю письмо, но не мысль — мысль и так ясна.

Так вот, Верочка (я называю Вас так, как зовут Вас Ваши близкие — «Верочка» — а иные: «Верочка Бунина»). Я рада, что наши парижские свидания нас сблизили, не отдалили (в жизни и это бывает), и надеюсь на Божие участие в нашей юной, только еще зацветающей дружбе.

Что мне Вам рассказать про последнюю неделю. Я по-прежнему в «старцах». Они меня очень привлекают, хотя многое в них и удивляет — их своеобразное отношение к народу. В книге об Амвросии Оптинском собрано много записей о беседах старца с посетителями. Странно! Приходили люди со всякими-то своими житейскими делами, а уносили на всю жизнь из Оптиной какой-то путеводный огонек: батюшка благословил, батюшка не благословил, что бы сказал батюшка? Тут и женитьбы, и покупки недвижимости, и падеж индюшек, и операции, и пьянство, и перемещения по службе... И в «беседах» никаких вещаний принципов христианской жизни, истолкований основ веры — ничего! А только практические советы и обычное: «иди, исповедуйся и причастись». После католической, до тонкости разработанной религиозной педагогики, все это кажется примитивным и до того утилитарным, что недоумеваешь, в чем же мудрость старческого водительства, а если прибавить к этому, что старцы иногда посетителей и поколачивали, случалось и «заушали» и выражались довольно грубо, никогда, однако, этим не отпугивая и не возмущая, то уж теряешься окончательно. Только чутье подсказывает, что надо пренебречь формой и искать смысла этого практического метода спасения людей. Старцы были (может быть, и бессознательно) тонкие психологи.

В душе человека есть всегда больное место, то самое, от которого и бессонные ночи, и тревожные раздумья, и изнеможение душевное, именно эти переживания и приводили людей за сотни верст к старцам. С практически-верного совета, с утешения в житейских невзгодах все и начиналось — самая возможность воздействия духовного старца на души и жизни. Правда, этот метод

очень опасный, но ведь «tout ce qui est sublime est peril-leux»... Оптинское старчество интересует меня еще и лично (история возникновения Оптинской Пустыни), но об этом когда-нибудь в другой раз.

Вы пишете про книгу о Франциске Ассизском. Спасибо сердечное за желание ее прислать, но я прочла уже две — и превосходные — об этом чудном святом: Sabatier¹ и Jergenson'a.² Sabatier — лучший труд о нем, хотя написана эта книга уже давно.

Радуюсь, что книга о «маленькой Терезе» Вам понравилась. Верно — она очень хорошо написана и глубоко прочувствована. Вы хотели знать, что разумела она под «*ma petite voie*», — в книге анализ дан полный. «Маленькая Тереза» любимица Зинаиды Николаевны. Она ее воспела в ряде стихотворений. Почему-то св. Тереза нежно ей полюбилась, ее простота и чудная девочка невинность ей пришлись по душе. Уж очень утешительно убеждает нас эта милая девочка, что Бог так милостив, как и не смеешь даже думать; что все простится...

О парижской жизни не знаю, что и писать. Газеты Вам все расскажут лучше, чем я. А вне общих событий — все однообразно. Для души однообразие весьма полезно — и слава Богу. Новость в моей жизни только две канарейки. Мне их подарили в тот день, когда мы с Вами встретились в церкви, у всенощной. Они меня очень забавляют. Щебечут целый день и смешно купаются. Меня узнают и уже больше не боятся, когда я начинаю чистить и убирать клетку. Приветливы и любяют, когда с ними возишься, вообще, когда обращаешь внимание. Я ублажаю их птичьи вкусы, как только умею и могу. Правда, они не очень разнообразны: качаться на гирлянде или склевать сердцевину салата. Знатоки обещают, что в апреле они начнут выводить птенцов.

Однако, пора отсылать письмо. Напишите, дорогая, как себя Вы чувствуете? Прошло ли Ваше утомление?

Хорошо бы Вам принимать «фитин». Это лекарство укрепляет нервную систему.

Посылаю Вам открытки. Этот домик — скит над Реймсом, а монах — игумен его, отец Алексей Киреевский (из рода Киреевских — славянофилов), 30 лет был на Афоне, «имел откровение» идти в мир, перебрался во Францию и тут основал скит. Живет с двумя учениками-монахами у самого кладбища, соблюдает строгий афонский устав с ночными службами, которые длятся по ночам с 12 до 5 утра. Это отец Алексей снабжает меня книгами о старчестве. (Он привез свою библиотеку с Афона.) Когда будет тепло, собираюсь к нему в гости. Рядом со скитом он выстроил барак для приезжающих, такая же «избушка на курьих ножках», как и скит, но весной ничего, жить можно. Окрестные французы хорошо относятся к нашим «отцам пустынноикам», почитают за усердие и подвижническую жизнь. Место пустынное, только кладбище рядом, потому и удалось о. Алексею купить этот участок земли за пустыки какие-то: кто же поселится возле кладбища!

Опять заговорила с Вами, милая Верочка. Теперь уже «окончательно кончаю». Целую крепко. Привет Ивану Алексеевичу и Вашим «детям». Жду весточки.

Таня

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Sabatier, Louis Auguste (1839–1901), религиозный мыслитель.

² Jergenson, основатель протестантского богословского факультета в Париже. Датский писатель. Написав книгу о св. Франциске Ассизском, перешел в католичество.

Понедельник
26.III.34

Ваше письмо, Верочка, меня огорчило. Что же, дорогая, с Вами? И еще доктор пугает, что выздоровление нескоро... Я думаю, это реакция на последний год Ваших материальных забот и трудов. И столько грустных

вестей пришло из России... А затем — суета: Париж, Стокгольм... опять Париж. Понимаю, как трудно в этом состоянии читать что-нибудь отвлеченное, да и вообще сосредоточиться. Болезнь сама по себе не тягостна, если не отражается на душевном состоянии; иногда она даже обостряет мысль и благоприятствует духовной жизни. Но такие благодатные болезни не часты, а обычно немощь овладевает и телом и душой.

Простите, дорогая, если в этом состоянии я еще стала много и утомительно рассказывать Вам о старцах, о их поучениях... В тот день, вернее, дни, когда писала, я составляла себе в назидание список «слов», извлекая их из множества рассказов о встречах со старцами, которыми наполнены книги о них (иногда они не написаны, а просто составлены из этих рассказов очевидцев). Кое-что прочитала Зинаида Николаевна, кое-что нам очень понравилось по меткости и уменью сложное упрощать до прибаутки. Под впечатлением своей работы я и обрушилась на Вас со старцами.

Вот видите, мы с Вами одинаково о Марине Цветаевой. Может быть, мы о ней и верно, потому что главное отделяем от второстепенного. Марина Цветаева прочла доклад о Белом. Ее винят за излишнюю откровенность, за чтение писем к ней Белого с эстрады... «Было неловко...» Может быть, «было неловко», но это же маленькая женская слабость — болтливость о том, о чем лучше смолчать; на это хочется посмотреть как на второстепенное: необдуманный порыв — и только. Сказался и дух времени, вероятно. Теперь «en vogue» все узнавать и все рассказывать о жизни примечательных людей, даже то, что никогда раньше не подлежало бы обнародованию. Вспомните хотя бы опубликование писем бедной Государыни! Интимнейшие письма жены к мужу... И сколько за эти годы в этом же роде было «ужасов». А что говорить о грязном фельетоне Осоргина¹ о берлинской жизни Белого — и сейчас же после похорон!² Почему с людьми после их смерти, как с вещью? Как при жизни было бы невозможно, потому что грубо? Никак мне не примириться с этой «национализацией» интимности, того

милого, тайного круга переживаний человека, который для него одного и существует и должен, если на то его воля, с ним и исчезнуть.

Была вчера на любимой службе «Похвала Богородице» и опять в изумлении, точно впервые. Может быть, одно литургическое творчество и способно передать (и то, конечно, приблизительно — в символах) тончайшую красоту божественной женственности. Никаким логическим понятием ее не уловить. Эти ликующие всплески хора «Радуйся, Невеста невестная»... и опять «Радуйся...» и «Радуйся...», а затем «Взбранной Воеводе победительная...» и через 2-3 икоса вновь о победности благодатной женственности над всяким злом («яко имущая державу непобедимую»...) — и опять ликующее: «Радуйся...» И что это такое — таинственная «Невеста невестная»? Я много думала над этим, искала в Библии, в пророках (правда, недостаточно, надо больше), но пока только в Бытии (3, 5-16) и в псалме 44, 11-18 нашла хоть какой-то богословский ответ на преображенную «Еву» («новую Еву», как говорит церковь). Мы молимся Богородице, но этого мало, то есть, я бы хотела еще что-то знать. Есть особый религиозный путь — «подражание Христу», а есть ли путь приближения к богородичной женственности? Или «не про нас это писано»? И между Нею и нами — пропасть разнопородности, как учат католики (*immaculée conception*)? Но Православие настаивает, что и Богородица была в первородном грехе, как мы, и пропасти нет. Если Вы мне напишете, что думаете об этом, будет польза большая. Иногда «вместе» находишь то, что одной не под силу.

Простите, если я опять пространно и, быть может, утомительно. Но я пишу обычно (в таких письмах, как к Вам) о том, что в данное время меня волнует или о чем пристально думаешь... а написанное нынче — следствие Пятницы, «Похвалы Богородице».

Стоит весенняя ясная погода. Чувствуется приближение весны, но все еще надо в зимнем. Свежо. Жду не дожусь Швейцарии, но раньше 15 июля не уехать по разным соображениям. Вот если бы и Вы собрались в

горы! Как бы отдохнули! Мы имеем шестилетний опыт и можем смело утверждать, что высота (мы выбираем высоту 1700-1800 м) чудодейственно влияет на организм (особенно на обмен веществ, на расстройство функций желез). Уж я не говорю о сердце. В Швейцарии стало жить дешево: можно найти пансион за 30-35 фр. (франц.); еще 2 года тому назад менее 50 нельзя было жить. И скидка летом на железных дорогах 45%! Я мечтаю всякую весну о Швейцарии как об уголке рая. Люблю снег, горы и тишину в горах. И горные суровые леса...

Очень бы мне хотелось, чтобы и Мережковским Бог помог нынче отдохнуть в Швейцарии. Мы уже многих соблазнили из русских парижан, и все соблазненные ежегодно — туда. Милюковы уже 4 года; Волковы тоже; Мышевские тоже. Если бы и Вас удалось мне уговорить! Только надо забраться очень высоко. Все дело в высоте. Я почему-то уверена, что Вы бы там окрепли и все Ваше недомогание там как рукой сняло.

Иду гулять — и за покупками. Целую Вас, милая Верочка, и жду вестей, Бог даст, хороших... Привет от нас обоим Ивану Алексеевичу.

Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Осоргин М.А. (1878-1942), писатель.
- ² Андрей Белый умер в 1934 г.

(Продолжение следует)

НОВИНКА! НОВИНКА! НОВИНКА!

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «УМСА-PRESS»
ПРЕДЛАГАЕТ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ**

**МАРИНА ЦВЕТАЕВА
Песнь жизни**

*

**MARINA TSVETAËVA
Un chant de vie**

**Труды Международного Симпозиума,
проходившего в октябре 1992 г. в
IV Парижском университете**

Colloque International de Paris

В книге опубликованы доклады А.Саакянц, Н. Катаевой-Лыткиной, В.Швейцер, Л. Мнухина, Ю.Клюкина, Е. Коркиной, А. Копршиовой-Вуколовой, Д. Десанти, В. Лосской, Г. Горчакова, М. Белкиной, О. Ревзиной, Л. Зубовой, А. Вознесенского, С.Синьорини, Е. Эткинда, Л. Файлер, С. Ельницкой, И. Кудровой, А. Смит, И. Шевеленко, Г. Ванечковой, Э. Анри, Ж. Бонамура и М. Этьен.

УМСА-Press, Paris, 1996, 433 стр. Цена: 180,- фр.

**Заказы направлять: LES EDITEURS REUNIS –
11, rue de la Montagne Sainte Geneviève**

75005 Paris, France - Tél. : 43-54-74-46; Fax: 43-25-34-79

СУДЬБЫ РОССИИ

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

ДОКЛАД

**На Четвертых Рождественских образовательных
чтениях при Московской Патриархии
21 января 1996**

Ваше Святейшество!
Честные отцы! Уважаемые коллеги!

Осмелюсь предложить собравшимся некоторые соображения, как сегодняшнее церковное состояние соотносится с нашим историческим прошлым. Я надеюсь, они окажутся небесполезными для вопроса об образовании в русской школе.

В жестоком кризисе России, который поразил всех нас и в котором виноваты все мы, нельзя нам не оглянуться на то прошлое, десятилетиями и даже веками подготавливавшее этот кризис. Русская Православная Церковь тоже вложила в это бедственное течение и тоже разделяет ответственность за сокрушительное историческое поражение русского народа, испытанное и испытываемое им в XX веке.

По моему глубокому убеждению, первая роковая трещина в нашем хребте, первый жестокий удар нашему духовному и национальному сознанию мы нанесли себе губительным Расколом XVII века, безоглядно жестокими карами государственной и церковной властей по отношению к миллионам вернейших и трудолюбивейших

своих подданных, и всё — лишь из-за мелких, необязательных обрядовых новизн. И это жестокое преследование своих единоверных мстительно, с пароксизмами усиления, продолжалось — невероятно вымолвить — 250 лет! — до 1905 года, когда и прекращено-то было не по раскаянию той и другой власти — а от общего сотрясения России, уже предвестника конечного обвала. Скоро минет с того года и еще столетие — и поднялись ли мы до того, чтобы наконец просить прощения у гонимых? Нет, в разных ветвях нашей Церкви решились только... *простить их*, гонимых, и снять с них анафему. Одна эта историческая борозда обнажает, насколько же мы негибки сознанием и насколько же не созрели до широкодушия.

Мы и понесли свою расплату. Под имперской дланью правительства пригнетённо теряя свою независимость и свой духовный авторитет, наша Церковь вслед за потерей большей части образованного класса стала в конце XIX и в начале XX терять верующих в самой цельной и преданной части народа — в крестьянстве, в селе, не говоря уже о простонародьи городском. Это нравственное отпадение уже тогда открылось внимательным взорам, а с приходом революционных лет оно стало питательной почвой, поставщиком кадров молодежи, так потребных революционерам для их разрушительных действий.

Низшей точкой падения самостоятельности Русской Православной Церкви, унижения ее, видится мне февраль-март 1917 года, когда церковные иерархи, когда Святейший Синод, запуганные политическим и идеологическим ветром эпохи, не только не нашли в себе стойкости преградить путь развалу России, сказать своё громкое и властное «нет», но послушно включились в игру февральских однодневок и даже в пошлую их терминологию. К счастью, от этого низшего мига началось уже и взятие, подъем церковного духа: и воодушевленные народные выборы митрополитов Тихона и Вениамина, и начало заседаний Поместного Собора, оставившего нам наследство и по сегодня драгоценное, еще во многом не использованное. Однако это начавшееся духовное возро-

ждение уже непоправимо отставало от стремительного хода революционных сотрясений России.

Да, в коммунистических зверствах 20-х годов Русская Православная Церковь выстояла сотнями и тысячами мучеников, безколебно отдавших жизнь за веру с душевной твердостью античных первохристиан. Их пример, крепость и правота их духа — завет нам, и свидетельство, что живой поток веры не пресекался в русском народе и после Серафима Саровского, и во все десятилетия массового обезбоживания. Однако на поверхности, для мирового обозрения, видится другое: большевики грабили алтари, закрывали, оскверняли десятки тысяч храмов, сотни монастырей, — и лишь в 1918-1921 встретили разрозненные попытки сопротивления, а в последующем десятилетии, при полном разорении и омертвлении православного лика страны — наш народ уже не имел воли к сопротивлению, зато в каждом селе находился доброволец взлезть на купол храма и сшибить крест. И в глазах всего мира так и висит над нами повторяющимся укором: как же ваш народ все это допустил? значит, он сам этого хотел? Тем, кто не пережил нашего ада — и объяснить-то невозможно. (Снаружи и издали было не заметно, что именно это большевицкое гонение на Церковь и отбирало, и закаляло подлинно верующих, готовых на жертвы и даже смерть за веру. Хорошо помню и по своим мальчишеским впечатлениям, как в конце 20-х годов именно эта атмосфера преследования Церкви создавала и притягательность к посещению церковных служб, распрямляла душу.)

Конечно, массовое отпадение от христианской веры — это процесс мировой, и длится уже не первое столетие, и русский народ не авангардный в нем, — но сложилось так, что именно у нас большевицкое глумление столь кричаще выявило мерзость той пропасти, в которую опал народный дух.

Однако чтобы не сваливать все происшедшее на силу внешнюю относительно христианства, надо с самоответственностью спросить: а в чем мы с а м и подготовили этот провал? Из первых вопросов, встающих тут: хотя

вектор неотмирности органически присущ христианству, но в уклонении русского православия «от мира сего» не было ли избыточного перекоса? Верна ли была почти принципиальная *внесоциальность* православия? (Или, точнее: не только преимущественная, но почти всецелая обращенность его к воздействию личностному.)

Это не раз отмечали наши мыслители. Бердяев писал: «Православие не воспитало русского человека для исторической жизни, для самостоятельности и дисциплины.» Иван Ильин: Народное самочувствие, еще от Московской Руси, таково: мы храним единственную веру, и нам нечего перенимать у других; но это — церковно-национальное самомнение, неподвижность быта и сознания, опасная духовная инерция.

Изучая предреволюционную русскую историю, я не мог не поразиться: на крупнейшие общественные события у нас были в арсенале как будто всего только два общественных ответа: или отслужить молебен, или отслужить панихиду. В таких двух поворотных точках истории, как убийство Александра II и убийство великого реформатора Столыпина, — разве мы ответили на злодеяния усилием продолжить и развить реформы? Нет, только панихидами. Считали ли современники, что это освобождает их от действий? А на судьбоносный урок самсоновского поражения в 1914 году мы даже и панихидами не отозвались, но перекрыли ликованием о прибытии в Ставку чудотворной иконы.

Посмотрите, как социально энергичны и католичество, и протестантство, и ислам, и иудаизм, — они активно участвуют в общественной жизни верующих. Конечно, и русская дореволюционная Церковь создала по стране сеть богаделен, приютов, строила прославленные впоследствии больницы. И все же: именно православие разрешало себе чрезмерно ослабить внимание к земной жизни в помышлениях о мире ином. И посмотрите, как большевики острее всего боялись и запрещали именно социальные проявления нашей Церкви: уже уступя с 40-х годов и часть храмов и право богослужения внутри храмов, — они жестоко подавляли

всякое церковное движение из храма в общество, в быт, даже в благотворительность. А уж в нашем сегодняшнем невиданно смятенном обществе, при нашей потерянности не только в духовной, но и прямо в общественной жизни, когда в стране не стало уже почти никаких организованных сил, истинно озабоченных судьбой России, — насколько же народ нуждается в помощи от православной Церкви и положительной активности ее, выходящей за пределы лишь приходского благочестия.

Конечно, принимая решение вести активную социальную жизнь, Русская Православная Церковь вынуждена определить и ряд конкретных дозволений и ограничений. Так, решением Архиерейского Собора декабря 1994 года запрещено участие священников в политических партиях — и это не вызывает сомнений. Но тот же Собор запретил священникам и личное участие в законодательных органах — это уже можно оспорить. В последних дореволюционных Государственных Думах бывало по 20 и больше депутатов-священников, и их присутствие и деятельность там влияли на Думу в положительную и благотворную сторону. А сегодня кроме центральной Думы существуют законодательные собрания и в областях, иногда и в районах, надеюсь, разовьется и земство, — и практическое участие священства во всех них может дать еще более плодотворные результаты. Зачем же надо лишать окружающую жизнь прямого воздействия на нее — священства?

Вот, последний Архиерейский Собор постановил «активизировать сотрудничество Церкви со светской прессой, радио и телевидением». Эта форма могла бы оказаться и весьма плодотворной, но только при исключительной осторожности использования ее. Всякое злоупотребление ею, всякий переклон в сторону показности может причинить вред. Например, когда при безусловно желанном, особенно для нашей обездоленной глубинки, показе праздничных богослужений, телевидение выпячивает присутствие высоких гражданских чинов, со свечами в руках.

Сложнее вопрос о соотношении Русской Православной Церкви и российского правительства. Нечего и говорить, что никогда уже не возобновится соотношение дореволюционное, не надо его и добиваться. Но насколько вообще следует Церкви держаться за государственную руку и поддержку? Это и в самые благоносные времена не усиляет духа Церкви — и безусловно ослабляет ее позиции в глазах народа, особенно неверующей части его. Тем менее это желательно в наше смутное время, когда правительственные органы и не владеют реально обстановкой в стране, и еще менее того пользуются доверием и симпатиями народных масс. Вступая в великий подвиг помочь русскому народу в его духовном и физическом возрождении, и еще особенно в нынешний момент, который Его Святейшество справедливо охарактеризовал как мировоззренческую растерянность, духовный вакуум, заполняемый безнравственностью и псевдокультурой, — наша Церковь должна обрести мужество укрепляться самостоятельной силой в стране. Тесное сотрудничество с правительством еще более затрудняется для русской Церкви и тем, что российское государство ныне держится за фальшивую форму «федерации», исторически не присущую России, никогда в ней не бывавшую, наследие ленинского плана подавления России. Форму, как бы вырывающую прочь из России обособленные пространства. Форму тем более нелепую, что русские составляют в стране подавляющее большинство, 82% населения.

Другая сторона: каковы остаются обязанности российского государства относительно православной Церкви? Всесовершенно и всемирно признано, что всякая Церковь должна быть отделена от государства. Но в нашей специфической советской и послесоветской обстановке этот тезис усиленно толкуется в том смысле, что Церковь должна быть также полностью вытеснена и из общественной жизни. (Впрочем, такое же мнение овладевает и Соединенными Штатами, укрепляется и в некоторых европейских странах.) Однако: отделение Церкви от государства никак не означает отделения Церкви от общества!

И еще одна сторона: Церковь отделена от государства, да, — но может ли наше российское государство позволить себе быть отделенным от христианской этики? От порожденной православием национально-культурной русской традиции? Да еще после того исторического груза вины и злодейств, которые государственная власть в нашей стране 70 лет совершала по отношению к Русской Православной Церкви, длительней всего и жесточе всего именно к ней? Да, Церковь ныне почти повсюду в мире отделена от государства — но духовная традиция не подвластна юридиксму. И ни у кого и сегодня не вызовет протеста выражение: «Франция (Италия, Испания, Литва) — католическая страна», или «католическая Церковь — душа Польши». Однако с негодованием будет в публичности воспринята фраза: «Православие — душа России», — хотя именно из православия и на православии выросла Русь.

При всеизвестном уже общем мировом падении христианства в нашу эпоху (пишут, например, что в Германии, в недавнем опросе, 40% не могли объяснить, в чем суть праздника Рождества) — казалось бы: все отдельные ветви его, отдельные христианские конфессии должны бы дружески сотрудничать в противостоянии мировому атеизму, а уж никак не конкурировать, не стараться отобрать поле влияния друг у друга. Но именно это происходит сейчас на территории России: и протестантство, и особенно католичество с энергичным напором устремились завоевывать верующих в нашей стране, хотя насколько естественней было бы им усилить заботы о пастве, теряемой в своих странах, где церкви часто пустуют. И неужели такая агрессивная конкуренция — в духе примирительного экуменизма? Как тогда понимать слово «экуменизм»? Да, конечно, при высокой взнесенности юридических представлений нашего века — «все имеют на всё равные права». Но как часто повсюду это равенство оказывается мнимым, если оно не подкреплено презренным металлом. Так и в нашем случае: после 70-летнего также и материального разгрома русского православия, при его нынешней материальной бедности

— какие *равные* возможности у него могут быть при валютном перевесе иностранных проповедников, легко закупающих длительные телевизионные программы или финансирующих свои организационные структуры на территории России? Все мы — в том числе и наше государство, ответственны и перед русской историей, и перед русской культурой, в которые вклад православия несравним с другими вероисповеданиями. Всю глубину и объем нашего бытия нельзя определять одними лишь юридическими мерками. Проблема тем более обостряется, когда речь идет о религиозных и даже псевдо-религиозных (принявших религиозную окраску для мимикрии) сектах, среди которых есть прямо преступные, извращающие даже и воспитание наших детей. Пока мы выслушиваем строгие предупреждения, что Церковь должна быть отделена от школы, — а секты уже во множестве льются в наши школы под разными прикрытиями и переучивают на свой лад наше отрочество, я получаю об этом тревожные жалобы родителей и учителей. (Есть и организации всемирной силы и необъятных денежных средств, например так называемая «церковь Муна».)

Однако надо и признать, держа в памяти наше прошлое, что Церковь наша многие века была освобождена от реального духовного соревнования с другими конфессиями за души верующих — а способность к такому соревнованию утрачивать нельзя.

Есть и еще сторона в соревновании вероисповеданий, на которую мы, по общему принципу начинать исправление всегда с самих себя, должны обратить сугубое внимание. Вот — русский баптизм. За эпоху большевизма лихолетья, когда православная Церковь была и полностью запрещается подолгу, — баптисты приобрели столь большой успех среди русского населения, какого и сравнимо не бывало у них раньше. Они отнюдь не используют грубых приемов иных западных сектантских проповедников — не опирают моральных призывов на доводы расчета, не используют и шаблонной рекламы. Они воистину ищут смиренности, а евангельскую проповедь ведут для соотечественников — на простом

доступном русском языке и в полносознательной связи с современностью. Тут — мы должны увидеть для нашей Церкви предупреждение.

И еще особенный поворот вопроса в том, что русские баптисты — наши единокровные соплеменники, в обычной жизни — это обычные русские люди. Если мы порой используем термин «национально-религиозный нравственный идеал», и это правомерно, то надо охватывать и все выводы отсюда. Как никто из нас не может войти в веру иначе, чем неся с собой и весь свой индивидуальный душевный комплекс, — и только уже в устоянии и развитии своей веры пытается облагородить его и возвысить, — так мы и не можем войти в веру иначе, нежели неся с собой и наши национальные характеристики и мироощущение — и только в христианской вере возвысить их. Никак не правы те, кто говорят: станьте «просто христианами» и забудьте о своей нации. Это — и неосуществимо, да и попирает неведомый нам Господень замысел о нациях. (Приводят довод: ведь сказано в Евангелии: «несть эллина и иудея». Однако изречение это имеет в Евангелии и продолжение: «несть женска пола и мужеска», — а значит, вся мысль Нового Завета не должна быть трактуема столь примитивно.)

За последнее почти целое столетие уничтожения, пленённости, страдальчества нашей Церкви, за век, где мы были лишены простора естественного развития, — человечество совершило в понятиях и быте несколько стремительных прыжков-переворотов — и мы теперь должны не просто подняться на ноги, но и — не упустить влиять на наш столь изменившийся народ.

Большинство нашего народа — как, впрочем, и большинство современного человечества — это новые язычники. Вход к ним с христианской проповедью — трудней, чем к язычникам античного времени. Нынешние язычники либо нахватались верхов разных идеологий, философий, наук, либо даже изошрены в них — и во всяком собеседнике естественно претендуют встретить уровень не меньший.

На моих за последние полтора года многочисленных публичных встречах в России мне не раз приходилось слышать от соотечественников фразы, подобные такой: «Да, мы конечно за духовное и нравственное возрождение России — но не через Церковь: она обращает нас в прошлое». Многие русские люди сегодня либо чуждаются традиционного православного богослужения, либо вообще не принимают христианского мировоззрения. Известны и такие случаи: побывав в храме несколько раз, современный человек отвергается от него больше, чем если бы не переступал и порога. И — как же говорить с ними православным проповедникам? Чтобы иметь успех, нельзя выступить с беспрекословной диктовкой: «А вы — перестройте ваше сознание, и будьте, как мы. Подражайте нам!»

Из одного областного города, не стану его тут называть, я получил вот уже не первое письмо от своего давнего корреспондента, он писал мне и в Америку. Он — преподаватель средней школы, и рассказывает о свежем опыте общения-беседы, который произвело епархиальное руководство: устроило встречу священников и студентов тамошнего православного университета с одной стороны — и учителей городских школ с другой. Приведу отрывки из его письма: «Мы, в большинстве учителя истории и литературы, пришли на встречу с огромным интересом и желанием — если не войти в Церковь, то, во всяком случае, приблизиться к вере. Но результат и наше общее впечатление от мероприятия оказались неожиданными для нас самих: нас всех что-то оттолкнуло, разочаровало. Владыка — по мироощущению настоящий борец за православную веру, объяснял нам сущность ее энергично и прямо: «Это огромное счастье — быть православным и верить в Христа, быть с Ним и в Церкви: нет в мире ничего такого, что могло бы сравниться с этим чувством единения». Его искреннее глубокое чувство выплеснулось как бы в отчаянии от сегодняшней тяжелой для Церкви обстановки. Однако его помощники (и принявшие сан сравнительно недавно) произвели удручающее впечатление: какие-то вялые, не

уверенные в том, что говорят. Они, а также студенты, оказались во многом некомпетентными толкователями. Безусловные знатоки молитв и всей служебной практической-литургической стороны Церкви, они, однако, не проявили сколько-нибудь полных гуманитарных знаний, связи с историей, литературой, религиозной философией, да и по богословию не могли ответить на дотошные вопросы школьных учителей. Чувствуется, что Церковь сегодня очень слаба составом, и некоторые священники чаще отпугивают от веры, чем привлекают к ней.» — И еще такую деталь он приводит: «Мы, учителя, привыкли в школе говорить громко и внятно, эмоционально, иначе не завладеешь аудиторией. А у выступавших священников — речь тихая и едва слышная даже при полной тишине в зале. Да, учителя — терпеливые люди, они будут слушать, не прерывая и молча, все, что им говорят, и даже с чем они не согласны. Но попробуйте подобным образом поговорить с рабочей аудиторией, которая собирается ныне исключительно по поводу зарплаты, — засмеют, зашикают, не захотят выслушать и понять.» — И заключает: «Эта встреча убедила меня, что в ближайшие годы массового воцерковления народа не произойдет. И все возбужденные несколько лет назад разговоры о «религиозном ренессансе», о переполненности храмов — только благие пожелания. И кто из моего круга не остается в безрелигиозном состоянии, те часто уходят в инославие, в секты, — не потому, что им так уж нравятся баптисты, а оттого, что православная Церковь кажется им косной, архаичной, громоздкой, как будто лишшающей их самостоятельности на пути к Богу. Вот такая обоюдная разобщенность: священники — там, сами по себе, а мы — здесь, горды и отвергаем не проверенное нашим разумом»....

Очень понимаю эту трудность: объясниться и быть понятым ныне в области религиозных размышлений. Приложу мой малый опыт: в «Красном Колесе» я написал несколько религиозных и даже церковных глав. Но над каждым абзацем и каждой строчкой я старался ощущать и видеть — читателя только современного, не смея

допустить выражений догматически вещательных или языком уже отошедшей поры.

Что поделать? — мы живем в э т о м труднейшем времени, и после десятилетий грубейше материального восприятия жизни, еще по-новому ожесточившегося в последние годы. И мы обязаны напрячься и понять современное безбожное сознание — и в его самоуверенности, и в его неуверенности — и искать, и искать все возможные точки наших положительных контактов с ним. Мы обязаны научиться разговаривать и с полными атеистами, и с ищущими веры — без самодовольства единственных охранителей Истины и на языке, который приемлем для современников, не отталкивает их. Расслышать суть их вопросов — и давать им ответы в формулировках, соответствующих развитию сегодняшнего человека. Вот тут и пригодится исконная православная традиция *личностного* воздействия.

Да, православному духовенству еще много понадобится усилий, чтобы утвердить за собой авторитет духовного направителя масс. И надо крайне остерегаться самим и удерживать тех, кто в проповедничестве отдается воинствующему антикультурному направлению, да еще с повторением прежде усвоенных приемов тоталитарной эпохи. Но как же нам, после высших достижений русской православной мысли в XX веке, позволить себе отделиться от них и опуститься ниже.

Двадцать лет назад в обширном письме III Собору Зарубежной Русской Церкви мне пришлось напомнить: «Загадочным образом всякое *стояние*, чтоб удержать свои позиции неискаженными, должно *развиваться* во времени.» Это — справедливо во многих исторических ситуациях, это вполне относится и к сегодняшнему положению Русской Православной Церкви. Нисколько не колебля ни ее основ, ни православного миропонимания — искать и доводы, и формы, и действия, внятные нашим современникам-соотечественникам.

Да и как можно спорить с абсолютной неизбежностью какого-то обновления форм и обрядов богослужения? Кто бы в раскольном споре XVII века предсказал,

что наследники тогдашних победителей, говорившие: «нет ничего страшного в естественном изменении обрядов», — именно мы через три века скажем: нет! никаких и ни малейших изменений не допустим!

В какой-то степени неизбежно обновлять не только язык возвестий внешнему миру, язык проповеди, — но и сам язык богослужений. Архиерейский Собор 1994 года выразил согласие и с этим: продолжать изъясненное Поместным Собором 1917 года намерение по упорядочению богослужебной практики и редактированию церковных текстов.

Не мню себя призванным к решительному суждению о вопросах столь важных для Церкви, но по общему праву всякого рядового мирянина сужу на основе собственного долголетнего опыта: сам язык богослужения настоятельно требует оцугимого обновления за счет перехода в ряде мест с церковнославянского языка к русскому — при значительном сохранении и церковнославянской торжественности. Однако этот труд не может быть выполнен только на основе квалифицированного богословия. Такое освежение богослужебного языка есть труд и боговдохновенный и поэтический, требующий гениального чувства обоих языков.

Из нынешней душевной потерянности в нашей стране, как и, шире, из духовной затемненности сегодняшнего мира решающим путем видится — образование отрочества и юности, ему-то в основном и посвящены наши Чтения.

Будущее православного образования в приходских воскресных школах, в православных гимназиях существенно зависит от того, насколько наши священники окажутся не только прочно эрудированными в образовательных предметах, но — умелыми педагогами, чуткими и к сегодняшней психологически непростой юношеской аудитории. Однако вот, объезжая российские области, я узнавал, что воскресные школы устроятся далеко не везде и с немалым трудом.

Да и самая общая постановка и цель школьного образования сегодня не определены четко: каковы же их задачи? какую именно Россию мы хотим высветлить из растущих граждан? А с христианской точки зрения: не можем же мы отдать образование простому заглыванию суммы знаний, некоему компьютерному потоку, с безразличием к душевному созреванию ученика. Но какие меры могут внести в школу воспитание духовное и религиозное? Они должны быть гибкими и находчивыми при тех черствых условиях, которые ставит перед нами век. (Промелькнул и циркуляр российского министерства просвещения: «недопустимо религиозное воспитание в школах в любых формах»!..) Сегодня в системе общеобразовательных школ совсем не лучшим, а скорее сильно упрощенным выходом было бы настаивать на прямом преподавании закона Божьего как отдельного предмета. Также уходим мы от цели и преподаванием схематичного «общего религиоведения», которое в наших условиях и поручают к тому же бывшим профессиональным преподавателям атеизма, — можно представить степень их искренности. Нет. Христианское мировосприятие естественней всего вошло бы в души учеников через охватывающую атмосферу преподавания — и не только предметов гуманитарного и эстетического цикла, не только через хрестоматии по литературе и истории, через уроки психологии. Также и преподавание цикла естественных наук может — как его повести, я согласен с игуменом Иоанном Экономцевым, — создавать в учащемся либо ощущение своего гармонического родства с природным миром, либо позитивистского надмения над ним.

Наконец и об общей структуре школьной системы образования в России. Она, наряду с неперменной цельностью, сохраняющей культурное единство государства, должна обладать и свободой вариативности и разнообразия школьных устройств — и родители должны иметь право выбирать учебные заведения в соответствии со своими убеждениями. В некоторой мере здесь поспособят и негосударственные школы, если преодолению организационные и финансовые трудности.

Я думаю, наше Совецание, собравшее неравнодушных тружеников школьного поля, услышит много практических соображений и предложений, как именно осуществлять православное воспитание юношества, терпеливо готовя оздоровление всей духовной атмосферы России.

ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА*

С начала 1923 г. мы с отцом стали проживать в г. Смоленске, его родном городе, где он окончил Духовную семинарию и в котором его избрали теперь настоятелем Нижне-Никольской (самой большой в городе) церкви.

Мы поселились на окраине города на Покровской горе, сняв комнату в частном доме.

Я с первого сентября начал учиться в 3-м классе I девятилетней школы им. Герцена, называвшейся еще с до-революционных времен Торговой школой. Внешкольное время всегда находился с отцом. Я скоро понял, что красота и благолепие Нижне-Никольской церкви не распространялась на всю русскую церковь. От отца я узнал, что глава церкви патриарх Тихон подвергался арестам. Верховную власть взял синод, руководство которым осуществлялось представителями реформационного течения — обновленцами или «живоцерковниками» (от названия «живая церковь»). Судя по прессе, правительство поддержало новый синод и одобрило низложение патриарха. Однако многочисленная масса священников и епископов находилась еще в неопределившемся и даже растерянном состоянии, т.к. некоторые крупные иерархи православной церкви входили в новый синод. В Смоленске намечался епархиальный съезд губернии, как звено системы мер нового синода по овладению управлением церковью. Перед съездом для руководства Смоленской епархии синодом был направлен из Москвы обновленческий архиепископ Алексей Дьяконов, произведенный в архиерейский сан из числа женатых священников.

Известие о предстоящем епархиальном съезде в Смоленске всколыхнуло городское духовенство. Я помню,

* Главы из Воспоминаний. Окончание. Начало см. «Вестник» № 172.

как мы с отцом были в гостях у его семинарского товарища, отца Якова Четыркина, священника окраинной церкви Гурия, Авивы и Самона. Помню, мы добирались к его домику в Садках в северо-восточной части Смоленска по грязным немощеным улочкам. Домик, окруженный со всех сторон садами, был уютен и чист. И хозяин, и хозяйка встретили моего отца, да и меня, всегдашнего его спутника, очень радушно.

Они принялись угощать нас медом в сотах с собственной пасеки. Разговор скоро стал вращаться вокруг церковных дел и нового епархиального начальства. У отца и его товарища была единая точка зрения на несправедливое ущемление прерогатив патриарха и на явно клеветнический характер выступлений в печати некоторых церковных деятелей по поводу позиции патриарха в деле изъятия церковных ценностей в помощь голодающим.

Отец Яков рассказал и о своей недавней встрече с их общим товарищем, пригородным священником Федором Лещевым, который однако с восторгом встретил новый подход синода к второбрачию духовенства.

По дороге домой, уже в сумерки, мы спускались по круче Воскресенской горы с риском споткнуться. Были мы в гостях и у настоятеля Одигитриевской церкви, находившейся в центре, недалеко от знаменитых часов* на углу улиц Советской и Пушкинской. Он недавно служил в этой церкви, куда перешел из Успенского собора. Лицо приветливое и доброжелательное, обрамленное большой сидящей бородой. К священнику Спиридону о. Василию оказалось идти далеко. Он жил около своей Всехсвятской церкви в южной части города, в слободке. Серебряная борода и волосы делали его похожим на ветхозаветного патриарха. Полной его противоположностью по внешности оказался настоятель Георгиевской церкви, в верхней части города, у крепостной стены, отец Андрей Крылов, который приходил к нам на Покровскую гору, где мы жили. Отец Андрей имел бритое лицо и обычно ходил в студенческой шинели и формен-

* В Смоленске были единственные трехгранные уличные часы.

ной фуражке. Он внешне никак не был похож на священника, но выделялся смирением и вежливостью. Я помню, как при прощании он несколько раз повторял: «Я никогда не буду с обновленцами».

Отец в предсъездовское время часто писал и просматривал книги своей библиотеки. Я как-то спросил, что он старательно пишет и переписывает. Он ответил, что ему поручили коллеги написать «декларацию» к съезду. Однажды он прочитал мне свой труд на нескольких больших листах, очевидно для того, чтобы и самому послушать написанное.

Мне очень понравилось обращение в начале: «Отцы и братие»! Далее все казалось складным.

Ярким событием, запечатленным в моем детском сознании, явился епархиальный съезд Смоленской губернии, на который меня взял с собою отец. Мы отправились туда с запасом времени, т.к. отец обещал показать мне собор, знакомый ему с детства. Мое внимание привлекла связка французских знамен, захваченных партизанами у наполеоновских войск, стоявшая около возвышения, где была установлена чудотворная икона Смоленской Божьей Матери. В передней части собора справа, на невысоком столике, стояли металлические башмаки св. Меркурия. Находясь вблизи иконостаса, мы рассматривали изумительную деревянную резьбу. Однако, шум в соборе стал усиливаться и уже целыми группами входили в храм участники съезда.

В средней части собора были установлены ряды скамеек. Впереди небольшой стол и аналой. Входящие занимали места на скамьях, что сделали и мы.

Внезапно шум стих и к столу подошел архиепископ Алексей. Мы сидели не очень близко, но достаточно, чтобы увидеть большую его бороду и умеренно длинные волосы с сединами.

Он что-то произнес, и все несколько сот присутствующих, в основном одетых в рясы, дружно и громко, стоя запели «Царю небесный...» Благодаря хорошей акустике прекрасно звучала в древнем соборе молитва. Казалось, все пели с воодушевлением. По окончании молитвы пред-

седатель повернулся лицом к съезду и обеими руками благословил присутствующих. В ответ опять, но менее дружно: «Испо-ла-эти де-спо-та»!

Я впервые видел такое. Председатель разложил на аналое листки и громким ровным голосом стал что-то говорить. Я не проявлял интереса к нему, а разглядывал сидящих за установленными поодаль столиками, над которыми было написано: «Запись желающих». У первого столика — «Губком Ж.Ц.», у второго — «Губком САДАЦ». Это означало: губернские комитеты новых формирований: живая церковь и союз древне-апостольских церквей.

После доклада архиепископа встал высокий священник, на груди которого виднелся крест, если не ошибаюсь, на черной ленте. С первых слов чувствовалось: внимание присутствующих нарастает. Я тоже стал слушать его внимательно, как вдруг ужаснулся фразе — «обагрённые кровью голодающих руки б. патриарха Тихона...» Я никогда не слышал таких оскорбительных слов в адрес всеми любимого и уважаемого, по моим понятиям, первосвященителя. Не только я был поражен хулою выступавшего. Раздался невероятный шум, здесь были и восклицания возмущения, и даже шум, производимый движением скамей, и может быть даже удары ног об пол. С трудом председателю удалось добиться тишины. Затем выступали различные ораторы. Я слушал невнимательно, с нетерпением ожидая написанную отцом декларацию.

Но вот председательствующий с расстановкой объявил о просьбе группы смоленских священников предоставить слово протоиерею о. Петру Чельцову. Слово было предоставлено. К аналою подошел величественного вида нестарый священник с большой каштановой бородой и лысым черепом. В руках у него были знакомые мне листки с написанной моим отцом декларацией. Я прекрасно знал ее содержание. При мне отец не раз зачитывал ее коллегам и вносил изменения или дополнения в созданный им текст. Отец Петр начал читать, четко произнеся начальное «Отцы и братья», но далее не

сразу разбирая чужой почерк. Мне стало досадно, что поручили чтение не отцу Иоанну, а о. Петру. Он бы прочел как надо свой текст, без запинки. Я не знал тогда, что священнику Чельцову коллеги поручили выступление как самому уважаемому и коренному представителю смоленского духовенства. Отец же служил в Смоленске недавно, хотя ему и было поручено составление документа, как наиболее образованному батюшке, кончившему духовную академию и защитившему диссертацию по богословию.

Без особого выражения, как мне казалось, однотонно, о. Петр читал фразу о современном нестроении русской церкви, о спорах ее служителей.

«Но церковь называют единою святою, соборною и апостольскою, т.к. она едина и свята, принадлежит человечеству, а не одному какому-либо народу». О. Петр читал о том, что церковь не может ни в каком случае содержать в себе какую-нибудь даже ничтожную ложь. На Поместном соборе 1917 г., подчеркнуто произнес оратор, был избран законный патриарх Тихон для управления Российской Церковью. «Теперь нас уверяет так называемое высшее церковное управление, что патриарх не может управлять и что он низложен, сообщают о нем неправдоподобное и ложное. Инициативная смоленская группа призывает все духовенство смоленской епархии обратиться смиренно к законному патриарху с просьбой принять его в молитвенно-каноническое общение, чтобы было едино стадо и один пастырь». Декларацию подписали: настоятель церкви св. Илии протоиерей Петр Чельцов, настоятель церкви в честь образа Божией Матери Одигитрии, протоиерей о. Леонид Смирнов, настоятель церкви в честь Всех святых, протоиерей о. Василий Спиридонов, настоятель Нижне-Никольской церкви протоиерей о. Иоанн Соколов, настоятель церкви Преображения протоиерей о. Николай Лебедев, настоятель церкви в честь св. Георгия Победоносца иерей о. Андрей Крылов.

По окончании чтения декларации о. Петром под сводами древнего собора воцарилась смертельная тишина. Наконец ее прервал председательствующий.

Ледяным голосом он задал вопрос: «О. Петр, это вы писали декларацию, а остальные подписались?» Ответ: «Нет, не я, но автор — вся группа духовенства». Председательствующий: «Ну, хорошо. Мы принимаем к сведению ваше заявление, о. Петр. Кстати, я хочу внимательно почитать эту декларацию и прошу передать текст мне». Он протянул руку в сторону о. Петра, а тот подошел и передал находившиеся в его руках листки. Председатель сложил их и положил в папку. Спросил, нет ли желающих выступить, и сообщил, что избранный ранее секретариат, под его руководством, обобщит материалы съезда. На этом съезд был закрыт.

Мне было очень жаль листов декларации, взятых председателем. Для декларации мой отец взял самую лучшую бумагу из имевшейся у него. Бумага была в линейку, плотная и почему-то имела водяные знаки. Остался черновик.

Наступила ранняя, теплая весна и тот невеселый кошмарный день.

На всю жизнь мне запомнились все подробности того рокового дня.

Началось с того, что проснувшись утром и сев на кровать, я стал рассказывать отцу, сидевшему за книгами у стола, только что приснившийся мне сон. Будто бы я оказался в каком-то подземелье, забитом серебряными сокровищами: вазами, амфорами, ожерельями и т.д. Все это поблескивало в полумраке и поражало своим обилием и многообразием. Мой рассказ папа перебил вопросом: не читал ли я недавно Майн Рида? Я отрицал это и сказал, что, когда мне снится серебро, меня ожидают вскоре неприятности и даже слезы. На прошлой неделе, после такого сна, хозяйка, у которой мы снимали комнату, Прасковья Михайловна, во время уборки выбросила все мои игрушки, находившиеся под кроватью. Эти игрушки я так старательно изговлял в течение месяца. Посмотрев на свои карманные часы, с которыми никогда не расставался, отец прервал мои рассуждения словами: сегодня нам нужно быть на акафисте Пресвятой Богородице в

Георгиевской церкви, в связи с чем нам необходимо своевременно собраться.

Служба в церкви была торжественная, с пением хорошего хора, хотя мирян было относительно мало. Я свободно нашел себе место в середине храма. Акафист служило семь священников, из которых все мне были знакомы. Это были: настоятель Всехсвятской церкви в Офицерской слободе о. Василий Спиридонов, совершенно белый от седины, он же был и городским благочинным; настоятель Ильинской церкви у городского сада «Блонье» о. Петр Чельцов, с лысым черепом и красивой каштановой бородой, настоятель Одигитриевской церкви в центре города, о. Леонид Смирнов, высокий, еще не старый шатен, настоятель Нижне-Никольской церкви за Днепром о. Иоанн Соколов, это мой отец, настоятель церкви св. Гурия, Авивы и Самона, самой удаленной от центра в Заднепровье, о. Яков Четыркин; настоятель Крестовоздвиженской церкви у железной дороги о. Николай Лебедев, невысокий старичок с небольшой бородкой, и наконец настоятель Георгиевской церкви о. Андрей Крылов, молодой человек с бритым лицом.

Первые два икоса акафиста дрожащим старческим голосом прочитал о. Василий. Затем читали акафист остальные священники, а последним настоятель о. Андрей. Мне показалось очень задушевым пение прекрасного хора. В приподнятом настроении мы с отцом возвращались домой. Радовало и яркое весеннее солнце, и зеленые листочки деревьев. И невольно вспомнилось только что слышанное перед чтением Евангелия — «Всякое дыхание да хвалит Господа». Мы шли по правой стороне Большой Советской улицы, как вдруг недалеко от пролома в кремлевской стене кто-то окликнул отца. Мы одновременно оглянулись, и я увидел молодую женщину, сестру кондитера, жившего с нею и матерью в первом этаже нашего дома, непосредственно под нашей комнатой. Она негромко, но четко и спокойно произнесла: «Отец Иван, Вас ожидают дома из Особого отдела». (Все знали тогда, что такое Особый отдел ЧК). Даже неожиданный разрыв снаряда произвел бы тогда на меня

меньшее впечатление, чем услышанные слова. Но отец внешне спокойно внимательно смотрел на меня. Это ободрило, и я вдруг вспомнил из церковной истории, которую я слушал на ступеньках лестницы в изложении отца для слушателей пастырских курсов, что во время гонений на первых христиан многие из них скрывались от своих гонителей. Я предложил отцу свернуть на вокзал и уехать в Москву к тете Анюте. — А что же ты? — спросил отец. — А я останусь здесь и буду отвлекать преследователей. — Отец печально покачал головой.

В тревожном молчании мы уже приближались к железнодорожному поезду на Старо-Петроградской улице. Вдруг отец замедлил шаг и обратился, назвав меня нежно, как в былые младенческие годы: «Василек, походи вперед, зайди домой, посмотри, что там делается. Я буду пока на этой улице прогуливаться, не пересекая шлагбаума, и ждать тебя». Я бросился вперед, но отец опять меня окликнул. «Постарайся незаметно, — сказал он, — вынуть из письменного стола и принести сюда сложенный в пачку рукописный текст послания патриарха Тихона. Оно в среднем ящике письменного стола».

Осталась позади приземистая каланча на Покровской горе, сокращаю дорогу, перелезаю через забор, лестница, и наконец вхожу в нашу комнату, точнее в отделенную занавеской часть комнаты. Внутри два человека. У входа сидит на табуретке высокий солдат с зелеными петлицами и с винтовкой в руках. Лицо его изъедено оспой. Оно выражало полное безразличие. У окна стоит невысокий военный с черными петлицами. На них укреплено по четыре «кубика». Я знаю, что это знаки различия командного артиллерийского состава.

Мой приход вывел из томительного ожидания офицера, который спросил: «Ты сын хозяина этой комнаты? Скоро ли придет твой отец?» Я ответил, что он придет скоро и я сам его жду. Военный сказал солдату, чтобы тот не отлучался, а сам пошел в находившуюся поблизости пожарную часть позвонить по телефону. Я прошелся по комнате, поправил стулья. Стал наводить порядок на письменном столе. На нем оказалась хрестоматия для

третьего класса, накрытая газетой. Выдвинув средний ящик, я вдруг почувствовал волнение. В правом отделении сверху лежала пачка листов, сложенная вчетверо. Вынимаю, медленно разворачиваю листы, исписанные с двух сторон крупным размашистым почерком. На последней странице различаю слова «Благословение Господне да будет со всеми вами», и в конце мелькнуло — «Тихон». Я покосился на солдата, но тот был занят грязным пятном на левом сапоге. Я спокойно закрыл стол. Открыл школьную книжку, которую месяц назад переплетали с отцом, вынул закладку у заданного для учения стихотворения. Помню, оно начиналось словами: «Мой сын, я умираю, на то знать власть Творцу». Кладу на место закладки сложенный текст. Вернулся старший военный, и я, демонстративно показывая книжку, спрашиваю разрешения пойти к товарищу, узнать заданные уроки. Тот кивнул головой, и я ринулся с драгоценной ношей, вложенным в школьную книжку «Посланием», чтобы передать его отцу. Много позже я узнал досконально и содержание послания, написанного патриархом в Донском монастыре, после его освобождения из заключения. В нем сообщались обстоятельства коварного отстранения патриарха от дел, с привлечением группы так называемых живоцерковников. Здесь говорилось о лишении его возможности управления. «...Этим воспользовались честолюбивые и своевольные люди, дабы войти во двор овчий не дверьми, а пролазя инуде (Ин. 10. 1), и восхитить не принадлежащую им высшую церковную власть». В послании давался подробный анализ действиям живоцерковников, старавшихся придать законную видимость захвата ими церковной власти. В заключении послания говорилось: «Ныне же, выйдя из стен заключения... мы снова восприемлем наши первосвятительские полномочия... Вместе с тем мы призываем всех епископов, иереев и верных чад Церкви, которые в сознании своего долга мужественно стояли за Богоустановленный порядок церковной жизни, и просим оказать нам содействие в деле умиротворения Церкви своими советами и трудами, а наипаче молитвами Создателю всех...»

Найдя отца, я вынул пакет из книги и передал ему. Теперь мы решительно шагали, казалось, навстречу Голгофе. Но это еще не была Голгофа.

Когда я вошел, через несколько минут позже отца, в комнате кроме отца и военных были уже понятые: соседи и хозяйка дома. Старший военный уже производил обыск, перелистывая все книги и просматривая бумаги. Спустя часа полтора он начал составлять что-то вроде протокола, а я из-за плеча отца читал возникающий на бумаге текст. Там значилось, что, на основе ордера за таким-то номером, в квартире И.Д. Соколова был произведен обыск и его арест. Когда я прочел последнее слово, я не смог сдержать себя и громко заплакал. Военный предложил отцу одеваться и следовать за ним. Отец сначала пытался успокоить меня, но безуспешно. Тогда он сказал военному, что не может оставить мальчика в таком состоянии одного и просит разрешения захватить с собою. Военный несколько растерялся, уловив явное неодобрение его действий окружающими, подумал и кивнул в знак согласия головой. Мы вышли на улицу. Офицер, выпустивший вперед солдата с винтовкой, затем нас с отцом, не ожидал встретить на улице толпу взволнованных людей. Это очевидно вызвало у него замешательство, судя по его нервозности во время прохождения процессии через публику. Техника ночных арестов тогда еще не была отработана. Благополучно выйдя из окружения и пройдя около двух кварталов, на протяжении которых встречались недоумевающие знакомые лица, офицер принял благоразумное решение, отпустив вооруженного солдата и предложив нам идти не впереди его, но рядом. Иногда от даже несколько отставал, если кто-нибудь приветствовал отца.

Весенний вечер был теплый и безветренный. Навстречу нам попадалось много гуляющих, из которых некоторые улыбались и даже смеялись. Но нам было не до веселья. Вот и Базарная площадь, а дальше Нижне-Никольская улица. Это уже был традиционный арестантский тракт. Здесь обычно конвоировали арестантов от нижней тюрьмы и от вокзала в верхнюю тюрьму, или в

ЧК, находившиеся первая на северной окраине города, а вторая за Никольскими воротами. Арестантов обычно водили по проезжей части улицы группами в несколько человек, окруженными нарядом вооруженных солдат. Провод заключенных представлял собою обычное и привычное зрелище для горожан и не вызывал какой-либо реакции. Однако, как рассказывали, недавно (года полтора назад) произошел инцидент, всколыхнувший весь город. Вели небольшую группу арестантов, в окружении конвоя. Группа достигла Базарной площади, где толпилось много народа. Внимание любопытных привлекла находившаяся среди заключенных фигура седого человека в рясе и скуфье. Старик на ходу громко и четко говорил, обращаясь к конвою. Он толковал о разграблении собранного поколениями верующих имущества церквей и монастырей, о осквернении церквей и святынь, о невинно проливаемой крови. Толпа вокруг группы росла. Когда проходили мимо Нижне-Никольской церкви, кто-то из богомольцев крикнул — это ведут архиепископа Макария, которого неизвестно почему привезли в Смоленск из соседнего города. А над людьми гремели слова из Священного Писания: «Взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая, и от меча погибнете сами вы взявшие меч». После этого события долго волновались верующие смоляне, особенно когда узнали, что неожиданный проповедник с горящими глазами расстрелян за Братским кладбищем, там, где это обычно делалось ЧК. На его могиле долго возжигались свечи.

Все это было еще в те времена, когда смоленская ЧК не располагала ни «черными воронами» для транспортировки арестованных, ни громадным бетонным зданием НКВД в Красноармейской слободе, с оборудованными для расстрелов подвалами, ни, наконец, большим полигоном при доме отдыха НКВД «Борок» в Катыни, для массовых расстрелов и захоронений. И тогда нас даже вели не под конвоем по середине улицы, а по тротуару, в сопровождении лишь одного военного, вежливо сообщавшего нам, что нужно повернуть направо или налево.

Когда мы проходили арку Никольских ворот, стали надвигаться сумерки. Поднялись по небольшой лесенке дома ЧК и вошли в довольно просторную приемную. За барьером сидел дежурный, часто говоривший по телефону. Посередине комнаты стоял круглый стол, на котором лежали журналы, среди которых я рассмотрел «Крокодил». В комнате уже сидел отец Яков Четыркин. Одного за другим приводили священников, которых я недавно видел в Георгиевской церкви. Все арестованные сидели смиренно, за исключением о. Леонида Смирнова, который как ни в чем не бывало брал со стола газеты и журналы и погружался в чтение.

Внезапно я услышал обрывок разговора по телефону дежурного, в котором упоминалась фамилия отца и говорилось о мальчике. Я понял, что речь шла о моей судьбе. И вдруг появилась шальная мысль, что нас с отцом отпустят. Скажут, что нельзя бросать одного мальчика ночью, и пожелают нам счастливого пути. Время шло. За окнами была темень. Большие настенные часы показывали два часа ночи. Вдруг раздался лязг винтовок, появилось несколько красноармейцев. Дежурный передал одному из них какие-то бумаги и что-то сказал. Послышалась команда. Все встали, и отец сказал, чтобы я шел с ним рядом. Лежавшая на сердце тревога отступила. Я легонько придерживал рукою рукав отца. Все вышли на пустынную Никольскую улицу. На середине булыжной мостовой построили арестованных, и я оказался внутри конвоя рядом с отцом. Процессия тронулась в направлении Тенешевского музея. Звучно разносились удары сапог красноармейцев по безлюдным улицам. Вот и Молоховские ворота и площадь. Вдали замаячили готические контуры польского костела. И вдруг как молния пронзила мысль, ведь там за костелом Братское кладбище и там нас расстреляют. Вся кровь бросилась мне в голову и захотелось кричать этим солдатам на всю площадь, на весь мир, подобно архиепископу Макарию, — «Взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая». Но в этот момент раздалась команда старшего по конвою и все остановились. Старший что-то сказал

отцу. Тот обнял меня, вынул из кармана и передал мне небольшую пачку денег и, перекрестив меня, сказал, чтобы я отправился к моей тете. Я стоял как вкопанный, а процессия тронулась вновь, обтекая меня, как речка островок. Группа арестантов уже шагала далеко, постепенно уменьшаясь. Почему-то мое внимание сосредоточилось на крайней коротенькой фигуре группы — сухоньком старичке о. Николае Лебедеве. Он чаще других шагал и у него больше чем у других ветер развевал край рясы. Но вот группа стала почти неразличимой и наконец превратилась в небольшое движущееся пятнышко. Я осмотрелся и увидел начало I-й линии Красноармейской слободы. Когда уже рассвело, я добрался до домика моей тети на Трехбратском переулке. Открыв калитку, я сразу в окне увидел тетю. Добрая женщина при виде меня всплеснула руками, вскочила, и вот она уже на крыльце с встревоженным лицом и с вопросом: «Что случилось?» Я обнимаю ее и почему-то с улыбкой говорю: «Папу арестовали». Но, услышав свой голос, я вдруг с рыданием упал тете на грудь.

Я только в данный момент полностью осмыслил все происшедшее. До этого момента мое восприятие было детским и неглубоким. Теперь же я почувствовал себя взрослым и настоящее предстало передо мною как неумолимая реальность.

Как важно было ощутить полное сочувствие моей тетки и почувствовать на своей щеке и ее слезы...

На другой день утром тетя Аня собрала какие-то продукты, я наломал букет сирени с куста, буйно цветущего у забора тетиного дома, и мы отправились в так называемую верхнюю тюрьму, расположенную на окраине города за костелом и польским кладбищем. У окошечка вблизи ворот толпились люди, в основном женщины, принесшие передачу заключенным. После наведения справок у дежурного, у нас приняли передачу и мою записку отцу. Потом потянулось время ожидания, в течение которого, пользуясь ясным солнечным днем, я мог разглядывать снаружи «темницу», которую я видел впервые. Это сооружение, прозванное «американкой»,

построено еще до революции по последнему слову тогдашней тюремной техники. В отличие от «нижней» тюрьмы, расположенной недалеко от вокзала, которую я видел каждый день, направляясь в школу от Покровской горы на базарную площадь, окна здания были отгорожены от внешнего мира высокой кирпичной стеной, делавшей их недоступными для взоров находящихся вне здания. Стена по своему виду резко отличалась от всех городских построек и осталась в памяти как нечто зловещее и средневековое, несмотря на свою «современность». Наконец, дежурный окликнул нас и передал записку отца. С радостью и невольными слезами я прочитал тете вслух несколько дорогих строчек, написанных каллиграфическим почерком отца. Он коротко сообщал, что чувствует себя хорошо и надеется скоро обнять меня.

Как оказалось, арест нескольких смоленских священников вызвал резонанс у населения и слухи о нем быстро распространились по городу. Это я ощутил на себе, явившись через несколько дней после ареста отца в школу. При моем появлении в классе взоры всех учеников были направлены в мою сторону и над классом повисла необычная тишина.

В перерыве ко мне подошел малосимпатичный и наиболее нахальный ученик Морозов, обычно обижавший всех более слабых и в том числе меня. На этот раз он необычным для него ласковым полусшепотом спросил: «Как это было?» Разочарованный краткостью моего ответа, он отошел. После окончания урока меня попросила учительница зайти в учительскую. Обычно строгая и малословная, Анна Васильевна Базилевская написала на листке бумаги адрес и, смотря на меня неожиданно ласковым взглядом, предложила в ближайшее воскресенье прийти к ней домой. Я не смел ослушаться свою строгую учительницу и в назначенное время явился к ней. Я очень стеснялся, однако учительница встретила меня очень радушно, познакомила со своим мужем, которого, однако, я уже раньше знал как нашего преподавателя физкультуры, Сергеем Федоровичем Базилевским и с

его матерью Александрой Герасимовной — старенькой, сгорбленной, но очень ласковой старушкой.

Как оказалось, послание патриарха было обнаружено при обыске лишь у одного священника из арестованных. Он и поплатился больше других и был сослан в Соловки. Остальные священники, включая моего отца, вскоре были освобождены из-под ареста. Я никак не подозревал масштабы опасности для отца, предотвращенной мною, когда, выйдя из комнаты, я передал ему крамольное послание. Вскоре по возвращении из тюрьмы мой отец получил это послание из рук нашей соседки — матери кондитера, жившей в квартире первого этажа нашего дома. Она сказала, что отец обронил пакет, проходя мимо ее двери в злополучный день его ареста.

К середине 1924 г. наибольшая часть смоленского духовенства отказалась от подчинения обновленческому епископу Алексею Дьяконову и избрала моего отца, настоятеля Нижне-Никольской церкви протоиерея о. Иоанна Соколова, в качестве посланца в Москву к патриарху Тихону, чтобы просить о назначении в Смоленск законного архиерея для управления епархией.

Вспоминаю волнующий рассказ отца о встрече с патриархом. Последний жил в небольшом домике недалеко от ворот в стене Донского монастыря. С раннего утра большая толпа, состоящая из священнослужителей и мирян, ожидала приема первосвященителя. Один из находившихся здесь московских батюшек поведаль гостю: по освобождении из-под ареста патриарха, в июне 1923 г., начался массовый выход из-под подчинения обновленцам московских священников; объявили о своем возвращении к патриарху и многие епископы, первоначально примкнувшие к раскольникам. Ярким событием явилось публичное покаяние в одной из московских церквей обновленческого митрополита Белоруссии Серафима.*

* Родился в 1860, хиротонисан в 1898, в июне 1922 уклонился в обновленческий раскол, стал «митрополитом» Минским, публично покаялся, после чего был сослан на Соловки (с 1924 по 1927), после до 1933 занимал разные кафедры. Год и место смерти неизвестны. — *Прим. ред.*

Тот рассказал о растерянности в рядах духовенства после ареста патриарха в 1922 году. Сам он вместе с некоторыми архиереями тогда даже выступил в печати против патриарха и согласился участвовать в обновленческом синоде. Возвратились к патриарху вместе с Серафимом и некоторые другие епископы, которые устрашили расстрелами и арестами верных патриарху иерархов и перешли в обновленчество. Отец с радостью услышал, что одновременно с патриархом освобожден из-под ареста епископ Илларион Троицкий. С последним он был хорошо знаком по встречам в Троице-Сергиевом Посаде, когда тот был инспектором Московской Духовной академии, а отец ее студентом. Несмотря на молодость, он был уже известен как выдающийся богослов и оратор. После освобождения патриарха из-под стражи, оставшаяся верной ему небольшая группа священников теперь быстро пополнялась возвращавшимися от обновленцев. Епископат же практически был разгромлен. Возник острый недостаток епископов у патриарха. Он часто совершал богослужения в московских церквях, проводя при этом епископские хиротонии. Однажды он даже рукоположил сразу около десяти епископов, из оказавшихся в наличии достойных иеромонахов и архимандритов. Начавшийся с возвращением патриарха развал обновленческой церкви оказался неожиданным для государственных властей, официально признававших церковное руководство только за обновленцами. Обеспокоенные этим власти назначаемых патриархом в провинцию епископов обычно либо высылали обратно, либо подвергали аресту.

Невеселые мысли возникали у отца во время разговоров с ожидавшими встречи с патриархом, в импровизированной приемной под открытым небом, отгороженной от мира древней зубчатой стеной Донского монастыря.

Из двери небольшого дома вышел келейник, держащий в руках список желающих получить аудиенцию у патриарха. Он пригласил отца. В списке значились: фамилия, сан посетителя, место, откуда прибыл, причина прибытия. Не успев отдышаться после подъема по лестнице на второй этаж домика, отец поспешил сделать

земной поклон стоящему у письменного стола первосвященнику и получить у него благословение. Тот ласково смотрел усталыми глазами на посетителя и предупредил, что в курсе смоленских дел. «Послать епископа в Смоленск сейчас трудно, но необходимо», — сказал патриарх. Подошел бы туда Венедикт из Вязьмы.* Но вряд ли поедет после громких событий в Смоленске у собора во время изъятия церковных ценностей. Он очень осторожен. Отец вспомнил о недавних столкновениях верующих с красноармейцами, несмотря на попытки мирно уладить конфликт тогдашнего архиерея Филиппа. Дело кончилось применением оружия. Правда епископ Филипп не пострадал, но вынужден был срочно уехать в Астрахань к своим родственникам, потеряв кафедру.** Вдруг на лице патриарха появилась улыбка и он промолвил: «Все мне говорили, что Венедикт красный, красный, а когда он недавно приехал ко мне — смотрю, он розовенький». И отец невольно вспомнил розовощекое лицо епископа Венедикта и поразился тонкому юмору патриарха. Последний, немного подумав, произнес: «Нужно назначить в Смоленск епископа Валериана, который в настоящее время живет в Москве как частное лицо». Он посоветовал не откладывая повидать его и переговорить с ним.

Получив адрес, отец отправился на розыски. Келейник ему посоветовал пойти пешком, ориентируясь на район Данилова монастыря. Путь оказался не очень близким и пролегал через обширные огородные поля. Не просто было разыскать и небольшой деревянный домик, где жил владыка Валериан. Уже под вечер отец застал его за столярной работой. Хозяин усадил гостя на но-

* Венедикт (Алептов(?)) Виталий Александрович, род. в 1888, хиротонисан в 1921 г. во еп. Вяземского, вик. Смоленской епархии. С 1927 епархией не управлял (сослан); с конца 1934 по март 1937 занимал разные кафедры (последняя Тамбовская). Вероятно, в 1937 арестован и расстрелян. — *Прим. ред.*

** С 1928 по 1933 Филипп Ставицкий занимал Астраханскую кафедру, в 1937 шесть месяцев находился на кафедре Омской, в 1943 снова занял Астраханскую до своей смерти в 1947 г.

венькую табуретку и сообщил, что только что закончил ее изготовление. «Как видите, — сказал он, — занимаюсь тем же ремеслом, которым занимался и наш Спаситель». Узнав, в чем дело, хозяин выразил готовность поехать в Смоленск.

В заключение рассказа о поездке в Москву, улыбающийся отец взял в руки карандаш и торжественно поднял его вверх со словами, обращенными ко мне: «Ты будешь держать у нового архиерея посох».

В Смоленске началась подготовка к приезду епископа. Было решено, что его кафедра будет в нашей Нижне-Никольской церкви, самой большой по размерам после собора и имевшей лучший в городе хор. Построенная в XVII веке, она отличалась хорошей планировкой и освещенностью. Хорошая живопись церкви была обновлена в прошлом веке и начале двадцатого. На задней стене второго этажа в большом масштабе был изображен Николай Чудотворец, останавливающий казнь. Это был оригинал или хорошая копия известной картины И. Репина. В храме имелись подлинные или в копиях изображения кисти других великих художников: Васнецова, Нестерова и др. Во всяком случае храм был великолепен.

Однако в храме, как и в других тихоновских церквях, не имелось ни архиерейского облачения, ни утвари, необходимой при архиерейской службе. О получении всего этого из собора не могло быть и речи. Один комплект всего этого имелся в Троицком монастыре, находившемся в ведении обновленцев. Этот монастырь избежал закрытия именно благодаря своему высокому покровительству. Но монахи тайно симпатизировали тихоновцам, что позволило диакону одной из церквей, по фамилии Дмоховский, провести успешные переговоры с насельниками монастыря. Диакон, в сопровождении двух мальчиков, прислуживавших в алтаре Нижне-Никольской церкви, одним из которых был автор этих строк, отправился в Троицкий монастырь. И вот мы втроем радостно спускаемся пешком по Б. Советской улице, разделив между собою драгоценную ношу. Уже на мосту через Днепр нам повстречалась группа ребят — товарищей по школе

моего напарника. В руках у него был наскоро упакованный в шелковую розовую пелену с кистями сверток, из которого как на зло высовывалась верхняя часть архиерейского посоха. На солнце поблескивали две золоченые змеи, головы которых повернуты к небольшому кресту, венчающему посох. На лицах школьников возникло выражение крайнего удивления. Мой находчивый спутник, не замедляя движения, поздоровался с товарищами и бросил фразу: «Ребята, мы очень спешим, готовимся к празднику», предоставляя возможность ребятам гадать, о каком празднике идет речь. Лишь один из них, указывая на находившуюся в моих руках репиду, бросил вопрос: «Это что за знамя?» Не дав ответа, мы продолжали быстро удаляться. Наши волнения закончились лишь после того, как мы оказались в алтаре Нижне-Никольской церкви.

После получения телеграммы о дне и часе приезда епископа Валериана в Смоленск вдруг выяснилось, что никто в Нижне-Никольской церкви досконально не знает особенностей архиерейской службы. Не было твердых представлений о порядке встречи архиерея духовенством, применении дикирия и трикирия и т.д. Главное же, отсутствовали основные фигуры, организующие архиерейскую службу, иподиаконы. Естественно, что никому и в голову не приходило обращаться по этому поводу в обновленческий собор. И вдруг кто-то из старожиллов вспомнил, что несколько лет назад, еще при епископе Филиппе, иподиаконом в соборе служил сын отца Леонида Смирнова, настоятеля в настоящее время Одигитриевской церкви. Скоро выяснилось, что он работает в каком-то учреждении бухгалтером и, хотя вышел из иподиаконского возраста, охотно тряхнет стариной и возьмет на себя режиссерские функции. Сам собою обнаружился и бывший посошник собора, соскучившийся без дела.

Решили, что на вокзале не следует привлекать внимание пышной встречей посланца патриарха. Поручили диакону Дмоховскому встретить гостя и помочь ему доехать до места его временного жительства. Однако

Дмоховский был вдохновлен своей задачей и решил проявить инициативу. Он взял на вокзал своего брата и нескольких церковных певчих, которых расположил на перроне у ожидаемого места остановки вагона, в котором должен был находиться гость из Москвы. Здесь примешалось одно непредвиденное обстоятельство. В то время смоляне привыкли к некоей опереточной фигуре военного, шагающей в одни и те же часы из верхней части города на вокзал, к прибытию московского поезда. Почти каждый раз он был одет в новую форму либо офицера царской армии, либо офицера иностранной армии времен империалистической войны. Эта фигура появлялась на перроне одновременно с московским почтовым поездом, повергая в изумление пассажиров. Неожиданный персонаж обычно останавливался около открытого окна, если там виднелась дама, ничего не говорил, так как был глухонемым, улыбался и покручивал небольшие усики. Об этой личности ходили различные и мрачные слухи как об иждивенце ГПУ, выполнявшем какие-то поручения.

Когда прибыл поезд и на площадке вагона показался прибывший епископ Валериан, перрон огласился громовым троекратным «Испо-ла-эти деспота». И тут же появился у вагона чеканящий шаг человек в форме офицера германской кайзеровской армии, на голове которого была каска, увенчанная наконечником копья. Он улыбался и отдавал честь. Окружающие глазели, ничего не понимая. Думаю, что и ГПУ было сбито с толку, тем более, что ее сотрудник ничего не мог доложить о событии.

В день приезда епископа Валериана встречали в Нижне-Никольской церкви, где он должен был служить всенощную. Я, облаченный в белый стихарь, с большой свечью в руках, вместе с клиром с нетерпением ожидал у дверей верхней церкви появления архиерея. Воображение рисовало мне обобщенный образ знакомых плотников. Но вот широко распахиваются двери и на коврик возникает человек невысокого роста, в черном клобуке, оттеняющем молодое тонкое лицо с большими добрыми голубыми глазами и небольшой светлой бородой. Уже в

алтаре, справа от престола, епископ знакомится со всеми служившими и благословляет их. Последним, замыкающим очередь получающих благословение, был я. Епископ неспеша благословил меня, дал поцеловать руку и наклонился, чтобы поцеловать меня в щеку. Я стоял близко от епископа и слушал его возгласы и молитвы, которые он читал вполголоса. Но вот духовенство вышло на середину церкви, было прочтено Евангелие и архиерей приступил к миропомазанию. Все происходило как-то чинно и задушевно. Я стоял рядом с епископом и держал стаканчик с миром, в который он время от времени опускал кисточку. Но вот диакон после каждения возгласил: «Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим». В этот момент архиерей передал мне поддержать кисточку, поднял глаза горе и громко, прекрасным тенором запел: «Величит душа моя Господа...» Все присутствующие в храме подхватили: «Честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим...» Он с вдохновением продолжал петь в сопровождении всеобщего пения. Вдруг я заметил, как особенно заблестели глаза святителя и как у некоторых служивших и присутствовавших засверкали слезинки. И где-то в левом боку стало возникать тепло, а взор стал туманиться и, казалось, храм делается больше. И вспоминаются слова Спасителя о том, что если двое или трое соберутся ради Него, то Он будет среди них.

Епископ Валериан часто служил при переполненном храме. Все радовались новому епископу. Но, как было написано на перстне царя Соломона, «все проходит». Происшедшее в Нижне-Никольской церкви стало известно в соборе. Наконец власти предъявили новому архиерею требование покинуть город в 24 часа.

Я больше никогда не слышал о епископе Валериане и о его судьбе. До меня доходили слухи уже после войны, что предшественник епископа Валериана, епископ Филипп, укрываясь в миру в тяжелые времена, избежал в числе немногих гибели и после войны, в новый период церковной истории, стал архиепископом Астраханским.

Относительно епископа Валериана я недавно узнал лишь о причинах его местожительства в Москве, где его по поручению патриарха Тихона разыскал мой отец.

Дело в том, что после закрытия Московской Духовной Академии бывший ее ректор, епископ Феодор,* получил благословение патриарха организовать Богословский институт в Даниловом монастыре для подготовки епископов, взамен епископов арестовываемых и высылаемых ЧК.

Ему даже удалось получить разрешение на это мероприятие властей и подобрать педагогические кадры. На участие в работе этого института дал согласие и о. Павел Флоренский. Несмотря на то, что относительно скоро был арестован и сам епископ Феодор, Богословский институт просуществовал несколько лет, выполняя важную задачу ускоренной подготовки верных патриарху епископов из монашествующих клириков.

Большинство питомцев, очевидно, снимало себе временное жилье в районе Данилова монастыря, состоявшем в основном из частных деревянных домиков, принадлежавших владельцам небольших огородов. Слушатели института, конечно, не получали стипендий, а промышляли кто как мог, например, столярной работой, как епископ Валериан.

В последующем о плотнике из Даниловой слободы, епископе Валериане, я никогда ничего не слышал. Зато, вспоминая о нем, я невольно повторял про себя слова — «Величит душа моя Господа...», вспоминая пение их епископом Валерианом посередине Никольского храма.

* Еп. Феодор (Поздеевский) был арестован в 1924 г. и сослан. Расстрелян 23 октября 1937 г. в Иваново.

АНКЕТА «ВЕСТНИКА Р.Х.Д.»

Вы прожили многие годы, а некоторые из Вас всю жизнь за рубежом, а теперь часто или поголегу бываете в России или даже окончательно в ней живете.

Редакция «Вестника» была бы обязана Вам, если бы Вы высказали Ваши соображения и заключения относительно теперешнего состояния России, по сравнению с теми периодами, которые Вы знали, или безотносительно к ним, по разным параметрам жизни: материальному, экономическому, культурному, духовному, церковному.

В частности, согласны ли Вы с теми отрицательными или катастрофическими суждениями, которые в настоящее время преобладают даже в самой России, но особенно в западной печати?

Тихон ТРОЯНОВ (Женева-Москва) *

Ответить на ваши вопросы сложно, потому что корни нынешнего кризиса России глубоко уходят в нашу историческую космогонию. Россия всегда жила, так или иначе противопоставляя себя Западу. Отсюда, в конечном итоге, все теории, которые в какой-то степени пытались обосновать специфику нашей избранности, нашего мессианства. Тут и теория Третьего Рима, и споры между славянофилами и западниками, и евразийство, и страх перед каким-то жидо-масонским заговором, и стремление быть центром мировой революции, которая противопоставляла себя Западу... Это — постоянное ощущение своей избранности и борьбы с темными силами Запада.

* Тихон Игоревич Троянов, сын о. Игоря Троянова, по матери двоюродный брат о. Александра Шмемана, крупный швейцарский адвокат, после перестройки открывший адвокатскую контору в Москве, где проживает значительную часть времени.

В течение тысячелетия, включая и советский период, Россия была теократическим государством, в котором власть черпала свой пусть относительный, но все же авторитет из определенной доктрины, а население должно было *volens nolens* следовать этой доктрине во избежание плачевных для себя последствий. Правда, и в царской России, и в Советском Союзе были «вольнодумцы», которые противопоставляли себя системе и дорого за это платили, но они ощущались населением как отщепенцы, как раз связанные так или иначе с Западом. Будь то декабристы, будь то Сахаров. Все было относительно просто, была «своя» власть, со своими, конечно, недостатками, и был враждебный Запад. Враждебный и непонятный, непонятный и непостижимый и, в конечном итоге, заманчивый.

С размывом идеологии люди перешли постепенно в обратную крайность, началась идеализация Запада. Оказалось, что у нас все плохо, а на Западе все хорошо: демократия, рыночная экономика, свобода. Совершенно закономерно ведущий слой, не привыкший мыслить критически, начал критиковать свое и стремиться к реформам на западный манер. В которых и виделось единственно возможное спасение. (Так было, впрочем, уже и в последние десятилетия царского режима). Идеология рухнула, империя рухнула, экономика рухнула. Реформы не привели к наивно ожидаемым результатам. Но главное, впервые в истории Россия оказалась без официальной доктрины. Люди не привыкли так жить. Никто им больше не указывает, как надо жить, что надо думать, как себя вести. Вообще, толком непонятно, что надо делать. Отсюда успех разных упрощенных схем — будь то идеология Жириновского, коммунистов, Лебеда, разных сект и т.д. Надо учесть, что мышление в стране осталось теократического типа. Нет только самой теократии.

Нельзя забывать, говоря о советском периоде нашей истории, что в то время как большинство западных стран строили относительно нормальную государственность и экономику, Россия в течение семидесяти пяти лет строила утопию. Теперь надо наверстывать эти годы,

особенно в психологическом плане — выросли целые поколения людей, которые не знают, что такое нормальная жизнь, нормальное государство, нормальная работа.

Прибавьте еще к этому тот шквал с Запада, который захлестнул страну в плане рекламы, товаров, информации, моды... Люди потеряли свои ориентиры. Моральных авторитетов нет. Это, кстати, то, что меня больше всего удивляет в России: на вопрос — кто для вас сегодня является моральным авторитетом, собеседники затрудняются ответить.

Образовался вакуум. Остался вечный русский вопрос: что делать? По сути дела, если серьезно задуматься, сами обстоятельства подсказывают ответ. После падения железного занавеса, падения советского режима, мы внезапно очутились в окружении современного мира, от которого не можем себя больше отгородить ни новым занавесом, но новой мифологией. К тому же мы непосредственно вступили в тот период мировой истории и в частности экономики, который условно можно назвать «глобализацией». То есть период, когда экономика, финансовые рынки, международный транспорт, информатика, связь, стандартизация и т.д. превращаются в единую мировую систему, хотим мы того или нет. И уйти от этого уже больше нельзя. Даже Северная Корея, и та начинает это понимать. Так что и нам приходится включаться в эту систему и «жить, как все». Чем быстрее мы это осознаем, тем лучше. Тем скорее будет преодолен кризис, на который так или иначе уйдет еще много лет. Можно конечно валить вину за все на Запад, который, де, хочет обнищания России, но я думаю, что это — возвращение к старым мифам и что оно просто недостойно великой нации. Вину надо валить не на других, а на себя: если бы мы в течение семидесяти пяти лет не строили утопию, а нормальное государство, у нас не было бы этих драматических проблем (были бы, правда, другие).

Как же нам выбраться из этого тупика? Я лично не склонен винить во всем теперешнюю власть. Думаю, что она искренне пытается вылезти из этого болота методом

«научного тыка», допуская при этом ряд ошибок. Другие бы допустили другие ошибки. Никто толком не знает, что и как надо делать. И идти надо на ощупь, не обвиняя своих оппонентов в предательстве или заговоре с ЦРУ. Это не оригинально.

В заключение несколько слов о Церкви. Как я уже сказал, Россия впервые за тысячу лет находится в идеологическом вакууме. Это, пожалуй, ее основная проблема. Она не привыкла так жить. Я не вижу на горизонте никакой новой «русской идеи», которая могла бы заполнить эту пустоту, и здесь, конечно, на Церкви лежит большая ответственность: несмотря на все свои трудности, она несет России то слово правды, которое так необходимо сегодня русским людям. Это чувствуют в России не только верующие, но и многие другие, которые инстинктивно тянутся к ней. За последние годы Церковь восстановила несметное число храмов, приходов, монастырей, духовных школ. Поистине Божественная Благодать восполняет оскудевшее. Поэтому страшную ответственность берут на себя те, кто сеет в Церкви расколы. Это действительно удары по возрождению России.

Но у Церкви есть и другие трудности. Семидесятилетний отрыв от вселенского богословия не прошел даром. Все та же боязнь перед Западом, в котором видят источник всех зол, ритуализм, отсутствие живого подхода к человеку, страх перед употреблением русского языка в богослужении и т.д., все это может привести к тому, что со временем люди будут искать вне Церкви ответы на свои животрепещущие вопросы. А Церковь может превратиться в музей. Я лично верю, что этого не произойдет, что в Церкви достаточно живых сил, которые этого не допустят. Но борьба здесь будет серьезная и судьбоносная для России. В этой борьбе издания типа вашего «Вестника» играют большую роль.

Что же касается будущего России, то по большому счету я оптимист. Просто потому, что русские — нормальные люди, страна — богатая, культура замечательная, духовное богатство за тысячу лет накопили огромное.

При всех этих данных со временем мы вылезем из этого болота, надо только хотеть построить постепенно нормальную жизнь, государство, экономику. У других стран тоже были в истории свои трудности, и они постепенно из них выбрались. Достаточно вспомнить послевоенную Германию. Надо только *трезво* подойти к этому процессу, а не вдаваться в новую мифологию à la Жириновский, которая отбросит нас опять назад на несколько десятилетий. Не пора ли нам вести себя как взрослым, ответственным за свою судьбу?

Прот. Георгий ГОРОДЕНЦЕВ (Одесса)

**ПО ПОВОДУ СБОРНИКА СТАТЕЙ Н.А. СТРУВЕ
«Православие и культура»,
М., Христианское издательство, 1992.**

Содержание сборника «Православие и культура» довольно точно соответствует его названию, ибо в нем говорится и о православии, и о культуре, и, наконец, о православии и культуре.

Первое, т.е. православие, — голос православного христианина и богослова — наиболее полновесно звучит в тех местах книги, которые касаются учения о Церкви. Второе концентрируется не только в статьях на литературные темы, но, несколько неожиданно, и раздел некрологов («Памяти ушедших») знакомит нас с целым пластом русской культуры за рубежом, уходящим в прошлое; читая, начинаешь вместе с автором испытывать настоящую ностальгию по отшедшим лицам и временам.

Что же касается последнего, т.е. того, где православие и культура сочетаются, то это выражается двояко: как в виде теоретической концепции, допускающей и даже требующей «перекинуть мост между Церковью и миром» (с. 39), так и практически, поскольку Никита Алексеевич на деле довольно последовательно применяет эту концепцию в своем творчестве, скажем, отрицая то, что А.А. Фет был атеистом, или оценивая поэзию М. Цветаевой не только с помощью литературоведческих критериев, а чрез религиозные, христианские понятия, выводя логику судьбы поэта из ее «трагического неверия».

Причем обратное у Струве также верно: христианство не только оплодотворяет культуру, но и само одушевляется культурой; высокая культура, в том числе и церковная, позволяет автору, например, достаточно убедительно показать неправду Карловацкой юрисдикции, оставаясь при этом на позиции осуждения сотрудничества Церкви с советской властью в бывшем СССР.

Можно с достаточной долей вероятия предположить, что изданный сборник встретит у нас как интерес, так и неприятие. Интересен он будет для той части бывшей советской интеллигенции, которая на волне нынешнего духовного и религиозного возрождения в России приходит сейчас к Церкви, желая видеть в ней не только сакральное, «не только «святыню», но и творческую силу, призванную преображать мир». (с. 28).

И действительно, интеллигенция уже хотя бы по своему профессиональному предназначению призвана быть наиболее творчески активной частью общества, что же удивительного в том, если она будет искать источник своей созидательной силы не в обесценившихся идеях прошлого, а в такой, к примеру, программе: «Прокладывание мостов между Церковью и миром, построение православной культуры..., внутреннее обновление» (с. 69).

Неприятие же, думаю, последует со стороны тех христиан, которые, достаточно долго пребывая в вере, ревнуют о ее чистоте. С их точки зрения, уже одна попытка соединения православия с мирской культурой выглядит подозрительно, т.к. грозит нарушить чистоту первого. И надо сказать, что и в этом есть своя доля правды.

Лукавым было бы рассуждение о таких взглядах как о всего лишь «косных, примитивных» и т.п. Ведь достаточно спросить: а что, разве соединение культуры и христианства всегда бывает благотворным для последнего? Разве не обмирщилось, пытаясь достичь такого соединения, инославие? Разве из чрезмерного преклонения перед философией и желания внести ее чуждый огонь во святая святых веры не возникало большинство ересей? Разве, наконец, западноевропейская культура, по мнению Н.А. Струве вышедшая из христианства, в нем и осталась?

Такие или подобные им вопросы и беспокоят консервативных русских христиан, и без достаточно веских оснований они от этого беспокойства не откажутся — отсюда, с их стороны последует, скажем так, весьма острое отношение к сборнику.

К тому же для того, чтобы желанная встреча православия и культуры состоялась, необходимо предварительно

ответить на целый ряд других вопросов: например, какую собственно культуру следует пытаться соединить с нашей верой; ведь христианство уже однажды испытало такой благодатный синтез, вобрав в себя и освятив, пронизав божественной энергией лучшее в античности. Так может быть не стоит ломиться в открытую дверь и изобретать велосипед, а просто изучать святых отцов (чего ох как не хватает современному русскому интеллигенту), применяя их учение к нуждам нынешнего дня, — вот вам и вся «православная культура»?

Если, однако, хотят соединить православие с доминирующей ныне западноевропейской культурой, то, во-первых, необходимо четко оговорить, что именно с ней, хотя бы во избежание недоразумения, что православие с культурой никогда не встречались; а, во-вторых, возникает принципиальный вопрос: а может ли вообще западноевропейская культура, которую многие не без оснований почитали антихристианской, быть сочетаема с православием?

Если же это в принципе возможно, то как на деле осуществить это так, чтобы обошлось хотя бы без ересей? Здесь нехстати будет проскользнувшее в сборнике положительное отношение к экуменизму, который среди консервативных русских верующих уже давно считается ересью.

Но так или иначе, не на все вышеперечисленные вопросы мы найдем в сборнике ответы, но не в этом его сила. Никита Алексеевич в своих статьях отнюдь не выступает с детально разработанной теорией христианской культуры, они сильны в другом аспекте.

Ведь наш бывший советский интеллигент, приходящий ныне в Церковь, в отличие от устоявшихся в христианстве «консерваторов», на первых порах не больно будет интересоваться всеми перечисленными мною проблемами, зато весьма привлекательной будет для него сама идея православной культуры, потому что, как уже было сказано, интеллигенция призвана быть творческой силой, а статья таковой она в условиях нынешнего всеобщего кризиса может лишь чрез христианство, через

христианское творческое делание, что, собственно, и есть созидание православной культуры.

Значит книга Н.А. Струве, выражая идеологию Студенческого Христианского Движения и, глубже, основываясь на делании русской интеллигенции, созидавшей «религиозно-философское возрождение» (с. 39) в России конца XIX начала XX веков, обладает достаточно большим и своеобразным миссионерским потенциалом, ибо способна привлекать к Церкви талантливых людей.

В этом заключается ее своевременность. И дай Бог, чтобы испытавшим сейчас (как некогда испытали те, от имени коих говорит Н.А. Струве) «радостное открытие Церкви и жгучую боль о ней» (с. 68) эта книга помогла найти узкий, но единственно верный и спасительный путь.

Но приведет ли нынешний приток культурных людей (к которому стремится помочь Струве) к расцвету нового христианско-культурного возрождения России или нет — это уже вопрос веры: «В Россию можно только верить...»

И в этом плане мы соприкасаемся со второй важной темой сборника — темой Церкви, т.к. в нем проблема ставится значительно более узко (а может быть значительно более широко?): говорится преимущественно не о возрождении России, а о Церкви, ибо без последней не может быть и первого: «Спасение... если придет, то неминуемо через христианство, как уже не раз бывало в истории России. Но только деятельное, цельное христианство, не гнушающееся миром, но возделывающее его, несущее людям уверенность в сущем и надежду на его преобразование, творчески свободное, а не цепляющееся за букву закона, способно вернуть жизнь стране» (с. 119).

Но в прошлом своем состоянии христиане вряд ли способны были стать созидательной силой, ведущей за собой общество, «за рубежом осуществить это стремление мешал распад общества, отсутствие почвы. В России — гнет власти, отсутствие минимальной свободы для всестороннего выражения веры» (с. 69).

Т.о. автор сборника честно признает повсеместность духовного упадка, а это в свою очередь несколько деваль-

вирует основной боевой пафос книги; я имею в виду решительную и последовательную поддержку церковного диссидентства в бывшем СССР.

Конечно, в этой поддержке по преимуществу и выражалось «беспокойство о Церкви, жгучая боль о ней и за нее» (с. 68), в такого рода деятельности, вероятно, виделась возможность помочь Церкви гонимой. Однако уже тогда можно было бы догадаться, что зло значительно сложнее, иначе чем объяснить повсеместность церковного кризиса? В бывшем СССР такой причиной мнился гнет властей, а на свободном Западе? И потом, внешнее гонение, как известно из истории Церкви, совсем не обязательно приводит к ее упадку, иногда даже совсем наоборот, вспомним первые три века христианства.

Значит причина зла значительно глубже, и выяснение этой причины должно, по моему мнению, представлять для православного христианина-интеллигента основной интерес в борьбе за Церковь, хотя бы уже потому, что сие заповедал нам Господь, сказав: «Будьте мудры, как змии» (Мф. 10, 16), — и кто сейчас на земле в совершенстве знает нынешние хитрости древнего змия, воюющего с Женой, облеченной в солнце (Откр. Гл. 12)?

А между тем в стремлении к такому знанию прямой долг культурного человека, пришедшего в православие. Ибо обладая данными ему Христом талантами (умом, смыслом, художественным чувством и т.п.), он должен Невесте Христовой, Церкви Его, вернуть этот долг с прибылью, ибо враг диавол уже давно воюет против нее с помощью различных интеллектуальных, эстетических и т.п. ухищрений, в изобилии изобретенных им как будто бы не столько за 2 тысячи лет христианства, сколько за наш XX век. И наш долг состоит в том, чтобы с помощью Божией постараться дать адекватный ответ на этот вызов, но не в смысле наивного, полудетского разоблачения каких-то таинственных заговоров, от которого нет никакой пользы, а в смысле создания предметов культуры, более высоких в интеллектуальном, эстетическом и т.п. отношении.

Так обычно поступали свв. отцы, например, являя в ответ на ереси все более и более возвышенное учение православия, по форме представляющее собой настоящее продолжение и развитие античной философии, чем парализовались немощные и тривиальные попытки еретиков опираться на последнюю.

Познание уловок зла необходимо современному образованному верующему и потому, что в этом его прямой интерес, ибо без противостояния злу невозможно спасение души, а без изучения зла не будет и противостояния. Именно так рассуждали и святые, вспомним хотя бы «Лествицу», значительная часть которой посвящена описанию «мудрости змия» — всех ухищрений врага, мешающих спасению.

Все вышесказанное необходимо еще и потому, что сегодняшние верующие или полуверующие интеллигенты (среди которых мелькают имена бывших церковных диссидентов, защищавшихся в свое время «Вестником») уже начали стихийную, так сказать «дикую» работу по «разоблачению» глубинного зла, источником коего им видится... Церковь.

И насколько ужасающе безграмотна (я уже не говорю о какой-то там православной культуре, когда нет церковно-приходской грамотности) эта кампания! Насколько напоминает ее тон окрики атеистической пропаганды 30-х или начала 60-х годов!

Это еще один предлог задуматься над судьбой Русской Православной Церкви, над причинами гнетущего ее зла, которое, как мы снова видим на практике, оказалось не столь простым, ибо освобождение от оков безбожного государства принесло Церкви (наряду с действительным подъемом, увеличением числа приходов и верующих) бешеную антицерковную пропагандистскую кампанию (сейчас, правда, несколько поутихшую) в средствах массовой информации, по накалу и страсти аналогичную худшим атеистическим временам; попытку «суверенизации» Церкви в связи с суверенизацией государства (особенно на Украине); ряд расколов и... что еще ждет нас в этом ряду?

И все же есть основания верить, что воскресение придет. Залог этого в виде начала христианско-культурного возрождения России Господь нам дал; пусть это возрождение по духовному младенчеству ныне принимает ненормальные формы.

Однако, время пройдет, дети вырастут, и пусть не все останутся живы, но остальные будут жить в Церкви и для Церкви. Тогда-то, думаю, исполнится то пророческое служение, которое видится Н.А. Струве в Движении православной молодежи (с. 186–187), ибо для того, чтобы пророчество исполнилось и Церковь воскресла, необходимо, чтобы молодежь выросла и, получив церковное образование (в широком смысле слова), стала христианской творческой силой.

Что ж, будем верить и терпеливо ждать добрых плодов, со смирением работая в этом направлении. Именно к такому выводу, на мой взгляд, приводит чтение книги Н.А. Струве «Православие и культура».

I. (Из письма В.С. Гессена к Н.А. Струве)

В Вашем примечании к одному из писем Ильина (Вестник № 171, стр. 138. Письмо 2, примеч. 5), в котором упоминается мой отец, есть некоторые неточности:

1. Он не «принял Православие под конец жизни», а был всю жизнь верующим православным. Внебрачный сын И.В. Гессена, он родился в Усть-Сыольске (ныне Сыктывкар), где тот отбывал ссылку; его мать была дочерью хозяина, полурусская и полузырянка. Там же был он и крещен, и только через несколько лет мой дед взял его в Петербург и усыновил. В гимназические годы «ходить в церковь было для меня большой радостью, — пишет он в автобиографии. — А великопостные службы, в особенности в неделю говенья, на Страстной неделе и Пасхальной (заутреня!) давали не только радость, но и потрясали». Упоминает также, что любил прислуживать при богослужении.

2. В Польше он жил только с 1936 г., а до этого в Праге.

3. Его научная деятельность не ограничивалась «трансцендентализмом»: еще в России он избрал главным своим предметом педагогику. Его основные труды по педагогике были переведены на ряд языков, в Польше же они были рекомендованы в качестве академических пособий. (Стоило бы м.б. также упомянуть и об издании в Праге журнала *Русская школа за рубежом*).

Во время гитлеровской оккупации Польши мой отец:

- 1) Преподавал на тайных университетских курсах.
- 2) Печатал статьи в польских подпольных изданиях, («о подлинной демократии», «правах человека», «правовом государстве» и т.п.)
- 3) Кроме того помогал евреям, за что награжден медалью Праведного среди народов мира. Надо ли добав-

лять, что в оккупированной Польше за все это была только одна мера — *расстрел*.

4) А после войны хлопотал за каких-то фольксдойчей, которым грозило выселение, родственников его слушателей в Лодзинском университете, куда ездил читать лекции (в Лодзи было много немцев). Обращались к нему как к доброму профессору, праведному человеку.

В «народной» Польше он был отстранен от преподавания предметов, имеющих какое-либо отношение к идеологии, а на компромиссы был неспособен. В последние годы преподавал русский язык и, кажется, не без удовольствия (любимый, родной язык!).

Его несколько раз приглашали на сессии ЮНЕСКО в Париж, но польские власти всякий раз не пускали.

В Польше он оставил по себе добрую память и — как говорится в подобных случаях — благодарных учеников; в последние годы (после социализма) о нем пишут статьи, воспоминания, дипломные работы. Тем более обидно, что в России он неизвестен. А он никогда не терял надежду, что в свободной России его труды будут полезны.

Я не берусь судить о его ранге ученого, но он был очень типичным и достойным представителем старой русской *демократической* интеллигенции, на которую теперь так любят вешать собак; он был западником, либералом и в то же время истинным патриотом, даже — как говорят сегодня — государственным и великодержавником, а в час испытаний явил пример *деятельного христианства*.

И моя мать, еврейка, горячо любила Россию («русский народ, — говорила она, — самый великий, самый одаренный из всех народов»). В 42 г. она сказала, что не будет скрывать свое еврейство, прятаться, хотя друзья предлагали помощь и она могла спастись, как напр. жена Яковенки или мать Морковина...

С глубоким уважением Д. Гессен.

II. Редакция Вестника приносит извинения Толмачеву М.В., автору публикации пьесы А.А. Ахматовой «Пролог» (Вестник № 170), за следующие допущенные опечатки:

- Стр. 157 строки 11 и 14 снизу напечатано: Гость
следует: Голос.
- Стр. 166 строка 17 сверху напечатано: яблочки
следует: яблоки.
- Стр. 177 строка 4 сверху напечатано: довоенные
следует: военные.

III. При подготовке книги Б.К. Зайцева «Дни» были допущены некоторые досадные ошибки:

1. На стр. 211 не указано, что примечания к статье «Потомство Тургенева» написаны Людмилой Николаевной Назаровой.
2. На стр. 17, примечание 1, следует читать: Мадам Кулякис, с мужем которой, директором барселонского отделения банка «Crédit Lyonnais», Зайцевы были знакомы.
3. На стр. 31, примечание 1, следует читать: Деревянный храм во имя свв. Константина и Елены, находящийся в имении Трубецких в Clamart, близ Парижа, настоятелем которого долгие годы был архимандрит Киприан Керн.
4. На стр. 247, в тексте очерка «Флобер в России», строки 14–17 сверху следует читать: Несколько позже появилось в альманахе «Шиповника» в моем же переводе «Простое сердце» (редкий случай Флобера смиренного, трогательного, почти нежного — «суровой нежностью»).

ИМКА-ПРЕСС ПО ГОРОДАМ И ВЕСЯМ РОССИИ И СТОЛИЦАМ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В сентябре месяце 1995 года библиотека посильно полного собрания книг, изданных ИМКА-Пресс, была открыта в Калуге, в память Бориса Константиновича Зайцева, который провел детство и юность в этом городе и не раз его описывал в своих произведениях (библиотека была оплачена Н.Б. Соллогуб-Зайцевой). Из Парижа приезжал внук писателя, Михаил Андреевич Соллогуб, прочитавший лекцию об экономических перспективах России, и Н.А. Струве, давший обзор литературной жизни в эмиграции.

Делегация (в нее от Москвы входили В.А. Москвин, О.В. Беликов, Евг. Дейч и сотрудница радио «Эхо Москвы») посетила Шамординский монастырь, Оптину Пустынь, Малый Ярославец.

В октябре месяце того же года, по просьбе Российского культурного центра в Софии, Н.А. Струве передал ему книжный фонд ИМКА-Пресс и прочел лекцию об Александре Солженицыне в Софии, а об Анне Ахматовой в Пловдивском университете. Делегация, включавшая В.А. Москвина и О.В. Беликова, посетила Рыльский и Бачковский монастыри.

9 декабря 1995 года состоялось в Москве торжественное открытие «Библиотеки-фонда Русского Зарубежья» на Таганке. Ее учредителями являются правительство города Москвы, социальный фонд А. Солженицына и издательство ИМКА-Пресс. С речами выступили: префект Центрального округа Москвы А.И. Музыкантский, А.И. Солженицын, Н.А. Струве, митрополит Смоленский Кирилл, посол Франции Пьер Морель и бывший русский посол в Вашингтоне депутат Вл. Лукин (речь Н.А. Струве приводится ниже).

11 декабря книжный фонд ИМКА-Пресс был передан областной библиотеке города Курска. Делегация в составе В. Москвина, О. Беликова и Н. Струве посетила восстановленную Коренную пустынь и прекрасный музей, расположенный у ее входа.

Речь Н.А. Струве на открытии Библиотеки-фонда Русского Зарубежья

Помимо пресс-конференции, состоялись две дружеские встречи с администрацией, а также с духовенством Курска во главе с архиепископом Ювеналием.

В марте 1996 года Н.А. Струве прочел в Библиотеке-фонде Русского Зарубежья лекцию об И.И. Фондаминском-Бунакове.

Тогда же книжный фонд издательства ИМКА-Пресс был подарен Дому ученых еще недавно закрытого атомного города Обнинска (Калужская губерния), где состоялась встреча с местной интеллигенцией.

В конце мая месяца книжный фонд издательства ИМКА-Пресс был подарен библиотеке небольшого города Торбца на юго-западе Тверской губернии. Этот древний город замечателен еще и тем, что в нем родился патриарх, святитель Тихон. Дом, где он рос, и церковь, где служил его отец, сохранились. Администрация города имеет намерение открыть в этом доме музей памяти святителя. Н.А. Струве по просьбе торопчан обсудил этот проект на встрече с патриархом Алексием II.

3-го июня состоялась в Библиотеке-фонде Русского Зарубежья торжественная передача А.И. Солженицыным 800 эмигрантских рукописных мемуаров, собранных им на Западе. Для этой уникальной коллекции был завершён капитальный ремонт третьего этажа здания по самым современным нормам хранения архивов (противопожарные двери, небьющиеся тонированные стекла). С речами выступили А.И. Солженицын, Н.А. Струве и А.И. Муzyкантский. Одновременно Библиотеке-фонду была передана партия редких эмигрантских книг, подаренная М.И. Лифарь, в память ее мужа, Л.М. Лифаря, в типографии которого печатался «Архипелаг ГУЛАГ».

Как видно из этого сухого перечня, программа обновления по России библиотек ИМКА-Пресс расширяется. В июне будет открыта библиотека в Ростове-на-Дону, в сентябре в Симферополе, в октябре в Белграде.

Лиц, желающих материально помочь этой программе, просим направлять чеки на имя *Association des Amis d'YMCA-Press, 11 rue de la Montagne Ste-Geneviève, Paris 75005.*

Я начну со слов, произнесенных А. Ремизовым в 1919-м, когда пошатнулась страна: «Достоевский — это Россия. Без Достоевского — нет России». И позволю себе это изречение перенести на русскую послереволюционную эмиграцию.

Русская эмиграция — это была, это есть Россия. Без русской эмиграции России нет. Вернее, не должно быть России: — без вживания в доблестный, трагический образ русской эмиграции,

— без подражания ее верности и вере,

— без творческого освоения ее великого духовного наследия.

Я бы сказал «доблестный, трагический образ». В миллионной массе беженцев не все одинаково выдерживали годы и годы, десятилетия пассивного стояния, непризнанности в странах чужих, бессилия перед ужасами, происходящими в России.

Всякое было: и бесплодный взгляд назад с неизбежным окаменением, и отчаяние вплоть до самоубийств, и протягивание рук к покинутой родине, приводившее иной раз и к предательству.

Нелегко давалась непреклонная верность светлomu — сквозь века и мрак — нерукотворному лику России. Еще, быть может, труднее — вера в неминуемое, хотя и далекое раскрепощение и возрождение России.

Но тем — большинству — кто не смотрел назад, кто не блазнялся настоящим, но кто был устремлен вглубь и вверх, а тем самым и в будущее, было дано вписать одну из самых славных, самых насущных страниц в живую книгу русской культуры; впрочем, не только в русскую, но и в мировую.

В последние годы начался возврат наследия русской эмиграции, ее слияние с той культурой, которая не умирала, несмотря на удушье и гнет у себя на родине. Переиздаются книги, собираются научные конференции, пишутся исследования...

Сегодня, открывая Библиотеку-фонд Русского Зарубежья, мы, содействуя этому возвращению, начинаем пока еще скромное, но по мысли и перспективе знаменательное дело. Впервые потомки русских эмигрантов — говорю не только от себя, но от многих моих современников, я бы ска-

зал соплеменников — ощущают, что в сердце России открывается дом для них, заветный, родной, *свой*, посвященный делу их отцов и дедов.

Свой он для них потому, что среди учредителей — старейшее зарубежное русское издательство, вот уже три четверти века служащее русской культуре;

— *свой* он и потому, что другим учредителем выступает фонд Солженицына, того, кто, испытав в свою очередь славу и горечь изгнания, первый «оттуда» воздал в полной мере, со свойственной ему нравственной и художественной силой, должное эмиграции, и не только высшим ее достижениям, но и всякому рядовому эмигранту, сохранившему память о прошлом и надежду на будущее.

Своей повернутостью к эмиграции (первой и второй) Солженицын приподнял дух доживающих на чужбине эмигрантов и вселил в их детей и внуков законное чувство гордости за них.

Мне уже известно, что в *свой* фонд дети и внуки эмигрантов с охотой будут отдавать книги, архивы, реликвии, полученные ими от отцов и дедов. Начинание наше скромное, как подобает быть всякому начинанию, связанному с эмиграцией.

Будущее покажет, станет ли Библиотека-фонд нашими общими усилиями — усилиями правительства Москвы, Общественного фонда, ИМКА-Пресс, российской интеллигенции и рассеянных по всему свету детей эмигрантов — станет ли она не только хранилищем книг и архивов, но и жизненным центром встреч, изучения, творческой лабораторией, где будут перерабатываться заветы «Зарубежной России».

Став такой лабораторией, она займет достойное место в медленном и многотрудном процессе возрождения России.

Никита Струве

Желающих пожертвовать книги (только эмигрантского периода) или рукописи в Библиотеку-фонд просим войти в контакт — во Франции, с Н.А. Струве (11, rue de la Montagne Ste-Geneviève, 75005 Paris) или непосредственно с директором Библиотеки-фонда Русского Зарубежья В.А. Москвиным (Нижняя Радищевская 2, 109004 Москва. Тел.: 915.10.47).

В Соединенных Штатах: Mrs L. Flam (P.O.Box 354, Port Tobacco MD 20677) или Prof. O. Huges-Raevsky (P.O.Box 1207, Berkeley, CA 94701).

СОДЕРЖАНИЕ

От Редакции. — Никита Струве 3

БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ

О христианском единстве — *игумен Игнатий (Крекшин)* 5

Экуменизм - проблема и вызов — *Л.И. Василенко* 11

Окружное соборное послание Константинопольской церкви ко всем церквам Христовым (1920 г.) 37

Доклад об экуменическом движении епархиальному собранию 1956 года — *прот. Василий Зеньковский* 42

Вера Христова в русском православии — *Л.П. Карсавин* 68

К вопросу о чине принятия в православную церковь лиц, приходящих к ней из иных христианских церквей — *архим. Амвросий* 90

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Памяти Бродского — *Жорж Нива* 135

Врата, вводящие в таинство второй добродетели — *Шарль Пеги, в переводе С. Аверинцева* 139

Стихи Джованни Пасколи — перевод *Романа Дубровина* 158

Письма Т. Манухиной к Вере Николаевне Буниной — *публикация Т. Пахмусс* 159

СУДЬБЫ РОССИИ

Доклад на Четвертых Рождественских образовательных чтениях при Московской Патриархии 21 января 1996 — <i>А. Солженицын</i>	235
Послание Патриарха — <i>В.И. Соколов</i>	240
Анкета «Вестника Р.Х.Д.». Настоящее и будущее России — <i>Т. Троянов</i>	262
По поводу сборника статей Н.А. Струве «Православие и культура» — <i>прот. Георгий Городецков (Одесса)</i>	267
❖ ❖ ❖	
Письма в Редакцию — Исправления	274
Открытие Библиотеки-фонда русского Зарубежья в Москве. ИМКА-Пресс по городам и весям России и по столицам стран Восточной Европы	277

SOMMAIRE

A nos lecteurs. — <i>N. Struve</i>	3
THEOLOGIE-PHILOSOFIE	
De l'unité chrétienne — <i>p. Ignace Krekchine</i>	5
L'œcuménisme: un problème et un défi — <i>L. Vassilenko</i>	11
Encyclique de l'Eglise de Constantinople à toutes les églises chrétiennes (1920)	37
Rapport sur le mouvement œcuménique à l'Assemblée diocésaine de 1956 — <i>p. Basile Zenkovski</i>	42
La foi chrétienne dans l'orthodoxie russe — <i>Léon Karsavine</i>	68
Le problème canonique et liturgique de la réception dans l'Eglise orthodoxe de croyants venant d'autres églises chrétiennes — <i>p. Ambroise Pogodine</i>	90

LITTERATURE ET VIE

In memoriam Joseph Brodski — <i>Georges Nivat</i>	135
Charles Péguy. Le Porche de Mystère de la Deuxième Vertu (extrait) — traduction de <i>Serge Averintsev</i>	139
Dgiovanni Pascoli. Poèmes — traduit <i>par R. Doubrovine</i>	158
Lettres de T. Manoukhina à Véra Bounine — <i>publication de T. Pakhmus</i>	159

DESTINEES DE LA RUSSIE

Intervention aux 4 ^{ème} Conférence de formation religieuse auprès du Patriarcat de Moscou (21.01.1996) — <i>A. Soljénitsyne</i>	235
La lettre pastorale de Patriarche Tikhon — <i>V. Sokolov</i>	240
Présent et avenir de la Russie (une enquête du Vestnik)... <i>réponse de T. Trojanov</i>	262
A propos du recueil de N. Struve «Orthodoxie et culture» — <i>p. Georges Gorodentsev (Odessa)</i>	267
❖ ❖ ❖	
Lettres à l'éditeur	274
«YMCA-Press» en Russie	277

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

LES EDITEURS REUNIS

ПРЕДЛАГАЕТ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ

П.А. ФЛОРЕНСКИЙ И КУЛЬТУРА ЕГО ВРЕМЕНИ.

Материалы симпозиума в Бергамо. 1988.

Жизненный путь в фотографиях и документах (около 50-ти фотографий).

Под редакцией **М. Хагемайстера** и **Н. Каухчишвили**.

Авторы статей: игумен Андроник; М.С. Трубачева; С.З. Трубачев; Н.Каухчишвили; С.Хоружий; В. Glatzer Rosental; Н. Струве; В. Пискунов; А. Шишкин; И. Роднянская; John Bowl; П.В. Флоренский; С. Демидов; Б. Успенский; В.В. Иванов; Н. Бонецкая; S. Cassedy; прот. В. Строганов; Ежи Фарыно; Н. Гей; Th. Lahusen; P. Гальцева; Л. Геллер; N. Mislér; В. Бычков; И. Киш; В. Никитин; J.L. Opie; М. Йованович; R. Slesinski; еп. А. Кузнецов; иеромон. Иннокентий (Павлов); архим. Иннокентий (Просвирин); М. Хагемайстер.

Blaue Hörner Verlag, 1995, 526 стр.

Цена: 370 фр.

Заказы направлять по адресу: LES EDITEURS REUNIS

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève

75005 Paris, France

Tél.: 43-54-74-46; Fax: 43-25-34-79

**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
LES EDITEURS REUNIS**

ПРЕДЛАГАЕТ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ

«ВТОРАЯ ПРОЗА».

Труды международной конференции «Вторая проза», Москва, декабрь 1994.

Составители: В.Вестстейн, Д.Рицци, Т.В. Цивьян.

Вступительное слово: В. Топоров.

Русская проза 20-х–30-х годов XX века. (Л. Добычин, М. Кузмин, К. Вагинов, П. Муратов, М. Осоргин, Пимен Карпов, С. Заяицкий, Н. Никитин, А. Чаянов, М. Козырев, М. Попатто, Ю. Одарченко и др.).

Авторы статей: В.С. Бахтин; А.Ф. Белоусов; С.Г. Шиндин; П. Пера; В.Н. Топоров, М.О. Чудакова; Т.М. Николаева; Н.А. Богомолов; Й. Ван Баак; О.Г. Шиндина; Д. Рицци; В. Вестстейн; О. Тилкес; И.Г. Вишневецкий; К.М. Поливанов; О. Обухова; Т.Л. Никольская; К. Соливетти; Г. Лану; П.Ф. Кацис; Д.М. Фельдман; С. Гардзонио; Т.В. Цивьян.

Приложен указатель имен.

Издание: Università degli Studi di Trento, 1995, 416 стр.

Цена: 200 фр.

**Заказы направлять по адресу: LES EDITEURS REUNIS
11, rue de la Montagne Sainte Geneviève
75005 Paris, France
Tél.: 43-54-74-46; Fax: 43-25-34-79**

**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
LES EDITEURS REUNIS**

ПРЕДЛАГАЕТ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ

СТАЛИНСКОЕ ПОЛИТБЮРО В 30-е годы.

**Сборник документов.
1995 г. 340 стр.**

Серия «Документы советской истории»

Издатели:

**Центр Социально-Гуманитарного образования Московского
университета**

**Istituto Italiano Per Gli Studi Filosofici
Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales
Maison des Sciences de l'Homme
«АИРО-XX» Москва**

Составители:

О. Хлевнюк, А. Квашонкин, Л. Кошелева, Л. Роговая.

Составители использовали материалы, хранящиеся в Государственном Архиве РФ, документы из личных фондов членов Политбюро 30-х годов (РЦХИДНИ), что дает возможность ознакомиться с перепиской между членами Политбюро, которая проливает свет на некоторые «неформальные» обстоятельства деятельности этого органа.

Сборник снабжен примечаниями составителей и указателем имен с краткими биографическими данными.

Цена: 240 фр.

**Заказы направлять по адресу: LES EDITEURS REUNIS
11, rue de la Montagne Sainte Geneviève
75005 Paris, France
Tél.: 43-54-74-46; Fax: 43-25-34-79**

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
LES EDITEURS REUNIS

ПРЕДЛАГАЕТ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ

**ПЕРЦОВА Н. Словарь неологизмов
Велимира Хлебникова.**

Wiener Slawistischer Almanach
Sonderband 40
1995 560 стр.

Предисловие Хенрика Барана.

Кроме собственно словаря (неологизмы из публикаций, неологизмы из рукописей, гнездовой словарь, обратный словарь и др.), книга содержит введение, объясняющее принципы построения словаря, некоторые материалы из рукописей Хлебникова и библиографию.

Цена: 300 фр.

**ЛЕВИН Юрий. – Комментарий к поэме «Москва-
Петушки» Венедикта Ерофеева.**

Institut für Slawistik, Austria, 1996, 96 стр.

Текст поэмы, как известно, изобилует скрытыми и явными цитатами из русской и мировой литературы, намеками на реалии советской жизни, которые автор, Юрий Левин, помогает расшифровать.

Прекрасное пособие для изучающих русский язык.

Цена: 70 фр.

Заказы направлять по адресу: LES EDITEURS REUNIS

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève
75005 Paris, France

Tél.: 43-54-74-46; Fax: 43-25-34-79

ВЕСТНИК Р.Х.Д.

ВНИМАНИЕ !

в России :

Представитель «ВЕСТНИКА»

Богословский А. Н.
Проспект Мира, д. 110/2, кв. 291
129626 Москва

В Москве, в частности, «Вестник» продается:

«Русский путь». Ул. Николаямская, 1 (в здании Библиотеки Иностранной литературы), 109189 Москва
тел. 915.10.47

Крутицкое Патриаршьё Подворье. Ул. Крутицкая, 13
109044 Москва

Представители «ВЕСТНИКА» на Западе

в Америке (West) :

Mrs Olga Hughes-Raevsky, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701.

в Америке (East) :

Mrs T. Ertl, 6691 Lakeview drive, Boulder, Colorado 80303.

в Канаде :

«Parish News», 1175 A rue de Champlain, Montreal, P.Q.H2L 2R7

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к русской православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

(Из Устава Р.С.Х.Д. 1959 г.)

